

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

www.lgz.ru

№ 1 (6004)
19 - 25 января 2005 г.

Газета основана в 1830 году при участии А.С. ПУШКИНА
Издание возобновлено в 1929 году при поддержке М. ГОРЬКОГО
Выходит по средам

В НОМЕРЕ:

- Пролетая над Днепром**
Взгляд из постреволюционного Киева на Россию стр. 2
  - Утонувшие в бутике**
Как заставляют покупать ненужные вещи стр. 5
  - Зима тревоги**
Театральная реформа: аплодисментов не будет стр. 10
  - Таинство тихих институтов**
Чем занимаются в нашей стране иностранные фонды стр. 11
- Авторы и герои номера:**
Михаил Горбачёв, Александр Кушнер, Павел Бунин, Андрей Кураев, Александр Грин, Николай Луганский, Евгений Сазонов

175 лет назад российской читающей публике был представлен первый номер «Литературной газеты», созданной усилиями лучших тогдашних литераторов – Пушкина, Вяземского, Дельвига и многих других. Любопытно, что первые двенадцать номеров в связи с отъездом Дельвига редактировал,

Детище Пушкина

по мнению специалистов, именно Пушкин, определивший дух и заложивший основные принципы нового издания, которое сразу же включилось в сложнейшую литературно-политическую борьбу того времени.

Главными среди этих принципов были: широкий взгляд на литературно-художественный процесс, стремление в «просвещении» статьи с веком наравне», приверженность гражданским свободам

и осмысленный, высококультурный патриотизм. Этим заветам великих предшественников стараемся следовать и мы, нынешние литгазетовцы. Надеемся, юбилей старейшей россий-

ского издания – праздник не только для нашего редакционного коллектива, но и для наших читателей, вот уже 175 лет передающих из поколения в поколение любовь к пушкинскому детищу – «Литературной газете»!

Юрий ПОЛЯКОВ,
31-й главный редактор «ЛГ»

СРЕДА. ТОМ. I. №. I. ЯНВАРЯ 1830 ГОДА.

Выходит по средам.

1830 ГОДА.

Цена годовому изданию, состоящему из 12-ти №. в С. П. В. 35 руб. с пересылкой в разностной 40 рублей.

В. И. Шварца. «Историческая картина: народ на Варшавском мосту в Петербурге в 1831-1837. Шадрин и другие русские писатели и Иван Крылов, Александр Пушкин, Иван Иванович Жукowski и Иван Иванович Гоголь»

ДИСКУССИЯ

Перестройка. Двадцать лет спустя

Двадцать лет назад в жизнь советских людей ворвалось загадочное слово «перестройка». И мало кто мог тогда предположить, какими будут итоги пошедшего процесса. А итоги оказались более чем впечатляющими. По сути, произошла смена исторических эпох, перемены устройства мира, распад государств и государственных союзов. Целые народы, десятки миллионов людей зачастую против своей воли стали гражданами новых государств. Небывалые идеи и смутные надежды кружили головы, революционный невроз сотрясал общество...

Сегодня, когда плоды потрясений всем очевидны, многих мучает вопрос: а был ли путь, избранный 20 лет назад, единственным? Или были возможны и реальные варианты, иные приоритеты? Не обманулись ли мы жестоко, сразу поверив знаменитому перестроичному лозунгу «ничего не дано»? Отношение к перестроичным временам до сих пор крайне противоречиво и зачастую разделяет людей на непримиримых противников. При этом, несмотря на не-

большой вроде бы исторический срок – всего 20 лет! – многие подробности, детали, факты той поры уже вымываются из памяти людей, заменяются мифами и выдумками, мешают понять, что же действительно произошло с нами и со страной.

А понимать надо, если мы не хотим по-прежнему брести вслепую навстречу судьбе, раз за разом оказываясь со-

вершенно не готовыми к реальным испытаниям, которыми полон современный постперестроичный мир.

Сегодня «Литературная газета» начинает дискуссии об итогах и уроках того революционного, по сути, времени, которое вошло в историю под именем «перестройка».

Первый материал на эту тему на стр. 4

ВАС БЕСПОКОИТ «П»

В тупике

Высказать свой взгляд на события, связанные с монетизацией льгот, «ЛГ» попросила академика РАН Олега БОГОМОЛОВА.

– Рассматривая решения по монетизации льгот, принятые парламентом и претворяющиеся в жизнь, как фронтальное наступление на жизненный уровень наших людей. И это не может не вызвать отрицательную реакцию, выражений протеста, которые уже сейчас наблюдаем.

А самое главное – всё это правительство-парламентское «мероприятие» преследует очевидную цель – экономно бюджета за счёт огромных слов населения. Покупательная способность многих граждан России снижается, а бюджет получает дополнительные средства для каких-то расходов.

Но снижение покупательной способности значительной части российского народа уменьшает внутренний рынок, а следовательно, и возможности развития промышленности, работающей не на экспорт, а на внутреннее потребление страны. То есть это фактор, тормозящий общий экономический рост.

Более того, социальная дифференциация – разрыв между бедными и богатыми –

возрастает. Данные о росте реальных доходов, сообщаемые официальной статистикой, относятся к средним величинам, за счёт действительного роста доходов богатых получают вот эти средние данные. А бедная часть населения практически ничего от реформ последних лет не выигрывает, наоборот, в результате монетизации льгот, перевода медицины, образования, жилищно-коммунальной сферы на коммерческие рельсы будет нищать. Это очень опасная тенденция в экономическом развитии, по существу, тупиковый путь.

Продолжение темы на стр. 2

НАШИ ЛАУРЕАТЫ

Впервые в истории российской словесности «Литературная газета» объявляет имена лауреатов премии имени Антона Дельвига

Лауреатами стали:

за стихи, опубликованные в «ЛГ»,
Константин ВАНШЕНКИН

за книги последних лет
Дмитрий ЖУКОВ

за цикл публицистических материалов «Дневник учителя», опубликованный в «ЛГ»
Ирина КАБЫШ

Все объявленные «ЛГ» лауреаты в течение многих лет активно сотрудничали и продолжают сотрудничать с «Литературной газетой».

Почётные дипломы и премии будут вручены на торжественной церемонии, посвященной 175-летию со дня основания «Литературной газеты» Антоном Дельвигом при участии Александра Пушкина. Церемония пройдет 26 января в 14 часов в Центральном Доме журналиста.

Редакция «ЛГ» от имени своих читателей поздравляет первых лауреатов премии имени Антона Дельвига и желает им новых одолевших свершений на благо отечественной словесности.

На этой неделе наш сайт www.lgz.ru посетили 7363 человека. Заходите!

Запас терпения на исходе?

Законы об отмене льгот, вступившие в силу в новом году, вызвали по всей стране мощный протест «униженных и оскорбленных». Митинги, пикеты, акции гражданского не-

повиновения в самых разных городах и регионах Российской Федерации — этого ли волей-неволей добивались федеральные власти? Комментируют эксперты «ЛГ».

АКТУАЛЬНО

Пролетая над Днепром

Взгляд из постреволюционного Киева на Россию

В начале января Киев был тих, пустынен, погружен в повседневные хлопоты. Революционный дух оставил город. И палаточный городок сторонников Виктора Ющенко на Крещатике — грязные палатки, чайные пачки и трубы, бьющие в нос запах нечистот, редкие его жители, сонно глядящие из своих окошек, — уже не выглядел чудесным символом свободы и демократии. Он стал той тусклой революцией, которую принято убирать с глаз долой, когда пришла пора садиться за столы и вкушать плоды победы.

Поэтому начальство стало разными способами и методами убеждать жителей городка очистить центр города. Киевляне, носившие еще недавно в городок еду и шитье, начали говорить про неудобства, мешающие нормальной жизни. И даже прогрессивные журналисты принялись интересоваться: а кто там, собственно, живет? И с какой целью? Сам Ющенко, поколебавшись, издал распоряжение палатки на Крещатике свернуть...

Но нашлись у городка и защитники. Самая решительная из революционеров, ныне не скрывающая желания стать премьер-министром Юлия Тимошенко раскритиковала распоряжение Ющенко: «Когда мы начинаем писать такие резолюции, это убивает веру людей в то, что они могут влиять на политику. Я за то, чтобы Майдан разошелся, когда сочтёт нужным». По словам Тимошенко, палаточный городок — это «последняя баррикада», которая не позволит отменить результаты победного для Ющенко голосования.

А «командит акции общественной непокорности» — оцените по достоинству этот бюрократический-революционный перл! — депутат Роман Бессмертный потребовал от политиков не исполнять смертный приговор в собственных интересах. Пан командит может требовать, сколько угодно, вот только помещать не в его силах. «Майдан этого не воспримет. Как не воспримает никаких культурных интриг», — заключает пан командит. Воспринимать возмозжно и не воспринимать. Но вот и воспринимать обнаруживает время от времени рядом со своим кумиром Ющенко до боли знакомые лица из прежнего руководства страны. Что подделашь, революция закономерно вступила в стадию культурных договоренностей...

Киев это видит, и потому в задумчивости. Уже сказаны много раз все слова о рождении нации, о новом народе, о новой стране, но вдруг все чаще стали раздаваться вопросы: а если президентство Ющенко обернется разочарованием, если плоды оранжевой революции окажутся горькими и несладкими? При этом Киев старается не замечать тяжёлое и мрачное молчание юго-востока страны, который, похоже, так и не согласился с объявлением Ющенко президентом и ищет способы этого несогласия претворить в реальные события.

И почему-то не услышать в Киеве, «матери городов русских», голоса России. Слово огромное безмолвное пространство, какая-то Дикая степь пролегает за восточными границами Украины. Откуда доносятся только дикое завывание посы, разрывки ментов и авторитетов, идиотские раскаты аналитического смеха. Да ещё вызывающие недоумение рассказы об отнятии льгот у пенсионеров, новгородных подвигах олигархов, бессмысленном десятидневном народном безделье. Иногда послышится загадочно-невнятное бормотание российского посла: все хорошо, мол, и правильно, будем развиваться ещё больше.

В Киеве гадают, как поведёт себя Россия теперь. Обидится? Затанцует? Начнёт строить пакосты? А Россия молчит. Слово чувствует себя разбитой и униженной. Хотя поводов для этого нет. Только факт, что один из лидеров украинской оппозиции Александр Мороз внес в парламент проект закона о признании статуса официального русского языка на Украине, чего стоить! Об этом выборе об этом и говорить никто не хотел. Общественного рода стороны соперника Ющенко Виктора Януковича называли жалким предвыборным трюком.

Так что ситуация на Украине переменялась. Половина Украины в ходе оранжевой революции сделала ясный выбор: быть с Россией, с «русским миром», а не против него. И та часть Украины, которая избрала другой путь, уже не смеет закрыть на этот выбор глаза. Потому что юго-восточные регионы уже не будут покорно молчать и послушно сносить команды воинственных западцев. Свидетельство тому — оживление политической жизни в этих регионах. Там проходят митинги, создаются партии, готовятся референдумы об автономии. В этой ситуации России не унывать надо, а действовать. Трезво оценивая обстановку. Делая ставку не на культурные договоренности, как это было с Кучмой, а на широкое сотрудничество с близкой нам частью Украины, а она ой как велика! Да ещё промудит надо, что уже в будущем году на Украине пройдут парламентские выборы, от которых чрезвычайно много зависит. А для победы на них нужны не замаранные политтехнологи, от которых украинцы тошнит, а личные идеи и эффективные проекты совместных дел, которые, опираясь на родство старших поколений, откроют перед молодыми новые возможности реализации себя в большом мире...

— Хуже всего, если Россия будет чувствовать себя виноватой перед новым украинским руководством и начнёт делать ему подарки, как Кучме, — сказал мне в московском посольстве инженер-киевлянин, много работающий в России. — Никто за подарки благодарит не будет. Дарят — значит, виноваты. Надо просто вести себя как большая современная держава с неограниченными возможностями. При этом чётко знающая, где и в чём её интересы.

И ведь как верно!

Игорь СЕРКОВ

Люди готовы действовать

Олег ШЕИН,
депутат Госдумы

— Терпеливая ситуация с «монетизацией» — цветочки. Лишение миллионов наших сограждан льгот по проезду городским и пригородным транспортом — лишь частный эпизод, отражённый в «знаменитом» 122-м федеральном законе. Региональные руководители постарались обеспечить соответствие существующих финансовых расходов исходя из имеющихся в регионах средств. Народ, естественно, понял, что такое 122-й федеральный закон, вышел на улицы, но пока лишь по одному вопросу — «транспортному».

Однако летом прошлого года был принят целый ряд законодательных инициатив, в частности касающихся и коренной ломки ситуации в жилищно-коммунальном хозяйстве. Рассказы вице-премьера Жукова о том, что льготы по предоставлению услуг ЖКХ сохранены, не соответствуют действительности, и мы это скоро увидим. Формально региональные власти многие из этих льгот сохранили. Но фактически надо ожидать повсеместного уменьшения «социального норматива площади жилья» и соответственно законодательного увеличения для граждан так называемых «жилплощадок».

С нового года у нас для населения — стопроцентные жилищно-коммунальные платежи. К тому же действует постановление правительства о запрете субсидирования.

Что это означает? Например, до 1 января 2005 года пенсионер за кубометр воды платил больше, чем пенсионер, а теперь их платежи должны быть выравнены, для пенсионера в сторону понижения, для пенсионера — наоборот. Поскольку льготы по оплате услуг ЖКХ для ветеранов труда утверждаются теперь территориальные органы власти, то они, да, 50-процентные скидки сохраняют, но на существенно меньшую площадь жилья.

К примеру, в Астраханской области в бюджете предусмотрены льготы каждому ветерану лишь на 15 квадратных метров, хотя на сегодня социальный норматив площади жилья в зависимости от состава семьи составляет от 18 до 33 «квадратов».

Как видим, этот норматив сокращается даже по сравнению с его нижним пределом. Что неизбежно повлияет и на платежи за отопление (самые дорогостоящие), и на квартплату. Для пенсионеров тема коммунальных тарифов может оказаться крайне болезненной. И не только для пенсионеров...

Власти регионов теперь платят зарплату бюджетникам, а у членов федерального правительства появляются «основания» говорить, что они за выплаты работникам бюджетной сферы не отвечают. С него, дескать, взятки гладки, спрашивайте с «территории». Здесь надо иметь в виду изменения в налоговом и бюджетном законодательстве, в соответствии с которыми регионы поте-

ряли в 2005 году 102 миллиарда рублей только по налогам. В этих условиях говорить о том, что индекс территории (из 89 регионов) у нас около 70 дотационных субъектов без дыр в бюджетах выполнять обязательства, навязанные им новыми федеральными законами, просто не приходится. Отсюда вывод: кризис в стране будет нарастать. И дело не только в том, что нужно срочно подкинуть краям, областям и республикам дополнительные миллиарды (десять хотя и об этом до сегодняшнего дня речи не идёт), накапливающих проблемы, до сих пор даже непонятных, несознанных нашими министрами. И эти проблемы взорвутся неизбежно, буквально через считанное количество недель.

В качестве примера приведу ситуацию в здравоохранении. В два раза сокращены отчисления в территориальные фонды обязательного медицинского страхования (по налогу на страховую медицинскую). Учитывая, что с текущего года учреждения здравоохранения могут быть приватизированы, затрудно предположить, какие ресурсы лечебно-профилактических организаций. Что опять-таки «режет» и по персоналу больниц и поликлиник, и по пенсионерам, повлечёт за собой забастовки, акции протеста и всё такое прочее.

Мы стоим на пороге глубокого кризиса. То, как на эпизод, связанный с льготами по общественному транспорту, отреагировало население, демонстрирует только одно. Люди, видимо, по всей стране будут действовать решительно и жестко. Власть, не слыша возражений, сама себя загнала в ситуацию очень тяжёлую...

Нужны оргвыводы

Валерий ХОМЯКОВ,
политолог

— Вызовы, конечно, правительство и Госдуме. Наверное, не совсем совершен закон (пакет законов) о монетизации льгот, особенно в час-

ти механизма его исполнения. Правительство и региональные начальники повинны в том, что не смогли своевременно организовать получение гражданами денежной компенсации. Фактически никто не был готов к выдаче денег в срок. Либо шла некая «прокрутка» финансовых потоков, и кто-то из коррумпированных чиновников, которых у нас немало, на этом зарабатывает.

Когда обсуждался вышеупомянутый пакет законов, в парламент поступали предложения о том, чтобы «запустить» монетизацию не по всей стране одновременно, а апробировать эту реформу в одном или двух субъектах Федерации, допустим, в одном крупном городе, той же Москве и каком-нибудь «среднестатистическом» регионе — например, Нижегородской области или Красноярском крае. Посмотрев, как механизм реформы работает, можно было устранить его недостатки и только потом тиражировать на всю Россию.

Очевиден рост протестных настроений, поскольку монетизация затронула наиболее политически активные части населения (как известно, пенсионеры на выборы у нас ходят исправно). Думаю, это может привести в конце концов к падению рейтингов и «Единой России», и президента. Ведь наша экономическая политика и политическая стабильность в стране строятся на популярности президента, а такое «проведение реформ» может привести к тому, что и сами реформы останутся.

Надеюсь, президент сделает оргвыводы. Думаю, надо разобраться с правительственными чиновниками, ответственными за своевременную выплату компенсации бывшим льготникам, и с некоторыми региональными начальниками.

Способен ли президент должные выводы сделать и как он это всем нам продемонстрирует, сказать трудно.

Очевидно и то, что «Единая Россия» оказалась в двусмысленном положении. С одной стороны, среди правительственных чиновников немало членов этой партии. С другой — членом «Единой России», доминирующим в Думе и несущим ответственность за принятие законов, свалил свою вину с одной части партии («исполнительную») будет весьма непросто...

ДАТА

Детонатор революции

Вокруг российских событий 9 (22 — по новому стилю) января 1905 года сейчас идёт немало споров. Есть мнения, что это была искусная провокация революционеров, готовых любыми средствами обострить политическую ситуацию в стране. Но многие историки до сих пор придерживаются точки зрения, принятой в советской историографии, в этот день произошёл расстрел мирной демонстрации рабочих, шедших к царю с петицией, что окончательно подорвало у народа веру в царя и сильно способствовало росту революционных настроений в стране.

В столетнюю годовщину трагедии мы обратились к доктору исторических наук, лауреату Государственной премии РФ Валентину ШЕЛОХАЕВУ с просьбой дать оценку тем событиям.

— Какие цели преследовала власть, позволив Георгию Гапону создать «Собрание русских фабрично-заводских рабочих С.-Петербурга»? Почему рабочие верили Гапону, шли за ним?

— Деятельность «Собрания» должна была способствовать поднятию культурного уровня рабочих и улучшению их социального положения в рамках существующего режима. Решение этих задач отвлёкло рабочих от революционных методов борьбы.

Гапон, человек экзальтированный, вместе с тем был искренне неравнодушен к проблемам рабочих. Будучи священником, в трудные минуты за многие километры он шёл в приюты, больницы и рабочие семьи. Утешил, делился собственными деньгами. Видя его бескорыстие и получая помощь, рабочие верили ему. Авторитет Гапона в рабочей среде стал стремительно расти.

— Текст петиции был известен заранее. Что в ней не устроило Николая II?

— Помимо социально-экономических требований, петиция содержала требования политических свобод и созыва Учредитель-

ного собрания. Из истории известно, что во всех странах Учредительные собрания решали любые вопросы, включая вопрос о власти. Поэтому появление такого лозунга в петиции не могло устраивать царя. Власть поняла, что гапоновское движение начинает меняться, становясь более радикальным.

— Однако в поведении рабочих, шедших к царю с семьями и несших его портреты, радикализм явно не просматривался. — На данной стадии имел место симбиоз нового и старого. С одной стороны, во время разработки петиции в неё попали многие требования социал-демократов. С другой стороны, Гапоном шестые задумывались как абсолютное мирное, напоминавшее крестьян ход. К царю рабочие шли за защитой, в поисках правды и справедливости. И, хотя ховили слухи о готовящейся расправе, а 8 января слухи уже была заполнена войсками, рабочие не могли себе даже представить, что их мирное шествие с иконами и хуртами будет расстреляно. Ведь все знали, что никакие революционные акции они не замыслили.

— 9 января в дневнике Николай II записал: «Войска должны были стрелять в разных местах города». Почему «должны»? Что мешало приять петицию у народа кому-нибудь из министров?

— Отсутствие желания. Власть не ощущала опасности социального взрыва, а желания разобраться в проблемах рабочего люда у неё не было. Правительство предпочло отреагировать традиционным методом насилия. Офицеры получили команду действовать по воинскому уставу: три предупредительных выстрела над толпой, остальные в неё.

— К какому числу жертв это привело? — Общая численность убитых и раненых превысила четыре тысячи человек. Впрочем, точных данных нет, поскольку

далеко не все пострадавшие зарегистрированы. Власть совершила варварскую и ничем не оправданную акцию. Чисто тактически в критической ситуации можно было начать переговоры и проводить их в течение нескольких дней. Тогда сотни тысяч людей ушли бы с улиц.

Для характеристики настроения власти стоит сказать ещё об одном. 19 января Николай II принял рабочую делегацию, состав которой был тщательно подобран. Однако даже эти люди очень удивились заявлению царя, что он рабочих прощает. Большой цинизм трудно себе представить.

— Чем явился день 9 января в истории России? Насколько справедливо утвержде-

ние, что первая русская революция началась с революции в умах?

— Конфликт между обществом и властью был заложен в процессе реформ Александра II. Проведя крестьянскую, военную, судебную и земскую реформы, власть не пошла на реформирование политической системы. А поскольку в пореформенный период появились и стали набирать силы новые социальные страты, этот конфликт стал усиливаться.

К началу XX века становилась демократическая свобод уже разделяли широкие слои населения. Удовлетворены эти требования — властью или усилием самого общества.

Помимо политической, у конфликта имелась и социальная сторона. Несмотря на бурные темпы роста экономики России в пореформенный период, жизнь народа оставалась тяжёлой. Рабочие были лишены пенсий и социальных гарантий.

И вот на этом социально-политическом фоне происходит «Кровавое воскресенье». Трагические события в столице явились детонатором развития революционного процесса в России. Перелом в сознании действительно произошёл. Кризис монархического принципа правления вступил в новую, более острую фазу. Значительное число людей перестало верить верховной власти. В сознании народа утвердилось мнение, что царская власть не желает реагировать ни на какие чаяния народа, игнорируя даже самые справедливые его требования. Происходил отход от традиционной установки на ожидания благ, которые дарует власть. Люди осознали необходимость борьбы за свои политические и социальные права.

9 января стало гранью между XIX и XX веками. В политическом и социальном плане XX век в истории России наступил именно 9 января 1905 года. Так бездумными действиями власть смогла изменить ход истории страны.

Беседовал
Олег НАЗАРОВЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

1971 1979

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
ОАО «Издательский дом
«Литературная газета»Главный редактор
Юрий ПОЛЯКОВЗаместители главного редактора
Леонид Колпаков,
Игорь Серков,
Валерий Павлов
(судебный редактор)«Политика, экономика» —
тел. 208-63-21
ведущий редактор
Владимир Поляков;
Сергей Громов; Анатолий Друскино,
Ирина Хузин«Общество» — тел. 208-82-80
шеф-редактор Игорь Гаманюков;
ведущий редактор
Людмила Мазурова;
Валерий Бузру«Литература» — тел. 208-94-19
заведующий отделом
Сергей Мнацаканян;
Павел Басинский, Надежда Горлова,
Александр Яковлев«Телевидение» — тел. 208-82-76
Александр Горбунов
«Искусство» — тел. 208-98-76
ведущий редактор Александр Вислов;
Ирина Тосунян, Жанна Васильева
«Клуб 12 стульев» —
тел. 208-82-62, 208-06-85
главный администратор
Евгений ОбуховОбозреватели:
Сергей Луконин,
Александр Цинко,
Аркадий Соколов (Санкт-Петербург),
Алексей Сидусов (Иркутск)Отдел спецкорреспондентов
Александр Попов
Выпускающий редактор
Борис Фузов

Отдел оформления — тел. 208-81-82

билд-редактор
Александр Карзанов,
художественный редактор
Антон МеньшовГенеральный директор
Александр СОБОЛЕВ
Управленческие должности — тел. 208-89-21
Вадим Лаврентьев
Директор по развитию
тел. 208-91-84 Марина БорисоваОтдел рекламы:
тел. 208-95-24, 208-91-62
Елена Беланова, Юлия ЛукьяноваОтдел распространения:
тел. 208-98-55, 208-97-00начальник
Валерий Андрушин;
Татьяна Дюкина, Екатерина Калагина
Служба экзекюирования: тел. 208-56-00
Наталья ДонскаяСектор Интернет: тел. 208-56-18
Общий тираж 83 000 экз.
Газета печатается в Москве,
Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону,
Екатеринбурге, а также в Германии,
Великобритании и Израиле.
Отпечатано в ИД «Медиа-Пресса»,
ул. «Правды», 24, Москва, 125993Номер подписки на печать
18 января 2005 г.
Зак. № 503801Редакция рассматривает все обращения
читателей, а также
за собой право не регистрировать и
не возвращать письма и рукописи.
Подписные индексы: 50067,
34189 и 84874(для предприятий и организаций)
«Экспортная подписка» —
по каталогам
«МК-Периодик»
и «East View Publications»
Газета зарегистрирована
в Министерстве РФ по делам печати,
телекоммуникаций и средств массовых
коммуникаций.Свидетельство ПИ № 77-1835
от 10.03.2000 г.Адрес редакции:
Костянский пер., 13
Москва, 107045
Для телеграмм:
Москва 90 ЛитгазетаЭлектронный адрес:
litgazeta@litz.ru
Факс: 208 99 14, 206 62 25Автоматический телефон
для справок по редакции:
200-02-38Перепечатка допускается
по согласованию с редакцией,
ссылка на «ЛГ» обязательна.

ГОРБАЧЁВ - ПРОМОТВОД
ДЛЯ СЛАБОЙ ДУШИ

Хула на Горбачева и его перестройку у меня вызывает протест. Внутренний, инстинктивный протест, как самооборона души, протест против вопиющей несправедливости. Горбачёв у нас играет роль промоотвода. Его имя берет на себя все наши ошибки, все наши русские слабости, наше неразумие. Только нация, так и не ставшая субъектом своей истории, своей судьбы, могла так легко и беспечно слать перестройку, как следили мы.

А ведь мы сдвинули перестройку, не её творца, а сами себя. На каждом углу говорим, что в русской истории «черных дыр» не бывает, научились спокойно, философски относиться к ленинскому, и к сталинскому террору, а один из самых счастливых, праздничных периодов русской истории XX века, даже первые годы перестройки вычеркиваем на свалку. До сих пор основная «народная» версия гласит, что «перестройку организовал ЦРУ», а «Горбачёв продал СССР за деньги». Не от большого ума и здоровой души всё это говорится.

Отвратные, чаще всего откровенно злые, наплевательские и грязные слова о Горбачёве, о тех переменах, которые связаны с его именем, на мой взгляд, свидетельствуют о серьёзной болезни нашего общества. Не только о болезни души, чувств и рассудка. Тут мы имеем дело с какой-то порчей, которую никакая чистка не снимет. С этой порчей мы, скорее всего, снова выйдем на очередную, за этот раз последнюю, антирусскую революцию.

И самое страшное, что этим поверхностными, не столько злыми, сколько ироничными пренебрежительными суждениями о перестройке живёт и наша молодежь. Она, выросшая в эпоху тотальной иронии, вообще не умеет всерьёз относиться к серьёзным вещам. Политические свободы, уйма прав, которые нам, советским людям, не снились ни в молодости, ни в зрелом возрасте, свалились им на голову как манна небесная.

И они просто не в состоянии оценить то, что получили. Понять, как трудно было человеку, наделённому от природы совестью и здравым умом, жить в советском обществе, тем более во времена Сталина, как трудно было идти по тонкому льду марксистско-ленинской идеологии, чтобы не оступиться, чтобы, не дай бог, не сказать вслух всё, что ты на самом деле думаешь о великом «вожде народов», о его коллективизации, преумножении колхозного строя.

Свобода, к сожалению, обладает у нас ценностью только для тех, кто её не имел, кто знает, что такое ненормальное общество, где всё естественное находится под запретом. Но тем, кто вырос в нормальном обществе, трудно понять, что всего этого может не быть, может не быть права свободно судить обо всём, о чём хочешь. Привычка к норме погубила российскую интеллигенцию, только после прихода к власти большевиков поняв, что шарим всё же был нормальным обществом, по крайней мере, по сравнению с Совдепией.

Есть опасность, что внедренное в сознание молодежи ироничное, в лучшем случае снисходительное, отношение к Горбачёву и перестройке переносится у них и на дарованные им политические свободы, на свободу совести, печати, дарованное им право на историческую память, на правду о русской, советской истории, дарованное им право увидеть мир, которое моё поколение получило на пороге пятидесятилетия. Это вдвойне опасно в условиях нашего порченного постмодернизма, когда совесть и моральные чувства не в почёте, когда самая страшная правда о преступлениях Ленина и Сталина уже не вызывает у людей никаких эмоций и чувств.

Для того чтобы понять, какие разительные перемены произошли в духовной, политической жизни России благодаря перестройке Горбачёва, советуем всем критикам прочитать его выступление на апрельском Пленуме ЦК КПСС 1985 года, двадцатилетний юбилей которого мы просто будем вынуждены отмечать через несколько месяцев.

От какого чудовищного, топорного «языка марксистско-ленинской идеологии» мы начинали тогда уходить, и как осторожно, из-за угла Горбачёв приносит благую весть перемен. Говорит нежданно от Генерального секретаря слова о необходимости «языка правды», о вредности пустословия, о том, что «человек слышит одно, а в жизни видит другое».

Самая необходимость для интеллигентного человека делать из себя дурака и повторять слова о неизбежной победе коммунизма, о преимуществе социалистической экономики над капиталистической, о «загнивании капиталистического Запада» была страшной мукой для миллионов людей.

ГОРБАЧЁВ НЕ ДЕЛАЛ НИЧЕГО,
ЧЕГО БЫ ОТ НЕГО НЕ ЖДАЛИ ЛЮДИ

Никто не потребует возведения Горбачёва в национальные герои. К сожалению, судьба его как политика и как человека драматична. Его человечность, его открытость ко всем человеческим радостям и слабостям, которые подвигли Горбачёва как Генерального секретаря на перестройку, на освобождение от ханжества в идеологии и в жизни, оказались для него злым роком после отставки.

Горбачёв как раз и хотел превратить социализм в нормальное общество, где ничто человеческое не чуждо — зарабатывать деньги, жить в комфорте, если можешь.

Горбачёв хотел реабилитировать обыденность. Он, правда, не понимал, что ни в одной стране мира, тем более в России, не может быть героем лидер, погружённый в обыденность. Билл Клинтон может продавать и подписывать в «Макдоналдсе» свои книги, а бывший лидер России, тем более в эпоху перемен, — не может.

Горбачёв не знал и до сих пор не знает Россию. Но он такой. Если он бы был другим, мы до сих пор молились бы на Маркса и Ленина, как дикари. Человек, знающий российский народ и особенно российскую интеллигенцию, никогда бы не выпускал вожжи из рук, ни с кем бы своей властью не делился.

Человечность Горбачёва в этих, других, условиях стала сущностью, необъяснимой серьёзностью по отношению к «другу Бушу» и к «другу Колду», и самое главное, серьёзностью по отношению к «партии НТВ», ко всем тем, кто откровенно использовал его в своё время, а потом предал и перебежал в лагерь победителей после августа 1991 года.

В первые дни после отставки Горбачёв очень болезненно переживал, как он говорил, «предательство интеллигенции, которой я всё дал». Те же, кто оказался в те первые январские дни 1992 года рядом с ним, советовали ему стать более закрытым, стать хоть на время человеком не от политики. Я, не зная Горбачёва, по наивности советовал ему сразу после отставки всё бросить, уехать к матери в деревню под Ставрополь, побить хоть немного в родном доме, среди крестьян, побыть в роли Меншикова, посланного в имение. В рамках этой новой роли простого русского человека, как казалось, он должен был порвать связи

Автор предлагаемой читателям «ЛГ» статьи — известный философ Александр ЦИПКО — знает историю перестройки, что называется, изнутри. Он сам активно участвовал в её подготовке и проведении в жизнь, входил в ближний

круг сподвижников Генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Горбачёва, которого было принято называть «отцом перестройки». Разумеется, на взгляд многих, это обстоятельство сказалось на его отношении к перестроечным преобразованиям и лично к первому и последнему президенту СССР, его политике и поступкам. Сразу

скажем, что «ЛГ», следуя своей политике публикации на страницах газеты самых разных взглядов и позиций, готова предоставить стеница и тем, кто иначе видит и оценивает процессы перестройки. Мы приглашаем к разговору всех, кого волнует эта по-прежнему горячая тема. Ждём ваших откликов!

НАС ПОГУБИЛО
РУССКОЕ АВОСЬ

Чтобы честно и объективно оценить перестройку, надо всё же отличать её побудительные моральные мотивы от её негативных результатов. Перестройка не создавалась, чтобы конвертировать власть в собственность, как утверждал Егор Гайдар и Гавриил Попов. И Михаил Горбачёв, и Владимир Мелюев, и Александр Яковлев как типичные представители партийной советской интеллигенции выше всего ставили идеальные, моральные мотивы.

Конечно, не будь демократических перемен, вызванных перестройкой, не произошёл бы распад СССР, по крайней мере в 1991 году. Но приди на место Горбачёва какой-либо мастодонт типа Константина Устиновича, и могли бы влезть во имя идеи, во имя верности коммунистической идеологии в очередной Афганистан, который нанёс бы нам урон уже совсем другим макаром.

Не стоит забывать, что благодаря Горбачёву была устранена самая глобальная угроза — опасность термоядерной войны.

Надо помнить: между началом перестройки, между апрельским Пленумом ЦК КПСС 1985 года, на котором Горбачёв впервые робко заговорил о гласности, о языке правды, о недопустимости расхождения между словом и делом, и Беловежским соглашениями, лежит огромный отрезок времени длиной в шесть лет, где уже происходили многие события, зависящие не от Горбачёва, а от масс, ныне проклинающих его.

Вина Горбачёва, что он не просчитал все последствия освобождения советской интеллигенции, не учёл, что она сразу же начнёт использовать блага демократии против него, против перестройки, государства. Он не учёл, что люди, которых он спасал от государственного гнёта, не знают чувства благодарности, что они будут, как Андрей Дмитриевич Сахаров, требовать сразу всех свобод, что по правде российской, а тем более советской интеллигенция не знает ни чувства меры, ни чувства совести, ни ответственности. Конечно, только сумасшедший, ничего не понимающий в советской экономике человек мог обещать провести реформы за 500 дней.

Но вина нашего славного русского народа, огромная вина состоит в том, что он всегда был этнически авантюристом, которые обещают ему сказки, рай на земле, здесь и сразу. Вель, в конце 80-х — начале 90-х повторилось всё, что произошло в 1917-м. Тогда наш славный народ поверил большевикам, что они сразу дадут мир, землю, фабрики. Теперь он поверил Ельцину, который заверил, что он в отличие от «нерешительного и медлительного» Горбачёва уже за два года принесёт благоденствие и процветание. Они поверили Ельцину, что курс на суверенную РСФСР сделает их богатыми, что теперь все богатства недр будут принадлежать только населению РСФСР.

Перестройка выродилась не только из-за человеческих слабостей Горбачёва, не позволивших для лидера державы, но из-за русской страсти к халате, к чуду, из-за русского авось, из нашего нежелания работать головой.

Люди забыли или хотят забыть о том, что Горбачёв в отличие от Ельцина не хотел ни распада СССР, ни тотальной приватизации. Ведь и распад СССР, а позднее — обвальная приватизация произошла потому, что наш народ уже в 1990 году отвернулся от Горбачёва и сделал кумиром Ельцина, обещавшего в течение нескольких лет всех сделать богатыми. В поклонении народа Ельцину было что-то болезненное, безрассудное. Люди забыли, что они окончательно оставили Горбачёва тогда, когда он, вопреки всему, сказал слово «социализм». А теперь все, кто ненавидит Горбачёва, с теплотой вспоминают о нём.

Многие простые люди потому и навешивают всех собак на Горбачёва, что им стыдно за своё увлечение Ельциным, за то, что они, как самые последние лопухи, поддались на увещевания и посулы демократов. Распад СССР на самом деле произошёл не по вине Горбачёва, а прежде всего по вине народов РСФСР, и в первую очередь русских, которые активно поддержали идею суверенной РСФСР, идею выделения РСФСР из состава СССР.

Ведь Ельцин в июне 1991 года шёл на президентские выборы под флагом обособленной, суверенной РСФСР. Кстати, конкретную вину за распад СССР несёт наш славный маршал-демократ Шапошников, который, как мне рассказывал Горбачёв, отказался арестовать беловежских заговорщиков.

Советский генералитет, всё офицерский корпус ничего, абсолютно ничего не сделали для спасения страны тогда, в трагические месяцы осени и начала зимы 1991 года.

Русский офицерский корпус очень скоро помыслился, увидел, что в лице большевиков они имеют дело с врагами России, врагами русской нации, и начал уже в конце 1917 года свою борьбу за единую, великую Россию. Не получилось. Но навсегда остались героями в русской памяти.

А наши советские генералы и полковники, на глазах которых по инициативе Ельцина рушилась страна и армия, и пальцем не пошевелили, чтобы остановить этот беспредел. Они мечтали о другом, о карьере славного Кобца, который за один день сразу приобрёл несколько звёзд на погонах.

Теперь многие бывшие поклонники политических талантов Ельцина говорят, что они не понимали, о чём идёт речь, что тогда им «было трудно разобраться в том, что происходило».

Но ведь, господа-товарищи, если вы не могли разобраться, то тогда не надо валишь с большой головы на здоровую, тогда хотя бы надо отделить в сознании предрешения и несомненные ошибки Горбачёва от вины и ответственности Ельцина. И дело тут не в восстановлении исторической справедливости, а о зарождении у нашего народа способности мыслить о своей национальной истории, способности отличать возможное от желаемого.

Завершу статью о перестройке Горбачёва тем, с чего начал. Хула демократических перемен второй половины 80-х свидетельствует о нашей неготовности или неспособности всерьёз заняться осмыслением истории, которую мы сами, ныне живущие русские, творили, занимаясь анализом слабостей и пороков того, что мы называем «русской душой». Сколько раз можно наступать на те же грабли? Может быть, пора научиться отвечать за свой политический выбор, покончить со своими надеждами на чудо, научиться думать. Драма перестройки — драма и Горбачёва, и нашей истории. Но трагедия в том, что Михаил Сергеевич, как и его хулителю, не чувствует ни драматизма произошедшего, ни драматизма нынешнего периода в русской истории.

Если бы всё было по-другому, если бы автор перестройки был больше вовлечён душой и умом в национальную историю, тогда было бы легче заставить и русских переменить точку зрения на 80-е. Но беда состоит в том, что Михаил Сергеевич всё ещё озобчен своим авторитетом «демократов» в глазах тех, кто его предал.

Действительно грустная история. А я так хотел оптимизма.

«друзьями» из мировой политики. Ведь было очевидно, что не было бы предательства со стороны «демократов», если бы не было предательства в первую очередь со стороны «друга Буша», который благословил своей милостью беловежский заговор Ельцина.

Но Горбачёв, привыкший к свету прожекторов, уже не мог не быть на виду и начал жить прошлым, начал использовать позорки за рубежом как наркотик, заглушающий сознание поражения, боль от жестокости демократического мира, который он сам в России создал.

Глубоко убежден — перестройка рождена эгоизмом прошлым Горбачёва, который решил использовать власть для облегчения участи интеллигенции, чтобы все, кто занимается наукой, могли свободно творить, свободно думать. Перестройка, как она произошла, могла быть создана только студентом МГУ, дорвавшимся до власти, который даже должность генсека хотел использовать для компенсации утерянного в молодости, для того чтобы писать статьи, издавать книги, чтобы стать человеком, которого слушают.

Горбачёв как политик много потерял после отставки. Но при всём этом он совершил несколько поступков, которые, кстати, в очередной раз навлекли на него гнев нашей «благородной» демократической общественности.

Горбачёв категорически возражал против организованного в 1992 году «суда над КПСС», на

Никто не думал, что приватизация приведёт к прямо противоположному эффекту, к маргинализации значительной части населения, что новые собственники вместо стремления модернизировать в прошлом государственные предприятия, сделать более эффективными просто их разграбить, продадут по кускам, чтобы потом «гулять» на Лазурном Берегу во Франции. Никто не предполагал, что новая элита, вместо того чтобы обустроить новую Россию, начнёт обустривать свою виллы и дома как можно дальше от родины.

Советский интеллигент, живя страстью разрушения КПБ, ненавистного государства, не понимал, на чём держится общество и общественная жизнь, что кроме проблемы свободы есть проблемы безопасности, формирования «сдержек и противовесов» не только в политической системе, но и в семье, в душе, в желаниях каждой личности. В вопросах строительства новой жизни советская интеллигенция, наши славные шестидесятники оказались ещё более невежественными, чем их предшественники, в лучшем случае снисходительное, отношение к Горбачёву и перестройке переносится у них и на дарованные им политические свободы, на свободу совести, печати, дарованное им право на историческую память, на правду о русской, советской истории, дарованное им право увидеть мир, которое моё поколение получило на пороге пятидесятилетия. Это вдвойне опасно в условиях нашего порченного постмодернизма, когда совесть и моральные чувства не в почёте, когда самая страшная правда о преступлениях Ленина и Сталина уже не вызывает у людей никаких эмоций и чувств.

Для того чтобы понять, какие разительные перемены произошли в духовной, политической жизни России благодаря перестройке Горбачёва, советуем всем критикам прочитать его выступление на апрельском Пленуме ЦК КПСС 1985 года, двадцатилетний юбилей которого мы просто будем вынуждены отмечать через несколько месяцев.

От какого чудовищного, топорного «языка марксистско-ленинской идеологии» мы начинали тогда уходить, и как осторожно, из-за угла Горбачёв приносит благую весть перемен. Говорит нежданно от Генерального секретаря слова о необходимости «языка правды», о вредности пустословия, о том, что «человек слышит одно, а в жизни видит другое».

Самая необходимость для интеллигентного человека делать из себя дурака и повторять слова о неизбежной победе коммунизма, о преимуществе социалистической экономики над капиталистической, о «загнивании капиталистического Запада» была страшной мукой для миллионов людей.

ГОРБАЧЁВ НЕ ДЕЛАЛ НИЧЕГО,
ЧЕГО БЫ ОТ НЕГО НЕ ЖДАЛИ ЛЮДИ

Никто не потребует возведения Горбачёва в национальные герои. К сожалению, судьба его как политика и как человека драматична. Его человечность, его открытость ко всем человеческим радостям и слабостям, которые подвигли Горбачёва как Генерального секретаря на перестройку, на освобождение от ханжества в идеологии и в жизни, оказались для него злым роком после отставки.

Горбачёв как раз и хотел превратить социализм в нормальное общество, где ничто человеческое не чуждо — зарабатывать деньги, жить в комфорте, если можешь.

Горбачёв хотел реабилитировать обыденность. Он, правда, не понимал, что ни в одной стране мира, тем более в России, не может быть героем лидер, погружённый в обыденность. Билл Клинтон может продавать и подписывать в «Макдоналдсе» свои книги, а бывший лидер России, тем более в эпоху перемен, — не может.

Горбачёв не знал и до сих пор не знает Россию. Но он такой. Если он бы был другим, мы до сих пор молились бы на Маркса и Ленина, как дикари. Человек, знающий российский народ и особенно российскую интеллигенцию, никогда бы не выпускал вожжи из рук, ни с кем бы своей властью не делился.

Человечность Горбачёва в этих, других, условиях стала сущностью, необъяснимой серьёзностью по отношению к «другу Бушу» и к «другу Колду», и самое главное, серьёзностью по отношению к «партии НТВ», ко всем тем, кто откровенно использовал его в своё время, а потом предал и перебежал в лагерь победителей после августа 1991 года.

В первые дни после отставки Горбачёв очень болезненно переживал, как он говорил, «предательство интеллигенции, которой я всё дал». Те же, кто оказался в те первые январские дни 1992 года рядом с ним, советовали ему стать более закрытым, стать хоть на время человеком не от политики. Я, не зная Горбачёва, по наивности советовал ему сразу после отставки всё бросить, уехать к матери в деревню под Ставрополь, побить хоть немного в родном доме, среди крестьян, побыть в роли Меншикова, посланного в имение. В рамках этой новой роли простого русского человека, как казалось, он должен был порвать связи

«суд» демонстративно не пришёл. Это говорит о том, что его совесть была чиста и что на него у Ельцина не было никакого «компромата». Горбачёв с достоинством пережил все гонения, которые в отставку организовал «демократ» Козырев, конечно, по указанию Ельцина.

Горбачёв по-человечески очень глубоко пережил расстрел Белого дома октября 1993 года, перед телекамерами всех ведущих компаний мира осудил эту варварскую акцию, осудил гибель невинных людей. Я сидел в его кабинете в Горбачёвском фонде вместе с ним и с Георгием Хосровичем Шахназаровым с 8 часов утра и наблюдал, как он переживает, сочувствовал тем, кто тогда был в Белом доме. Правда, когда в кабинете появился Анатолий Червяев, напоказ жаждавший крови «красно-коричневой гадены», Горбачёв закрылся и замолчал. И правильно сделал. Вступить в полемику с «демократом» в этой ситуации было неуместно.

Если бы мы были здоровой нацией, которая всерьёз, по-умному относится к своему историческому достоянию, мы должны были бы, пока не поздно, изменить точку зрения на перестройку, рассматривать её, по крайней мере, в общей цели всех трагических событий российской истории XX века, рассматривать Горбачёва как ответ на народный запрос на правду, на восстановление в правах морали, совести, просто здравого смысла. Не случайно все, даже те, кто на мой сейчас возводит хулу, восхищались, по крайней мере первые два года, новым генсеком, его молодостью, свежестью, желанием быть ближе к людям, к правде жизни, желанием завершить до конца дело, начатое Хрущёвым, реабилитировать Бухарина, всех жертв сталинских репрессий, убрать страх из нашей не только политической, но и общественной жизни.

Согласитесь, Горбачёв был первым Генеральным, который не внушал страха, опасений, связанных с очередным закручиванием гаек.

Горбачёв не делал ничего, чего бы от него не ждали люди, чего не требовала сама логика развития советского общества. Ведь не только он, но и подавляющая часть интеллигенции, все шестидесятники верили, что социализм можно соединить с правдой, с демократией. Конечно, Горбачёв перестройкой подражал сознательно или бессознательно деятелям Пражской весны, Ярузельскому с его реформами, с его идеей о «конструктивной оппозиции».

НИКТО НЕ ЗНАЛ,
КАКОЙ ДОРОГОЙ ИДИ

До того как началась первая в истории человечества трансформация первого социалистического государства, никто в мире не знал, что обратное превращение государственной собственности в частную связано с громадными моральными издержками, с чудовищной коррупцией

ли, понимать его противостоительность, его изначально обречённость как утопии в наши дни.

Тем более нельзя легковесно, с нарочитым примитивизмом относиться к Горбачёву и к перестройке тем, кто называет себя патриотом, тем, для которых Россия не эта, а своя страна. Ведь предвзятые, нигилистические отношение патриотов к перестройке на руку их врагам, кто полагает, что русские, если и совершают нечто выдающееся, то по глупости, нечаянно, что на самом деле за перестройкой стоит не народный порыв к правде и совести, а «рождение СССР в холодной войне».

НЕЧЕГО НА ЗЕРКАЛО ПЕНЯТЬ

Патриоты, сдающие перестройку, демократические реформы конца 80-х из-за своего раздражения Горбачёвым, на самом деле сдают один из самых выдающихся подвигов народов России, и прежде всего русского народа, а именно, освобождение себя от коммунистического тоталитаризма.

Патриоты, сдающие перестройку, демократические реформы конца 80-х из-за своего раздражения Горбачёвым, на самом деле сдают один из самых выдающихся подвигов народов России, и прежде всего русского народа, а именно, освобождение себя от коммунистического тоталитаризма.

Патриоты, сдающие перестройку, демократические реформы конца 80-х из-за своего раздражения Горбачёвым, на самом деле сдают один из самых выдающихся подвигов народов России, и прежде всего русского народа, а именно, освобождение себя от коммунистического тоталитаризма.

Патриоты, сдающие перестройку, демократические реформы конца 80-х из-за своего раздражения Горбачёвым, на самом деле сдают один из самых выдающихся подвигов народов России, и прежде всего русского народа, а именно, освобождение себя от коммунистического тоталитаризма.

Патриоты, сдающие перестройку, демократические реформы конца 80-х из-за своего раздражения Горбачёвым, на самом деле сдают один из самых выдающихся подвигов народов России, и прежде всего русского народа, а именно, освобождение себя от коммунистического тоталитаризма.

Патриоты, сдающие перестройку, демократические реформы конца 80-х из-за своего раздражения Горбачёвым, на самом деле сдают один из самых выдающихся подвигов народов России, и прежде всего русского народа, а именно, освобождение себя от коммунистического тоталитаризма.

Патриоты, сдающие перестройку, демократические реформы конца 80-х из-за своего раздражения Горбачёвым, на самом деле сдают один из самых выдающихся подвигов народов России, и прежде всего русского народа, а именно, освобождение себя от коммунистического тоталитаризма.

Патриоты, сдающие перестройку, демократические реформы конца 80-х из-за своего раздражения Горбачёвым, на самом деле сдают один из самых выдающихся подвигов народов России, и прежде всего русского народа, а именно, освобождение себя от коммунистического тоталитаризма.

Патриоты, сдающие перестройку, демократические реформы конца 80-х из-за своего раздражения Горбачёвым, на самом деле сдают один из самых выдающихся подвигов народов России, и прежде всего русского народа, а именно, освобождение себя от коммунистического тоталитаризма.

Патриоты, сдающие перестройку, демократические реформы конца 80-х из-за своего раздражения Горбачёвым, на самом деле сдают один из самых выдающихся подвигов народов России, и прежде всего русского народа, а именно, освобождение себя от коммунистического тоталитаризма.

Патриоты, сдающие перестройку, демократические реформы конца 80-х из-за своего раздражения Горбачёвым, на самом деле сдают один из самых выдающихся подвигов народов России, и прежде всего русского народа, а именно, освобождение себя от коммунистического тоталитаризма.

Патриоты, сдающие перестройку, демократические реформы конца 80-х из-за своего раздражения Горбачёвым, на самом деле сдают один из самых выдающихся подвигов народов России, и прежде всего русского народа, а именно, освобождение себя от коммунистического тоталитаризма.

Патриоты, сдающие перестройку, демократические реформы конца 80-х из-за своего раздражения Горбачёвым, на самом деле сдают один из самых выдающихся подвигов народов России, и прежде всего русского народа, а именно, освобождение себя от коммунистического тоталитаризма.

Патриоты, сдающие перестройку, демократические реформы конца 80-х из-за своего раздражения Горбачёвым, на самом деле сдают один из самых выдающихся подвигов народов России, и прежде всего русского народа, а именно, освобождение себя от коммунистического тоталитаризма.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Горбачёв среди жителей Тольятти, 1986 год

ЗАМЕТКИ ОЧЕВИДЦА

Шунами

Первые два дня мы познакомились со столицей страны – удивительно многолюдным городом Бангкок. По сетили уникальные памятники культуры – храм Изумрудного Будды, Храмовый комплекс «Лежащего Будды», вознесшийся в небеса Храм зари. Проехали на моторной лодке по бесчисленным каналам, где проживает большая часть коренного населения и где кипит настоящая жизнь так называемой Восточной Венеции.

А через два дня, если быть точным – 25 декабря в полдень, перелетели на остров Пхукет в Индийском океане, который сче на 900 километров севернее нас с экватором. Нас привезли в небольшой город Камала. Расположился в отеле «Аквамарин», который возвышается на небольшом пригорке буквально в 10-15 метрах от берега. И вторую половину дня, несмотря на усталость, провели на песчаном берегу, долго-долго купались в изумрудно-чистой теплой морской воде. Слово купали, что этот день у нас окажется первым и последним днем раскрепощенного, беззаботного отдыха. Потом прошлись по набережным улицам. А над головой высоко в деревьях, словно только для нас, вновь прибывших, пели птицы. Тут я впервые услышал глоточное сравнение сравнения острова Пхукет с райским уголком.

Я был всего лишь одним из тысяч обычных туристов, приехавших на новогодние каникулы в далекую и таинственную страну Таиланд в поисках тепла, ласки солнца, целебной морской воды и живописной тропической природы.

Улицы, кафе и рестораны были переполнены туристами. И все счастливые, все радуются жизни. Откуда нашлись силы, не знаю, тем не менее мы с приятелем съездили после ужина в соседний город Потонг, расположенный в четырех километрах. Потонг – столица развлечений острова, особенно ночных. Тут света и шума, и развлечения – больше. Мы долго не засыпались, но уехали с твердой уверенностью вернуться сюда в самые ближайшие дни.

Но Бог распорядился иначе... Где-то рано утром другого дня я проснулся от легкого покачивания кровати. Прошло еще два часа с того момента. Народ к этому времени уже позавтракал успешно. Я занял на пляже удобные лежаки, застелил их казенными полотенцами, пролежал немного по теплой воде и пару раз даже нырнул туда. Минут десять в восхищенном смотрел на ровную и спокойную поверхность лазурно-голубого океана. И следя вслух обещанию дожидаться жену и младшую дочь у бассейна, поспешил по лестнице к месту встречи.

– Папа, смотри-смотри: море уходит, – крикнула вдруг дочь с балкона второго этажа, увидев меня.

Быстрыми шагами поднялся я к смотровой площадке рядом с детским бассейном и не поверил своим глазам. Лишь три минуты назад отошел я от песчаного пляжа, а тут вода от берега убегает – уже метров на 150-200. И всё уходит. Взрослые и дети, плескавшиеся у берега, тоже в панике. Некоторые бегут за уходящей водой, а некоторые свои лежаки стали передвигать по толпе что освободившемуся мокрому песку. Вот, подумал я про себя, какие, оказывается, бывают здесь приливы и отливы, не то что у нас на Черном море.

И тут ни с того ни с сего такий старик, обслуживающий пляж, руками стал махать, начал что-то кричать на своем непонятном языке. Этого сухощавого старика с вечным загаром звали Зайнул. Я с ним накануне познакомился. Он мусульманин, потому у него такое близкое и понятное для меня بالله имя. Те, кто его речь понял, также оживились, успокоились, стали по сторонам поглядывать – куда бежать. А иностранные туристы, наоборот, ринулись в сторону приближающихся волн. Если бы в это время я был на берегу, не сомневался, поступил бы точно так же. Старик Зайнул чуть ли не палкой

прогнал от моря несколько женщин с детьми. Те, так ничего и не поняв, закрепились по ступенькам наверх. Старик всё бежал, сутился и гонял от берега лежащих на песке людей.

И вот та, казалось бы, метровая волна, приближающаяся к берегу, вдруг в один миг выросла в огромное чудовище. Издав гуд реактивного самолета, волна высотой в 10-15 метров ударила по берегу, по всему живому и неживому. Слово змея огромных масштабов слизнула всё побережье.

От страшного шума я машинально спрыгнул за барьер. А через мгновение поднял голову. Страшную картину, которую в этот миг я увидел, не то чтобы рассказать, даже вновь представить себе невозможно. Буквально на глазах в щепки разлетелся дом и все сооружение на набережной. Целые улицы и кварталы превратились в какую-то движущуюся огромную свалку. Эти останки домов и сооружений течение понесло в море. Там же плавали легковые машины, небольшие автобусы, с корнями вырванные огромные деревья.

Честно признаюсь, в этот миг ни на поверхности воды, ни на затопленной суше людей я не видел. Да и невозможно было обнаружить что-либо живое в этом кошмаре. Человек перед такой стихией природы, оказывается, является самым беззащитным существом. Правда, из окон второго и третьего этажей стали кричать и просить о помощи оставшиеся в живых туристы. Да только им помогать было некому. Первый вертолет появился в небе лишь спустя два часа, да и тот полетал-полетал да и улетел. И никаких спасателей не было в тот день.

Электричество не было, железобетонные столбы и провода валялись по дороге. Телевизор не работал три дня. Газеты не поступали. Да и целые тысячи туристов умышленно изолировали от любой информации. О масштабах катастрофы нам, свидетелям этой трагедии, стало известно позже всех. И самое странное, буквально через какие-то считанные часы превратилась все телефонные связи с материком. Я за это время успел позвонить лишь матери да родному брату.

По дорогам не то чтобы ездить, местами даже ходить было страшно. Спасатели, введя за ними и гуманитарная помощь пришли на остров Пхукет через два дня. А спустя еще три-четыре дня приехал к нам госсекретарь США Колин Пауэлл вместе с младшим братом президента Буша. Так что во время его визита с пострадавшими туристами и мне пришлось пожать его руку.

Сколько людей погубила эта стихия, думаю, одному Богу известно. А что касается рыбаков, не могу не поделиться своим наблюдением. Страшный удар цунами прошел, пенитенское море минут 15-20 еще слегка качалось, кое-где образовались какие-то странные водовороты и воронки. А затем море стало тихим-тихим. И в этот миг я с удивлением обнаружил, что все судна и катера как до этого плавали, так и плавают. Даже одинокие парусные лодки все до одной уцелели. Странно это было видеть после того кошмара. Оказавшись в цунами вода на поверхности остается спокойной, а коварное течение со скоростью реактивного самолета мчится на берег по дну океана.

Писать об этом сегодня по горячему следу, когда даже стресс толком не отошел, нелегко. Поэтому, завершая, хочу выразить признательность всем друзьям, коллегам и просто соотечественникам за оказанную в эти дни моральную поддержку от имени всех, кто по воле судьбы оказался в эпицентре трагических событий.

Ринат МУХАМАДИЕВ

З а этим беспробным признанием кроются огромные суммы долгов на нескольких (!) кредитных карточках, грустные глаза мужа, взвалившего на себя две работы, и шкафы, забитые модной одеждой, которую никто никогда не будет носить, ибо это просто физически невозможно.

Да и некуда: в кафе, где эта милая дама работает, всего три человека, сидят в одной комнате и созерцают целыми днями компьютерные мониторы. Друг друга не рассматривают – некогда. Концерты или театры она тоже давно не посещает, поскольку всё свободное время занимает беготня по магазинам. Как только появляется предлог туда за чем-либо сбежать, в её почти всегда равнодушных глазах загорается охотничий огонек.

леко не идеального качества, который надо сбить побыстрее. К рождению этого новейшего явления имеет отношение и тетишка-психолог в блузке с рюшами, похожими на розы в бисквитно-кремовом торте. В самом начале рыночной эры она поселилась на экранах наших телевизоров, вещая милым домашним голоском: «Если вы страдаете от стресса или одиночества, сбегайте в магазин за улюм (или на всеобщую рынку) и приобретите шляпку (блузку, шубку) – это средство для женщины подходит куда лучше, чем любые психотропные таблетки».

И ведь кто-то же принял эти советы всерьез и побежал на угол мерить шляпки. А кто-то и купил. И пошло-поехало... Ведь одно дело – дожидаться покупателя, когда ему нужна

в руках – торопятся поскорее сдать предыдущую покупку, чтобы тут же сделать десятку новых. Перебегая из отдела в отдел, они толкают перед собой огромные коляски, заваленные товаром.

Одна такая дама просто проклялась тем, что непременно навесилась в кафе к обеденному времени и демонстрировала покупки посетителям, безжалостно вскрывая упаковки: «Видите – настоящий Пьер Карден! Не верите? Вот наклейка – видите, написана! Мне всегда было любопытно, куда она потом девает этих Карденов, если она никогда не появлялась на людях ни в чем другом, как в застиранной фанеловой майке и спортивных штанах с лампасами.

глубинных психологических проблем. Оно лишь усугубляет ситуацию, так как единственное, что человек извлекает из такого «наркотика» – непреодолимое чувство нити и затягивающую все ту же петлю долгов».

Многие специалисты-психологи считают, что причины покупок коренятся в далеком детстве, когда родители обещают ребенку конфеты, куклу или велосипед в награду за хорошее поведение или отлучают от груди. Вырастают, ребенок уже не ждет вознаграждения: получил независимость, он старается вознаградить себя сам. Чем меньше любви получил человек в детстве, тем больше он стремится материально компенсировать ее недостаток и тем ближе он стоит

ОЧЕРК ПРАВОВ

Утонувшие в бутике

Как нас заставляют покупать ненужные вещи

Спросишь её: зачем тебе всё это нужно? И слышишь в ответ нечто невразумительное: просто хочется себя побаловать, такая однообразная жизнь дом – работа, да вот и свадьба у знакомых через месяц, желательно надеть что-нибудь новенькое.

И мы идём с ней в магазин. Каждый такой поход – это борьба: с самой собой, с магазином, с кошечком. Она меряет туфли на два размера меньше нужного, но они ей безумно нравятся. Её отчаянное «Отговори меня купить эти туфли, не то я их куплю!» звучит как SOS. И по-товарищески отговариваю. Туфли летят на пол, но моя пухленькая подружка тут же хватается изумрудного цвета лоскуток на бретельках, годящийся по размеру для её 14-летней дочки, и смотрит на меня честными виноватыми глазами: «Это мой любимый цвет! Я похуюю. Не веришь?» Мне снова приходится придумывать отговорку. И так часа два... Наконец выхожу. «Какой хороший сегодня день – почти ничего не купила!» – говорит моя подружка.

Моя приятельница – страшная транжирка. Про себя она весело говорит: «Как только захожу в магазин, могу тут же растратжирить всё, что лежит в кошельке, за мной только глаз да глаз!»

В западных странах такого рода людей называют «шоппингиками» (от английского слова «шоппинг», что означает поход за покупками). По-русски это слово можно перевести как «покупокляма». А можно и по-другому: «неовещишты». Когда-то у нас уже было похожее явление: в застойные годы люди тоже гонялись за импортными модными тряпками, переплачивали последние деньги, хватили не всегда нужное, зато фирменное. Только причина эпидемии была иная – не изобилие, как сегодня, а напротив, товарный дефицит, позорная отметина 70-х годов, ставшая человека в положение раба вещей, или, как тогда говорили, делающего его «вещиштом».

В те времена за модным шмотьем надо было не по магазинным рейдам устраивать, ибо они были пусты, а по общественным туалетам, оккупированным спекулянтами. Сколько ни скрипели тогда высокопарные журналисты перьями, обличая советского вештца, дискуссии так и оставались дискуссиями, а народу так хотелось красоваться в недоступных штанах с заветным звёздочко-полосатым флагом на заднице. Потому что – ирония судьбы! – не хлебом единым жив человек. Да-да! Ему, простому человеку, тоже хотелось попасть в компанию молодых людей, поговорить о последних новинках модной литературы, посмотреть редкое видео, послушать рассказы о недоступной заграничке. Словом, приблизиться к высшему обществу, куда без пресловутого штана с наклейкой, будь они прокляты, не попадёшь: за чужака примут.

Кстати, у людей, чья молодость пришлась на то неведомое время, осталась атлантический рефлекс: ощущение качества товара, в нынешнее времена почти повсеместно утраченное. Понятие «кожедла европейского качества» сошло на нет, его вытеснил китайский закон рынка: «купил – пострадал – выбросил – купил». Зачем тратиться на изготовление вещи, которую человек будет носить годами, когда можно заставить покупателя раскошелиться ещё раз в кратчайшие сроки?

Но вернёмся к современному неовещишному, порождённому уже не дефицитом, а напротив, современным рынком, напорным товарам да

ещё в униформе среднего американского обывателя.

Ну это медицинский случай, скажете вы. Но ведь и это когда-то начиналось с невинного желания изловить от стресса из-за ухода любовника, выговор начальника или просто нужного дождя за окном. И не стоит думать, что у нас такое явление, как покупокляма или неовещишты, невозможно, поскольку покупательская способность населения крайне низка. А для кого же строится вокруг Москвы целое кольцо крупных торговых центров, оснащённых оборудованием по последнему слову техники? Если международные компании вкладывают немалые средства в их открытие, значит, это кому-нибудь нужно.

И, кстати, знаю одну очень небольшую московскую семью: два старика-инвалида и их разведённый сын-охранник. Сын трогательно любит престарелую мать и постоянно дарит ей подарки – то набор тефалевых сковородок, то соковыжималку, то ещё что-то из бытовой техники. Последним подарком была... машина для приготовления йогурта. Зачем, ведь у них в семье йогурты никто не ест? «Да хотел мать порадовать», – ответил сын знакомый, – ни косметика, ни платья ей уже не нужны, а всё остальное у неё уже есть».

«Люди верят, что если они купят что-либо, то будут чувствовать себя лучше. Но секрет в том, что, напротив, в конце концов человек чувствует себя гораздо хуже», – считает профессор психологии Индианского университета Рудь Энгс. – «Ведь покупокляма – такая же разновидность психической зависимости, как и алкоголизм, пристрастие к азартным играм или обжорство. Она возникает в те же периоды жизни, что и другие зависимости, то есть в период обостренной депрессии, когда человек чувствует себя одиноким, брошенным. Однако само по себе хождение по магазинам не исцеляет обиды и страсти, не поднимает самооценку и не решает ежедневных житейских и

во всякого рода зависимости, в том числе и от магазинов.

Именно в наше время детям недостаёт родительской любви и нежности: загруженность взрослых, невозможность уделить им внимание нередко выливается в материальную компенсацию вместо разговора по душам. Дефицит времени и общения – зато вон сколько кофточек, джинсов, сапожков и т.д. Затем радость притупляется, и хочется всё новых приятных ощущений. И всё это под названием аккомпанемент рекламы: купи, купи, купи...

Как определить начало и степень покупоклямы? Если у вас плохое настроение, вы чувствуете потребность «развешаться» и идёте на концерт или в театр, а в магазин, то это «первый звонок». Дальше – больше: вы покупаете то, что вам явно не нужно, то, что у вас уже есть, или идёте в магазин за чем-то одним, а приволакиваете десяток кулчков. Ну и самые тяжёлые случаи – когда дома у вас уже целый фидаль всех магазинов округа, и вы продолжаете набирать вещи, причём новые приобретения от членов семьи, боясь их осуждения. Это уже похоже на тот самый домашний алкоголизм, когда человек пьёт дома в одиночку, боясь признаться в этом себе и окружающим.

Вот некоторые советы доктора психологии Р. Энгс, как избежать покупоклямы. Во-первых, составьте список вещей, необходимых вам и вашим родственникам, и старайтесь, посещая магазин, не выходить за рамки этого списка. Лучше вообще даже не смотреть на другие прилавки, быстро проходите мимо. Во-вторых, перестаньте смотреть программы «телемагазинов», во время рекламы лучше выйдите из комнаты и заварите чай, покоримся кошке, помогите с заданной сину-шопингу. В-третьих, если вас резко потянуло в сторону магазина (рынка), направьтесь в строго противоположную сторону, например, к парку, к берегу озера. Вспомните, как давно вы не гуляли на природе и не занимались спортом. Нелишне также вспомнить о том, когда вы последний раз звонили старинным друзьям или навещали родителей.

Но самое главное, как мне кажется, это всё-таки осознать себя зависимым. Мне пришлось бывать на заседаниях клубов анонимных алкоголиков, занимающихся по программе «12 шагов». Многие из когда-то пошавших в сети зависимости, но затем справившихся с бедой, говорили, что самое трудное – это перейти грань осознания того, что у тебя проблема.

Это и есть самый первый, самый трудный шаг к исцелению – сказать о себе: «Я – алкоголик». А тот, кто не способен признаться в этом себе и другим, тот уже на пути к выгоранию. Пусть не обижается гражданин на такое «непредставительное» сравнение. Ведь в алкоголизме, и наркомания начинаются с тех же самых наивных попыток подтянуть настроение, забиться: «уколоться и унять на до колдунца».

И если налицо вред здоровью, семейному бюджету и окружающим, то вовсе нет никакой разницы, где ищет человек свой допинг – в бутылке или в бутике.

Людмила ПИСЬМАН

ТАЙНЫЙ СМЫСЛ

Условное правосудие

Почему судебные процессы в судах всё чаще становятся странным избирательным

Как мы, журналисты, пишущие на правые темы, ликовали, когда наша третья власть обрела цивилизованные черты! Судьи стали независимыми, а судебный процесс – состязательным. Появились судьи присяжных. Шумные процессы сделали многих адвокатов звездами телеэкрана.

Но ликование быстро угасло. Вдруг выяснилось, что среди судей есть особи, злоупотребляющие своей независимостью. Под прикрытием статуса неприкосновенности они резко улучшают свое материальное положение.

Обнаружилась и другая тенденция: независимость нечестных на руку судей от закона обернулась рабской зависимостью от председателей судов и квалификационных коллегий, состоящих из тех же судейских начальников. Потому что только от их воли зависело, снимут ли с проштаффившегося судьи вместе с майской и неприкосновенности или не снимут.

Прячем в категорию проштаффившихся могли попасть и абсолютно честные судьи, не успевшие из-за дикой перегрузки в последние сроки рассмотреть уголовное дело. А так как из-за нехватки судейских кадров перегрузка в судах – дело обычное, то в руках судейских начальников оказался универсальный метод управления поведением судьи. Метод позитивной мотивации: теневых денежных потоков «сизуа вверх».

Я вспоминаю, каким шоком оказался для всех приговор по громкому делу «банкиров» министра юстиции Валентина Ковалева. Суд, признав его виновным, приговорил к девяти годам лишения свободы УСТОЮМ. В прессе и обществе поднялся ажиотаж. Но, я полагаю, приговор, вытекающий на волю высшей инстанции, не берусь судить, как более поздние судьи и теневые финансовые потоки обеспечили стойкость такого ошарашивающего приговора. И всё-таки случившееся казалось в те дни нонсенсом. Но спустя некоторое время нонсенс повторился: к тем же девяти условным годам был приговорен за покушение на убийство «авторитетный красноярский бизнесмен» Анатолий Быков. Волнение в обществе тогда достигло апогея. Было это два года назад – в прессе цитировались коллективные заявления депутатов Государственной Думы о «системном кризисе нашего правосудия». Звучали «требования принятия срочных мер».

Словом, тревога, казалось бы, была беспредельной, но выражалась она общими плакатными фразами, которые трудно было отличить от напоевшего всем депутатского самопиара. И результат оказался прежним – никакой бизнесмен Быков продолжал свою «авторитетную» деятельность. И тут повелево возникла естественная догадка: а может быть, эта система условного правосудия специально создана для защиты крупных чиновников и денежных воротил от законного наказания?

А дальше пошло-поехало! Впечатление – будто судьи стали соревноваться друг с другом в обличении участи матерых взяточников и высокопоставленных бездельников. Вахханалы беззаказности на фоне разговоров о диктатуре закона и укрепление вертикали власти привела к совершенно фантастическому перекошу и общественному сознанию. Меня недаром потрясла такая подробность: адмирал, по чьей преступной халатности была утоплена подводная лодка с людьми (сё переложил на переплывку), НЕ СОГЛАСИЛСЯ ПРИГОВОРИТЬ. В КОТОРОМ ЗНАЧИЛИСЬ ЧЕТЫРЕ ГОДА УСЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ. Нет, он не рвался, подобно Раскольникову, лишившему жизни старуху-процентщицу, покаяться на миру и принять РЕАЛЬНОЕ НАКАЗАНИЕ. Он отбился в высшем судебном инстанции, обратилась отбоярится даже от этого, не содержащего в себе реальной ошкени его вины, приговора.

Некоторые волнения в обществе вызвал совсем уж жуткий эпизод, связанный с гибелью школьника в Ханты-Мансийске. Там подполковник Владимир Завадский на военнополовьях собрал заставил старшекласников бегать, отжиматься и даже петь... в противоборазе! Всё это было для подполковника привычно-глумливой и издевательской над мальчишками, один из которых – шестнадцатилетний Александр Бочанов – во время десятиклассного кросса в противозащитном задохнулся и умер. Но Сургутский гарнизонный суд оправдал Завадского, не увидев в его действиях криминала. Но, когда история гонимы Саши Бочанова попала на страницы московских газет, оправдательный приговор был опротестован. Обнаружилось видеозапись подполковничьих издевательств над школьниками. Выяснилось: видеозапись была в распоряжении первого суда, но федеральный судья Владимир Михайлов, оправдавший Завадского, не принял её во внимание и даже рекомендовал стереть запись. Казалось бы, теперь-то склонного к патологической жестокости человека, погубившего шестнадцатилетнего парня, накажут наконец-то, а судью Михайлова если и не дисквалифицируют сразу и бесповоротно, то, во всяком случае, заинтересуют уровнем его судейской квалификации. Нет, не заинтересовались. А подполковника Завадского в ноябре минувшего года приговорили... аж к двум годам лишения свободы! И, конечно же, условно.

Нет, отнюдь не хо всем столь странно милостивы судьи. Стоит им увидеть на скамье подсудимых маломужного нарушителя закона или правосудия, утомляющего их своими хождениями в суд, как тут же судейские жернова с безжалостным упорством перемалывают его судьбу.

Изнанка такого неоправданного правосудия не могла не обнаружиться. Это случилось совсем недавно – в Верховном суде начался уникальный для наших дней судебный процесс над тремя московскими судьями. Им вменяется 80 эпизодов мошенничества с московскими квартирами, причём в соучастии с преступными швартирами, ради успехов которого они выносили неправосудные приговоры. Их не взяли под стражу. Они раздают интервью тележурналистам, свободно разгуливая по Москве, и потому могут оказывать давление на свидетелей обвинения. Какой приговор прозвучит им в конце процесса?

Догадаться нетрудно: если и не оправдательный, то уж во всяком случае – с условной мерой наказания.

В духе времени.

Игорь ГАМАЮНОВ

ЗНАЙ НАШИХ!

Соратники

Наше поколение вошло в полосу полувековых юбилеев, в пору поздней зрелости. Вот и Лёне Колпакову стукнул полтинник! Странным путями водит нас судьба, иногда заранее извещая о будущем знакомстве и даже дружбе. Когда в начале 90-х я носил свои статьи в газету «Век», одно из немногих мест, где печаталась тогда моя антилиберальная публицистика, я познакомился с ответственным секретарём этого издания Леонидом Васильевичем. Слово за слово, и вдруг выяснилось, что мы служили в армии одновременно в одно и то же время, но в разных

местах, зато начальники у нас были общие. Леонид ответственный секретарь, Яблонский, по замесу прибыл в мою дивизионную редакцию, а мой ответственный секретарь, Шенетков, поехал в ту дивизионку, где служил Колпаков. Вот такая «рокировка»!

Кстати, и с «Литературкой» я снова стал сотрудничать с лёгкой руки Леонида Васильевича. Дело в том, что, когда в 93-м в

«Комсомолке» вышла моя статья «Оппозиция умерла. Да здравствует оппозиция!», протестовавшая против расстрела Белого дома, «ЛГ», где ранее я был любимым автором, отказала мне от дома, да и вообще ввела в список неупомянутых авторов. Такие были времена: либеральные! И Колпакову, работавшему уже ответственным секретарём в «ЛГ», пришлось проявить немалую настойчивость, чтобы с конца 90-х

мои материалы снова стали появляться в «Литературке».

Лёня, за эти неполные четыре года, что мы вместе трудились в нашей любимой «Литературной газете», нам всем сообщила удачу, мне кажется, вернуть на полосу полифонию мнеобязательно, всерьёз заговорить о выборах, возобновить диалог между теми, кто по-разному видит будущее нашего Отечества. И это не осталось без последствий.

Сам знаешь: только за минувший год тираж «Литературки» вырос более чем на 10 тысяч экземпляров. В этом, учажае-

мый мой сподвижник, немалая твоя заслуга!

Дорогой Леонид Васильевич, в день твоего пятидесятилетия желаю тебе, талантливому журналисту и рачительному организатору редакционной жизни, обязательного человеку и прекрасному отцу-мужу, здоровью, удаче, семейного благополучия, а также профессиональной энергии, направленной на благо «Литературной газеты», которая тоже отмечает свой юбилей в январе и которая старше тебя в три с половиной раза!

Твой Ю. ПОЛЯКОВ

Игорь ГАМАЮНОВ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КУРСЬЕР

1 января 2005 года исполнилось 75 лет со дня рождения прекрасного русского поэта Анатолия Жигулина, человека драматической судьбы. В давние времена он был осужден вместе со своими юными товарищами за создание антипартийной коммунистической молодежной организации. Трудно представить смелость и дерзость воронежского студента Анатолия Жигулина. Он прошел лагеря, урановые рудники, о чём рассказал в своей книге «Чёрные камни», написал и издал замечательные поэтические книги. Один из самых тонких, изящных, прозрачных русских лириков XX века, Анатолий Владимирович Жигулин не будет забыт ценителями поэзии, его стихам суждена нетленная жизнь в родной словесности.

Московский пресс-клуб Центрального дома работников искусств присудил премии имени Владимира Маяковского Лауреатами 2004 года стали писатели Лев Князев (Владивосток), Юрий Поляков, Геннадий Митронов, Сергей Луконин (Москва) — за успехи в литературной журналистике и пропаганде отечественного искусства. Директор — художественный руководитель ЦДРИ Энгельса Потурелова — за 35-летнюю деятельность на ниве культуры. Наши поздравления!

В Центральном доме журналиста состоялся вечер, посвящённый 10-летию Института журналистики и литературного творчества (ИЖЛТ) при «ЛГ». Вечер вели Наталья Бекина, Виталий Бабенко и Леонид Бежин. С поздравлениями на вечер выступили: Владимир Микушев, Игорь Яковенко, Евгений Рейн, Валерий Рабинович. Поэты Владимир Микушев, Валерий Рабинович, Евгений Рейн, каждый в своей манере, читали стихи. Вероника Долина спела несколько новых песен. Дмитрий Веделянин тоже читал стихи и при этом жонглировал. Была показана сцена из спектакля по рассказу Л. Бекина «Чердачный человек с воспоминаньем воображением»: в роли «от автора» выступил писатель, pianist Александр Фоменко исполнил первую часть «Лунной сонаты» Бетховена, а Владимир Симоненко прямо на сцене написал портрет Джульетты Гвиччарди, возлюбленной композитора. Студенты профессора русского языка Натальи Запольской блистали в лингвистическом мюзикле.

Необычно отметили день рождения Николая Алексеевича Некрасова в его музее-усадьбе «Карабиха». Посетителей пригласили на знаменитый интеллектуальный обед «Русское застолье». В нём значились не только новая выставочная экспозиция и театральное действо удабных артистов, но и любимые кулинарные блюда поэта, а также напиток близлежащего винограда, некогда принадлежавшего брату поэта.

18 января 2005 года исполнилось бы 75 лет народному поэту Якутии, народному писателю, драматургу Ивану Михайловичу Гоголеву. Лауреат премии Ленинского комсомола ЯАССР, Всесоюзной литературной премии «Северная звезда», он один из самых любимых поэтов Якутии. Его поэзия «Якутия моя родная» стала неофициальным гимном республики. Творчество его во всех жанрах (более 50 книг, 100 драматических произведений, поэмы, стихи) — прорыв в якутской литературе. Романы «Чёрный стержень», «Третий глаз», «Круга мистерий», «Оскорблённая богиня милосердия», «Маячары» — значительный вклад в культуру страны.

Интеллектуально-образовательная программа по литературному краеведению для старшеклассников осуществляется в Ярославле детско-юношеским центром «Ярославич». В «Литературном марафоне» команды школ соревнуются в знании творчества современных ярославских писателей. На очередном этапе «забег» ребята продемонстрировали хорошее знание творчества поэтов Ирины Барыновой, публициста, депутата Государственной Думы России Анатолия Грешневикова и прозаика Герберта Кемолдзи.

В Московском Доме национальностей состоялась презентация новой книги стихотворений и поэм Сергея Мишакина «Зимняя философия». Со словом о поэте и его творчестве выступили друзья и коллеги — Евгений Рейн, Андрей Деметьев, Алексей Пьянов, Андрей Яхонтов, Сергей Рожков, а главный редактор газеты «Слово» Виктор Линник вручил поэту диплом учрежденной газетой премии «Золотос слово».

Международная литературная общественность отмечает 75-летие — к сожалению, посмертно — со дня рождения Виктора Перельмана, писателя, издателя, журналиста, основателя знаменитого журнала «Время и мы». При жизни Перельмана вышло более 20 номеров этого замечательного издания. Виктор Перельман умер за год до своего 75-летия, его уход стал большой утратой для культурной жизни России и российской эмиграции, его родных, друзей, читателей.

Состоялось отчетно-выборное собрание Русского ПЕН-клуба. Президентом остался его многолетний глава писатель Андрей Битов. Директор Русского ПЕНа Александр Ткаченко, более известный своими футбольными, нежели литературными, достижениями, утверждён заново в прежнем статусе и избран вице-президентом ПЕНК. Возможно, таким образом решается вопрос о преемственности. В своём выступлении Е.Евтушенко отметил, что поддержка, которую Ткаченко оказывает вышедшему директору Международного фонда Р. Гюльмухому, уволенному за злоупотребления, наносит серьёзный ущерб авторитету Русского ПЕН-клуба.

В московской студии патристического искусства «Союз» (Большой Харитоньевский, 10) прошёл вечер поэты, критика и прозаика Николая Перельмана. Автором были прочитаны поэмы «Прогрессио со Слободаном» и «Евангелие от Морфея», стихи из книг «Соловей с простуженным горлом», «И за то Самару люблю», а также произведения, написанные в последнее время. Вечером приняли участие поэты Борис Гунко, Владимир Гривцев и автор-исполнитель Виктор Ветров.

Орловский поэт Николай Михайлович Перовский отмечает свой 70-летний и 40-летний в Союзе писателей. В прошлом — беспризорник, студент Московского горного института, работал на шахте в Воркуте, на обогатительной фабрике в Донбассе. «Добрый путь» в литературу дал Сергей Наровчатов, большую поддержку в «Комсомольскую правду» — Ярослав Смельков, рекомендовал в Союз писателей Владимир Цыбин. Перовский издал более десяти сборников стихов — в Москве, Воронеже, Орле... Публиковался в «Литературной газете» и других изданиях. Наши поздравления коллеге!

Церемония вручения новой литературной премии «Чайгыт», в переводе с якутского означает «Яркий», прошла в Якутске. Победители объявлены в трёх жанрах. Главная награда — 50 тысяч рублей. В жанре «Публицистика» лауреатом стал Владимир Федоров, в жанре «Поэзия» — Наталья Харлампьева. В жанре «Проза» победитель определен не был.

В Кемерове прошёл первый Бескузбасский съезд литераторов. В нём приняли участие писатели всех поколений и национальностей, работающие в Кемеровской области. С докладами выступили председатель правления Союза писателей Кузбасса Борис Бурмистров, главный редактор журнала «Огни Кузбасса», руководитель Шорской писательской организации Геннадий Косточков.

В Москве, в гостинице «Украина», прошла презентация книжной серии петербургского издательства «Алетейя» в рамках этой серии книги — «Крымский текст в русской литературе» Александра Любова и «Крымская Экзюман» Бориса Кольмагина. О достоинствах этих изданий говорили религиозовед, академик РАЕН Валентин Никитин, филолог Алексей Громов-Колли, директор издательского дома «Коктебель» Дмитрий Лосев.

Общественные поэтический конкурс «Кипарисовый лабиринт» ждёт стихов от юных поэтов. Конкурс проводится по двум номинациям: для учащихся с 1-го по 6-й класс и для учащихся с 7-го по 11-й класс. По итогам конкурса будет выпущен сборник стихов, а финалисты приглашены на мастер-классы студии «Кипарисовый лабиринт». Проглашаются до 10 февраля 2005 года по адресу: Москва, ул. Александра Невского, д. 4 (Дворец творчества детей и молодежи на Мясницкой) по e-mail: poet_konkurs@rochta.ru

Ушёл из жизни крупный китаист и монголовед Геннадий Борисович Ярославцев (1930—2004). Член Союза писателей России, член Союза журналистов, замечательный переводчик и педагог, известный редактор издательства «Художественная литература» Геннадий Ярославцев всегда себя посвящал высокой служению слову. Выдаём соболезнование друзьям и близким покойного.

Февраль 1942 года... Уже два месяца, как мы на фронте. Мы — это зенитно-артиллерийский дивизион в составе одной из сибирских дивизий, прибывших на выручку Москве. В ночь на 6 декабря 1941 года в крошечной темноте, прямо с марша дивизия пошла в атаку на немцев, которые, как нам было сказано, из-за готовности к последнему броску на Москву.

Помню деревню Рогачёво, от которой началось наше, поистине грубое вперёд, движение... На второй только день узнал, что от той деревни до Москвы оставалось всего 15 километров... Вовремя, значит, прибыли сибиряки! Но это уже много раз заведительствовано старшими командирами. Я же только о том, что было в этом наступлении (точнее — контрнаступлении) с моим дивизионом, а значит, и со мной, 19-летним лейтенантом, три месяца назад выпущенным (досрочно!) из СУЗА — Севастопольского училища зенитной артиллерии — с двумя кубарями в петлицах...

Шёл февраль 1942-го. И продолжалось наше наступление. Что было за это время с моим дивизионом? А ничего. Потому что дивизиона как такового не существовало. У него не было главного — пушек. Вместо этого нам были выданы бутылки с зажигательной смесью — жечь танки, если немцы будут контратаковать. Хорошо, что они драпали под натиском сибиряков без оглядки... Но Ржев к ходу взять не удалось. Наша 348 СД ринулась было в обход, захватив в 25 километрах северозападнее его плацдарм на правом берегу Волги и тоже остановилась. Завязались тяжёлые позиционные бои.

Вот здесь-то мы и стали, наконец, зенитчиками... Ты знал, до предела напряжённый, приспал-таки нам... три пушечки, совсем не похожие на те, какие мы изучали в училище. Скажут, что мы равнялись им... мало.

Зная об отсутствии у нас средств противовоздушной обороны (велики были потери первых месяцев войны), немцы, как говорили тогда солдаты, буквально «попали по головам», расстреливали нас на маршах, гонялись даже за отдельными повозками, штурмовали огневые позиции артиллерии, бомбили сабаты, склады боеприпасов... И вот у нас появилась наконец возможность посчитать с врагом.

И это было первой радостью, пережитой мною на фронте. А второй... Но о ней придётся поговорить отдельно. Мы — на огневой позиции. Слева и справа от нас пушки, миномётчики, впереди окопы и блиндажи пехоты. Наша задача — не лезть их в обиду, т.е. прикрывать с воздуха. День пасмурный. Крупными медленными хлопьями падает снег. Видимость — минимальная. Вражеских самолётов не то что не видно, даже не слышно.

Но что это? Летит где-то... «К орудию!» Расчёты молниеносно заняли места. «Наводить по звуку!» Шум мотора то приближился, то отдалился. Кружит nearby, высматривает что-то... При этом то и дело строчит из пулемёта. Слышим, разрывались опять и, кажется, прёт теперь на батарею. Ближе, ближе... И вот он огромный гудящий выныривает из снежной завесы — то перед нами! Наводчики не прозвали этого монстра. Три огневые ипты возлились в белое, как у большой рыбы, брюхо самолёта. Смертельно раненый, он рванулся было в небо, но не тут-то было: земля не отпустила. Врезался в снег в километре от нас, в расположении пехоты. Самая большая радость на фронте — это победа! А если она первая — тем более.

Радуюсь, мы по неопытности (всего три месяца в окопах) и представить даже не могли, что это был не финал боя, а всего лишь начало... Потери самолёта и, может быть, лучшего экипажа (все три летчика были с крестами) не могли не ударили больно по самолюбию командира вражеского авиационного полка. Кто мог сбить его асов? — ломал он голову. Вель ни одной зенитной пушки на этом участке у русских не было — это он знал точно...

Через день погода резко изменилась. Снова ураган мороз. До позиции артиллерии, бомбили сабаты, склады боеприпасов... И вот у нас появилась наконец возможность посчитать с врагом.

И это было первой радостью, пережитой мною на фронте. А второй... Но о ней придётся поговорить отдельно. Мы — на огневой позиции. Слева и справа от нас пушки, миномётчики, впереди окопы и блиндажи пехоты. Наша задача — не лезть их в обиду, т.е. прикрывать с воздуха. День пасмурный. Крупными медленными хлопьями падает снег. Видимость — минимальная. Вражеских самолётов не то что не видно, даже не слышно.

Но что это? Летит где-то... «К орудию!» Расчёты молниеносно заняли места. «Наводить по звуку!» Шум мотора то приближился, то отдалился. Кружит nearby, высматривает что-то... При этом то и дело строчит из пулемёта. Слышим, разрывались опять и, кажется, прёт теперь на батарею. Ближе, ближе... И вот он огромный гудящий выныривает из снежной завесы — то перед нами! Наводчики не прозвали этого монстра. Три огневые ипты возлились в белое, как у большой рыбы, брюхо самолёта. Смертельно раненый, он рванулся было в небо, но не тут-то было: земля не отпустила. Врезался в снег в километре от нас, в расположении пехоты. Самая большая радость на фронте — это победа! А если она первая — тем более.

Радуюсь, мы по неопытности (всего три месяца в окопах) и представить даже не могли, что это был не финал боя, а всего лишь начало... Потери самолёта и, может быть, лучшего экипажа (все три летчика были с крестами) не могли не ударили больно по самолюбию командира вражеского авиационного полка. Кто мог сбить его асов? — ломал он голову. Вель ни одной зенитной пушки на этом участке у русских не было — это он знал точно...

Через день погода резко изменилась. Снова ураган мороз. До позиции артиллерии, бомбили сабаты, склады боеприпасов... И вот у нас появилась наконец возможность посчитать с врагом.

И это было первой радостью, пережитой мною на фронте. А второй... Но о ней придётся поговорить отдельно. Мы — на огневой позиции. Слева и справа от нас пушки, миномётчики, впереди окопы и блиндажи пехоты. Наша задача — не лезть их в обиду, т.е. прикрывать с воздуха. День пасмурный. Крупными медленными хлопьями падает снег. Видимость — минимальная. Вражеских самолётов не то что не видно, даже не слышно.

ПОБЕДИТЕЛИ

Огненные жернова

Сергей ВУКОЛОВ

поэт

рез в глазах искрился под солнцем снег. И вражеские летчики не замедлили воспользоваться этим. Все ещё не зная о появлении на плащдарме нашей батареи. Поутру прилетели и начали штурмовать расположенную на опушке леса гаубичную батарею два штурмовика-бомбардировщика Me-109. Один за другим они находили на цель, удобно подставляя под наши пушки правые борта.

Уже на втором заходе один из них задымил. Теперь немецкому командованию стало понятно, что «виновник» их потерь. На следующий день в морозном и синем небе, точно над нами, на недостижимой для наших пушек высоте, появился Ю-88. А мы под ним — нетрудно было представить — как сахар на блюде. Вокруг наших пушек только снежные брызгуны — и больше ничего: зарылись машины на окамеявшую в ту зиму землю было просто немыслимо. Через мгновение бомбы, как мы говорили тогда, «кишкой» вывалились из его брюха...

Мы с Витей, два коммандо в одной землянке, поняв, что промаха не будет, инстинктивно бросились друг к другу, обнялись, успев крикнуть «Прощай, Витя!» Прощай Се... как, полтоком нашей землянки подпрыгнули, земля посыпалась на наши голо-

В конце декабря в городе Павлодар (Северный Казахстан) состоялась международная научно-практическая конференция «Павел Васильев в контексте русской и мировой литературы», посвящённая 95-летию поэта и году России в Казахстане. Конференция и дальнейшие поэтические чтения в домах культуры и учебных заведениях Павлодара были организованы Домом-музеем Павла Васильева, директором музея Л.С. Кашной и литературной общественностью города.

В числе приглашённых были дочь поэта Н.П. Васильева-Фурман, приехавшая из Рязани; С.И. Гронская, ответственный секретарь Фонда по изучению творческого наследия П. Васильева, дочь одного из главных организаторов Союза писателей СССР и редактора тогдашнего «Нового мира» Ивана Гронского; В.Р. Гундарев, гл. редактор всероссийского «толстого» журнала «Нива» и автор стихов песни «Деревенская», давно ставшей народной; учёные-литературоведы Казахстана и России, а также журнал «Сибирские огни» в своём лице.

В начале конференции был продемонстрирован часовой фильм «Он и долг путь к человеку, люди», созданный павлодарской телестудией «Ключ» по сценарию директора Дома-музея П. Васильева. Доклады и сообщения, использованные в работе конференции, подготовили два десятка учёных из Новосибирска, Омска, Астаны, Усть-Каменогорска и, конечно, из числа организаторов — работников Павлодарского государственного педагогического института.

В последующие два дня юбилейных торжеств состоялась встреча со студентами педагогического колледжа, с учителями и преподавателями школы № 9, где есть музейные экспозиции посвящённые П. Васильеву. В городском Дворце культуры прошёл большой концерт по произведениям поэта, были встречи в библиотеках и непосредственно в самом Доме-музее.

Счастливым участием было для меня родиться в России, в пределах её азиатских просторств, в предгорьях Северного Алтая.

Поэтическое открытие этого нового для русской литературы мира, этой полной гармонии и первоуродной радости вселенной совершил Павел Васильев. Несомненно, что гений Павла Васильева во многом сопоставим по духу, и по эпическому накалу с гением Шолохова. И, видимо, недаром их объединяет нечто одно — казачество, родовые корни, субтитическая степная воляная среда, близость кочевой торкоязычной стихии.

И ещё одно удивительное свойство поэзии Павла Васильева до сих пор ещё не получило должной оценки, не стало предметом исследования и не вполне усвоено нынешней традицией русской поэзии. Если мы вспомним XIX век, завоевание Кавказа и то, какую роль отдал этому самобытному культурному миру русские прозаики и поэты, то станет понятно значение Павла Васильева в постижении и освоении культурно-исторических миров кочевых цивилизаций Азии.

Нет, пусть рафинированный европейский критик сколь угодно утверждает с высокомерием и небрежением, что был-де такой юный разбойник от поэзии Паша Васильев, певец приртышских станиц, волюности, удали, азачичи. Что всего-то достижений в его стихе — хищный темперамент

Ушёл из жизни крупный китаист и монголовед Геннадий Борисович Ярославцев (1930—2004). Член Союза писателей России, член Союза журналистов, замечательный переводчик и педагог, известный редактор издательства «Художественная литература» Геннадий Ярославцев всегда себя посвящал высокой служению слову. Выдаём соболезнование друзьям и близким покойного.

КОЛОШКА НА ТРОИХ

1. Над чем вы сейчас работаете?
2. Как складывается журнально-издательская судьба ваших произведений? Что из них вышло в свет, что не вышло?
3. Какие работы ваших товарищей и коллег по перу вас порадовали или огорчили?

Михаил БАЗАНКОВ, прозаик, председатель Костромской областной писательской организации

1. Неоконченные рукописи освобождают от суевы, в них возвращаются к самому себе. Две изданных романа «Вольному волю» напоминают о недосказанном. В трёх частях «Волги» мне удалось высветить технологию страха, особенности тоталитарного порядка для глубокой периферии... Напечатаны рецензии, были читательские конференции, приходит письма-отзывы, но всё ещё кажется, что главное не выявлено... такова нынче участь серьёзных книг. Да и кто сейчас анализирует, выписывает в литературный процесс изданное в провинции? Но живёт и пишется по непредсказуемой траектории: вдруг рецензия, литературный портрет художника или нечто городское под названием «Весьма» час, детские приключения, рассказы о жизни в «Доме над лесом» или письма таинственной незнакомке, даже стихи провозносятся...

2. Периферийных литераторов одолевает сомнения: так ли надо жить, кому творения нужны и стоит ли объявлять малыми тиражами? Поэты и прозаики не умоляют, но региональные издательства переломились. Сначала литературный еженедельник издавал, приложившим к нему — поэтическому сборнику, не сразу, но и проза вышла. Ищу редких благодетелей, редакторов, сочинию предисловия, рисую иллюстрации. Иногда и сам оказываюсь в журналах Нижнего, Ярославля, Москвы: повести, рассказы, рецензии. Ожидая обществу публикации иронического романа.

3. Из журналов предпочитаю публиковать «Наб» современных. Есть вынужденное чтение — работа. Много удручающих рукописей: авторы банально пошлостью, фантазия захвата телеэкранами... Возвращаются к хорошей прозе (Бунин, Лесков, Шмелёв, Фолкнер, Гарсиа Маркес), прилепают исторические романы, дневники музыкантов и художников. Появился интерес к «соседним» культурам — южане акклиматизировались и в Костроме. Прочитал две основательные книги о трагических периодах в истории армянского народа, сборник эссе «Из монастыря — о любви». И без поэзии не обойтись. Кто, кого издавал, могу назвать костромичей В. Шапошникова, В. Лапина, Л. Попова, порадовавший известный В.Костров. Верю в поэтический прорыв. Должно что-то долгожданное прорастить из обстоятельств нашего времени.

Юрий БЕЛЯЕВ, поэт, прозаик, драматург
1. Дело в том, что я заканчиваю пьесу о Георгии Победоносце, она должна называться «Чудо Георгия о змию». Драма очень сложная: речь идёт о IV веке нашей эры. И работа продвигается трудно, долго. Ещё я заканчиваю мифологическую энциклопедию. Её рабочее название: «Мифологическая энциклопедия для студентов и школьников». Это символы религии и древней истории, поэтому я стараюсь найти новые мифологические подходы.

2. У меня за последние два года вышли две книги: «Сны наяву» в издательстве «Вече» — это сборник прозы и драматургии, в которой — «Искушение Армагвддона». Его выпустило издательство «Евразия». В последней книге представлено проза, драматургия, мифология и поэзия. Но всё объединяет общим тематическим единством: может ли человек ответить на вызов, который ему бросает история и проталкивает несколько тысячелетий? В периодике я публикуюсь мало. В журнале «Форум» в прошлом году вышли мои стихи, в этом — проза: роман «Сон императора».

3. Хочется отметить с положительной стороны роман Александра Звягинцева «Естественный отбор». И ещё я бы выделил эссе Александра Зиновьева: о политике, социологии, культуре. Но я сам поэт, и меня огорчает, что сейчас поэзия испытывает некоторые безвременья.

Евгений НОВИЧКИН, поэт, прозаик
1. Люблю попробовать себя в новых жанрах. В последнее время увлекся кинодраматургией. Сейчас на моем рабочем столе киноскрипты. Пишу его по прозаическим произведениям И.А. Бунина. Одновременно заканчиваю работу над переводами стихов графа Георгия Веллса. Его книга должна выйти в будущем году — к 70-летию Георгия.

2. На свою издательскую судьбу жаловаться мне было бы грешно. За последние три года вышло более десятка моих книг для детей — в основном в столичном издательстве «ОЛМА-ПРЕСС». В Воронеж издана повесть-поведра на современный детектив «Дубль первый и последний». В Афинах вышли на русском языке (в Греции сегодня очень много эмигрантов из России и других республик СССР) две мои книги поэтических переводов из Ставропа Боснакидиса и того же Георгия Веллса. Это как бы логическое продолжение моей работы над «Антилогией в прозаической поэзии», вышедшей там же, в Афинах, в 1996 году. В ней основная часть переводов принадлежит мне. Недавно в Воронеже появилась книга воспоминаний «Ветры памяти». Рассказываю о своих встречах с Алексеем Прасоловым, Валентином Сидоровым, Виктором Ардовым, которого в своё время называли «старейшкой вселенного века». Ольгой Кривоной, о переписке с Валентином Пиклевым, связанной с публикацией в конце 80-х годов журналом «Подъём», где я тогда был главным редактором, роман «Начистая сила». Ну и, наконец, только что изданный мой роман «Судья и киноактер»: заслуженный деятель искусств России Василий Паннин снял по нему художественный фильм «На реке Дону». Фильм посвящён жизни современной русской деревни.

3. Порадовал — и не впарываю — Иван Евсеевич. Его новая повесть «Большая вода», которую я прочитал в рукописи, вот уже месяца два не даёт мне покоя. Думаю, с такой силой о судьбе простого русского мужика давно никто не писал. Радуюсь публикации в «Роман-журнале». XXI век документальной повествования Виктора Будакова «Одинокое сердце поэта». Это произведение посвящено жизни и творчеству уже названного выше Алексея Прасолова — поэта, без которого уже невозможно представить себе отечественную, в будущем, я уверен, и мировую медитативную лирику. Из стихотворных книг обрели внимание на новый сборник Игоря Лукьянова «Дыханье русского окопника». Игорь в последние провинциально Борисоглебская и в столбце пока не издавался.

Владимир БЕРЯЗЕВ, НОВОСИБИРСК

Б. ЕГОРОВ

Ушёл из жизни крупный китаист и монголовед Геннадий Борисович Ярославцев (1930—2004). Член Союза писателей России, член Союза журналистов, замечательный переводчик и педагог, известный редактор издательства «Художественная литература» Геннадий Ярославцев всегда себя посвящал высокой служению слову. Выдаём соболезнование друзьям и близким покойного.

В СИНОНИМИЧЕСКОМ РАДУ ВОСХИЩЕНИЙ

Нам всё труднее дается разговор о поэзии, потому что мы все больше охуляем странный привкус не тех слов, которыми говорят о ней. Гармония, образ, музыка, поэзия как чудо, возвышающая земную жизнь, как тайна, — кажется, утрачены не только сами слова, но и целые понятия в общественном сознании. И мы попали действительно в «сборочный контейнер» по производству высказываний о поэзии.

Поэт транслирует свой неповторимый жизненный опыт, читатель ориентируется на знакомые бренды — от этого «новомыслие» берет то же мертвящее качество и скукой, что и от отчаяния — воспроизведения действительности в приснопамятные времена.

Может показаться, идет процесс усложнения мысли о поэзии. Но так ли это?

С одной стороны, действительно усложнение, но нравственно отчужденное от читателя литературоведение, прошитое насковом специфической терминологией, осколками западных концептов, среди которых лидирует Фуко, Барт и Эко, — своего рода «игра в бисер», рассчитанная на узкий круг посвященных (специалистов). С другой — извлечение публицистической идеи из стиха всего лишь как повод для демонстрации безоговорочного согласия критика с гражданской платформой, автора — с с.с., как правило, урапатриотической направленностью (это, надо полагать, для народных масс).

Наконец, это наблюдение уже взято из нашей дискуссии, — круто замешанный коктейль из громких имен, понятий, проблем («система ценностей»), тут же обесцениваемый на глазах дружок — происходит в точности то, что описывает Александр Грин в одном из своих романов: «...Снует мысль, бестолково облетая елочки, рвется обветшать, путая узел на узел. Ничего нет. Что же было? Газетный анекдот — и тоска». Несмотря на то, что неприличный, добавив от себя.

Нас всё чаще ставит в тупик «размножение» поэтического текста и комментария, эффект «ножницы», образующихся между ними. Меж голосом автора и голосом оценщика. «Хорошие стихи нужно хвалить», — преподносит нам аксиому рецензент «НП Exhibits» (2004 г., 20 мая) и, процитировав посредственные стихи, добавляет: «Хорошо как! О желанном и... о жизни, наверное. Всё сползало к синонимическому ряду восхищения. Дальше сами».

Дальше — не хочется. Вспоминается почему-то замечание нидерландского философа Йохана Хейзинги, прогнозирующего в книге «Номо Людес» «тень завтрашнего дня» — наше-го с вами дня: «Помимо всеобщего ослабления способности суждения... остаются ещё основания и для того, чтобы посвятить на ослабленные потребности в критике, помутнение критической способности, утрату представления об истинном и ложном».

В «синонимическом ряду восхищения», в который попадает сегодняшний читатель газет и журналов, происходит постоянное смещение мер, критериев и оценок искусства; стираются границы между подлинно выстраданным высказыванием о жизни и пустяками ни о чём; создается впечатление, что в зарослях эстетического хаоса, цепко опутавшего поэзию, не видно ни путей её развития, ни традиций, ни просто каких-либо плодотворных тенденций, за которыми будущее. Эти понятия как бы остались в прошлом, в «империи»: есть только имена, личности, судьбы, которые растут, по слову поэта, «как дерево — без чертёжа и плана».

Надо полагать, так же — как придётся, — без направления роста, без всяких там закономерностей, очевидных и скрытых, — движется и судьба русской поэзии в целом. И мы спело вверились её ходу. Не задаваясь даже вопросами: то ли это движение, то ли это поэзия, что мы ждём от века XXI?

УТОЧНЁННЫЕ ИГРЫ КАСТРАТОВ

Но так было не всегда. В самый раз здесь вспомнить, что в начале XX века шли оживлённые споры о пути развития русской поэзии: то, что сегодня, спустя почти столетие, кажется нам безусловным и единственно верным, как тот же Серебряный век, например, представлялось современникам подвижным, неоднородным и даже отрицательным явлением (ведь поэзия был век XIX!).

Речь идёт о позиции отдельных великих поэтов таких, как Блок, который в 1919 году в своём отзыве о двух «глубоко несродных между собой» авторах Д. Цензоре и Г. Иванове провозгласил: «...есть такие страшные стихи ни о чём, не обделённые ничем — ни талантом, ни умом, ни вкусом, и вместе с тем — как будто нет этих стихов, они обделены всем, и ничего с этим сделать нельзя».

Ещё резче, бескомпромиссно «с того берега» высказался Иван Бунин в 1925 году в парижской газете «Возрождение»: «Нынешнему падению России, социальному, политическому и всякому прочему, не

«ЛП» затеяла многозначительную по названию, но в корне вредную дискуссию. Говорят, в ней отметились уже до десяти авторов. И это не предел. Главное — разговор не жалеть, и разговор будет вестись хоть до следующего века.

Андрей Кавачиков, № 40.

только сопутствует, но задолго предшествовал упадок её литературы, когда всякое непотребство стало называться перламутром, а глупость и истеричность — священным безумием, когда священный распад и всяческие «искания»... были столь бесстыдно прославлены самими же представителями всего этого».

Критическое отношение к состоянию современной поэзии наиболее отчетливо выразилось в статьях и рецензиях философа и культуролога Н.М. Бахтина (1894 — 1990) — не путать с М.М. Бахтиным, это его старший брат, а также в дискуссиях на заседании «Зелёной лампы» в 1927 году, в которых он принимал участие наряду с Г. Адамовичем,

филологической науки и критики, вовлекающей читателя в «состязание трудовой мысли», но, увы, далеко не всегда плодотворное. Что поэзия в целом, а не только в маргинальных контекстах, займётся «языковой игрой» — флиртом с филологией — с целью, как нам говорят, пробиться к этимологической тайне слова: «Мы андрогин. Нам трудно по полам».

Так ли уж безобидны эти «игры-флирты с филологией» или писание на «предварительном пост-языке».

А. Лосский уклоняется от ответа на этот вопрос. Между тем процесс пошёл глубже и дальше, чем можно было предполагать в начале XX века. В «уточнённые игры... кастратов» оказались во-

спонтанности — нам просто предстоит циничные постмодернистские «уроки симметрии».

В опубликованном в том же номере «Знамени» эссе «Стенография начала века» его автор Марк Харитонов приводит любопытную цитату из справочника по постмодернизму: «Истина основывается на тех искусственно выстроенных аргументах, в которые поверил создатель аргументации, и живет за счёт круговой поруки тех, кто согласился эту истину разделить». И замечает: «Я бы тут заменил слово «поверил» — может быть, сконструировал, вера тут ни при чём...».

Очень существенная и точная поправка. Именно искусственно сконструированные подобные истины, — а верит ли в него сам создатель или нет, — это в данном случае неважно. Вся хитроумная механика — мы видим, как живут и работают литературные приёмы, а не человеческое сердце, — приведена в движение, чтобы заставить поверить читателя, внушить ему: искусственное — это модно. Мода же диктует свои условия и отношения.

Как в старой сказке Андреева: «...Из ларца вынули прелестную розу. — Ах, как это мило сделано, — сказали все феи. — Больше, чем мило! — сказал император. — Это прямо-таки чудно! — Но принцесса потрогала розу и чуть не запла-

ны тенденции стоят за пропускными именами.

«Справедливость есть начало художественное», — полагал русский философ Иван Ильин. Если встать на эту точку зрения, то следует тогда признать, недостатка справедливости, существующая в литературном мире, впрочем, связана с особенностями наших представлений об эстетизме или полным отсутствием таковых. Не случайно О. Селадкова в известной статье «О погубившем литературном поколении — памяти Лени Губанова» ставит столь неутешительный диагноз: «Судьба искусства в нашей стране говорит о недооценке эстетизма как смысла. Он, видимо, так силен, что с ним боролся не менее решительно, чем с религией».

Поэзия, не заключающая в себе мощи национального духа, — слаба и беспомощна, а кому и чем может помочь в нашем мире слабый? Вот отечественный читатель и отвернулся от него помогающих ему стихов.

Николай Перелесов, № 41

Олег Чухно (г.р. 1937) не был ни диссидентом, ни эмигрантом, — его подвела всего лишь особая творческая оригинальность, эстетизм как смысл, — поэтому не печатали. Но ещё более — простодушие и беско-

ной доле, увы, изгнанник. Удивительно напоминающий Дон Кихота, автор направляет копье своих стихов и Роснигата своей воли на вызов прагматическому миру... И в заключение, глубоко переживая, что судьба поэта

сложилась трагически, задаётся вопросом: «Неужели обязательно надо сперва кого-то или чего-то потерять, чтобы оценить его потом по достоинству?»

Вопрос остаётся открытым. Ибо у новой эпохи уже проступило иное лицо, которое имело своё имя, отчётливо обозначившееся к концу XX — началу XXI века.

КРУШЕНИЕ ГУМАНИЗМА?

Читая сегодня статью А. Блока одноимённого названия, видишь, как далеко зашел поэт вперед — прямо в наш век. Обстоятельно представив картину того мощного движения, которое на исходе средних веков окатило всю Европу, и лозунгом которого был человек — четыре столетия подряд общество развивалось под знаком этого движения, — поэт пронзительно отметил признаки упадка к началу XX века. Они выразились, по Блоку, в утрате «равновесия между человеком и природой, между жизнью и искусством, между наукой и музыкой, между цивилизацией и культурой — то равновесие, которым жило и дышало великое движение гуманизма. Гуманизм утратил свой стиль; стиль есть ритм, утративший ритм гуманизм утратил и цельность».

Сегодня мы пожинаем поздние плоды того, как процесс пошел: «Нет предмета и нет человека». Но приведенное стихотворение С. Кесовой имеет неожиданную концовку:

«Никто не приходит на помощь / И не точит заржавленный нож, / Если стечет дождем назовей».

ОФОРТ / Короткий взмах. / И описав душу, / Уткнулось в снег / утромое полено.

А в розовке, / соннувшись пополам, / Другое ставит. И удар!

В руках топор, / как музыка, играет, / И звуками — разъятые стволы, / А темная фигура / с красным носом / Все повторяет / старое движенье».

Там — голова, / здесь — тело, руки, ноги — / И мертвый стук / размеренных ударов... / Так дерево на дереве деревья / Уничтожает взмахом топора.

Отзывчивая среда поэзии — великая на родовая душа — сузилась, заржавилась, истаяла на исходе XX века.

Александр Бобров, № 50

Особо следует подчеркнуть: всё это было написано Чухно ещё в 60-е годы, но впервые напечатано лишь спустя 40 лет в книге «Стволы и листья. Стихи из XX века» («Вече», 2002).

Именно эта книга и её автор, невосторбованный своим временем поэт, дали повод Борису Евсееву говорить о «разрушенном стволе» русской поэзии («Октябрь», 2002, № 10).

В случае Олега Чухно «разрубу» пришлось по самому живому месту — там, где проходит Образ, который умиротворяет, о человеке и вает (разрядка наша. — И.Р.) бесформенное небытие... (Морис Бланшо):

ВЕК — НОВЫЙ. А ПОЭЗИЯ?

Слепой горизонт

В. Вейдле, З. Гиппиус, Д. Мережковский и другие.

Его поэзия была столь неочевидна, что в свете нашей дискуссии стоило сказать о ней особо: не содержит ли она «ключ» к разгадке некоторых явлений, наблюдаемых нами сегодня в современной поэзии начала XXI века.

В статье «Путь поэзии» Н. Бахтин с горечью констатирует: «Что-то основное изменилось, по-видимому, в нашем отношении к поэзии... или в самой поэзии. Нам вполне понятна мировая слава боксёра, или героя экрана, даже, пожалуй, слава романиста. Но где тут неразумный властитель своей эпохи?.. Увы, это так же сказочно, как миф о том, что стены Фив воздвигнуты были звуками Амфионовой лиры? Что же произошло? Мы ли неправы отвернулись от поэзии, или она сама, изменив своему исконному назначению, утратила права на власть?»

Н. Бахтин склоняется ко второму ответу: да, сама поэзия изменила себе. Современный поэт больше, увы, не «заклинатель», «скалы движущий» Орфей, а всего лишь «специалист среди других специалистов», «rosta vaies (поэт-пророк) превратился в poeta faber (поэт-ремесленник)»; у «этого ремесленника есть узкий круг потребителей, для которых он изготовляет острые и уточнённые бездвулишки».

Идти дальше по этому пути, оставаясь в пределах искусства, считает Бахтин, не только не должно, но и невозможно, ибо есть только один выход — в разнуданность, в хаос, в «темные и спутанные формулы», в «утончённые игры мечтательных кастратов». Вернуть поэзию её действительную, заклинятельную и эротическую природу — или ей

включены священные, дорогие для человека понятия и символы; да и сам Господь Бог не избегал этой горькой участи: что-то мы с тобою / Божик / на одно лицо похожи / и похоже держим ножик / только / Ты за рукоять».

Покажи, как ты можешь на отечественной «Ниве» обставить авто марки «Осенний Крик Ястреба!»

ла. — Фи, папа! — сказала она. — Она не искусственная, а настоящая! — Фи! — повторили все придворные. — Настоящая!»

Не повторяет ли это «фи» наша новейшая современность, которая отдаёт свои предпочтения и свой выбор в области искусства не настоящему, живому слову, а сработанному механически — «трещоткам» с бубенчиками, «трещоткам»? «Чего стоит этот инструмент?» — вопрос не только из сказки: рыночные отношения проникли и в область стихописания.

По мнению участников круглого стола «В поисках утраченной поэзии» («ИЛ», 2004, № 10), «сейчас мы... наблюдаем деятельность весьма агрессивных симуляжров, но уже в глобальном масштабе. Просто идеи коммунистической уравниловки сменились идеями потребительской уравниловки» (Г. Кружков). А социолог и переводчик Борис Дубин обращает наше внимание на то, что «на Западе модерн уже несколько десятилетий как закончился. Отечественная поэзия, оказавшись, почти что нечем выставить собственную западлоду, внезапно свалившуюся на неё безызычную «современность». И если бы дело было только в языке, — не пережит сам страшный опыт XX века, а то, что пережито, не только не признано, а, наоборот, вытеснено и запечатано».

А ведь это всегда конкретные имена и судьбы, которые надо вводить в контекст литературы.

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННЫХ ПОЭТОВ

Проблема невосторбованных, пропущенных поэтов, ставшая хронической болезнью отечественной литературы, — это во многом проблема определённого выбора и, как всегда, между живыми и мёртвыми (Ефим Берши, «ЛП», 2004, № 32 — 33). Поэтому не только важно имя — кто не узнал, но и что не узнано современниками, отвергнуто или не понято ими, замолчано или искажено, какие художествен-

культуры сегодня встало другое, воспользуемся пророческими блоковскими словами: «Натиск внешне христианизированных масс, которые до сих пор не были причастны европейской культуре». Это в равной мере относится и к читателю, и к той, большей части современной поэзии, что с рвением прежних атеистов примеряет к стиху православные одежды, не заботясь о внутреннем содержании. Как мало здесь человека и много равнодушия! А между тем «нет ничего более страшного для человека, чем другая человек, которому нет до него никакого дела» (Мадельштам).

А если этого «другого человека» не видит в упор целая армия поэтов? Да, в сравнении с поэзией советской эпохи становится очевидно, что время перестройки и гласности не дало в литературе таких стихотворных шедевров, которые могли бы встать в один ряд с... «Есть женщины, сырой земле родные...» «Враги сожгли родную хату...» «Я убит подо Ржевом...» «Где-то в поле возле Магадана...» «Добрый Филя...» «Мирозданье сжато берегами...» и т.д.

Говорят о переходе современных поэтов от почвенничества к европеизму. На деле это означает: «соц-арт», цинтичность, отказ от рифмы, признание вердикта самостоятельной и самоудовлетворяющей системы русского стихосложения и т.д.

Но подобного рода усилия реформаторов на русской поэзии пока не дали ощутимых результатов: «есть тщательно просчитанная невнятица» (В. Куприянов). Касаясь этого вопроса, В. Куприянов в статье «Айгитация. Миф, придуманный «западными» славистами» («ЛП», 2004, № 24), иронически замечает: «Если бы ещё знать, нужен ли русской поэзии подобный «европеизм» (у Пушкина или у Блока разве его не было?) с его всё более узким кругом читателей. И кто нас так уверил, что в Европе нет почвы?»

Вероятно, наше незнание лучших образцов современной европейской поэзии и наша неспособность к анализу, сопоставлению и национальной самокритике.

Недавно вышедшая у нас двуязычная книга польского поэта Анджея Заневского «Голгоза эти несколько лиц...» (составление и перевод Андрея Базилюцкого), автора известного, в том числе и у нас, романа «Крыса», со всей наглядностью убеждает: «европеизм» — это не свобода произвола свободного стиха, а свобода откровения личности — о личности, о своём «почув» — традиция европейского гуманизма.

Участует ли в нём русское слово? Или нам неинтересно говорить с миром, и мы «живём в мире в каких-то разных временных измерениях»? (Антон Нестеров).

Диагноз: «Мы людей не любим! Мы любим лишь себя! Очень любим себя...» (А. Заневский. «Священнику Ягу Т.»)

НАДЕЖДА ПРИХОДИТ В СУМЕРКАХ

Казалось бы, из всего сказанного выводу следуют неутешительные. И при таком раскладе сил и свойств прогноз на будущее русской поэзии в новом тысячелетии не обещает быть оптимистичным.

Какая роль? Наверное, стоит с доверием отнестись к мнению автора «Элементарных частиц» Мишеля Уэльбека о «живучести литературного процесса, который может самопровертаться, саморазрушаться, объявить себя бесперспективным, не переставая при этом быть самим собой; который выдержит любое поражение в беззуду, любое разятие на части, любое наслоение интерпретаций, сколь угодно тонких; который, упав, отряхнется и снова встает на лапы, точно собака, вылезавшая из лужи».

Не так ли и поэзия? Она по-прежнему доказывает нам свою неизбежность и непреложность. Бьет мороз, поэтому в неё устремляется так много свежих, молодых сил, так много делается талантливых попыток, подчас незаметных и неочевидных среди рифмованного и нерифмованного вздора, — не дайте изменить соотношение между различиями та ласточка, которая, несмотря ни на что, продолжает своё извечное дело — строить, а не разрушать образ мира:

«Вот опять она летает / Над беседкой в саду, / Дым соломенный лает, / Воду черная в пруду.

И пока шумят народы, / Грозо спорят / Кто про что, — / С чувством счастья / И свободы / Летит ласточка / гнездо.

(Вл. Коробов)

Инна РОСТОВЦЕВА

ПЕРВАННОЕ ВРЕМЯ

Переделкинский лёд

Воспоминания, которые я когда-нибудь напишу о Саше Тихомирове, я называю «Тихий свет». Александр Тихомиров — это забытая боль нашего поколения, как многие, не осуществивший даже в малой мере, завершивший свой путь не вовремя. Слишком рано для того времени, когда сорокалетние люди считались молодыми писателями.

Внутренне он был очень как-то по-печальному элегантен, и эта печаль проступала в крупных чертах его лица. Что-то было в правильном, хотя и несколько угловатом, лице Саши от благородной морды коня, и это делало моего друга сродни Борису Пастернаку. И в стихах поэта Александра Тихомирова тоже ощущался отдалённое средство в переделкинском чародействе. Но именно — отдалённое, такое же элегантно, как и он сам, ни в комм случае не подражание.

Первая его книга «Зимние канюшки» (изданная в «Советском писателе», что тогда считалась знаком отличия) прошла незамеченной. А вторая книга так и не вышла при жизни. Он был на студенческой практике в отделе поэзии издательства «Молодая гвардия», но там что-то не заладилось, возник конфликт, и книга не вышла. Он подготовил книгу для «Детизма», но там её безжалостно «забурли» рецензент. Вторая книга поэта Александра Тихомирова вышла в свет в издательстве «Современник». Посмертно.

Об этом в своё время точно написал Николай Рубцов, с которым, не помню, на одном ли курсе, но примерно в одно и то же время Саша Тихомиров учился в Литературном институте: «В мою вневечную печальную разлуку шёл в чёрном пальто авто в слышу печальные звуки, которых не слышит никто».

Я намеренно привёл здесь «чужую» цитату. Чем-то были близки эти два тогда молодых дарования, хотя и отличались разной культурой. Рубцов приехал из провинции, а Саша был воспитан столицей. Общим был крупный дар.

Саша погиб 18 января 1981 года под беспощадными колёсами электрички на платформе Солнечная, первая от Москвы перед его любимым Переделкино, за две недели до своего сорокалетия. За 15 минут до полудни он, как потом рассказывали машинисты электрички, потрёпанные случайно содеянным, оказался на пути, ведущем к Москве, куда шёл пешком — по шпалам, и пытался вскарабкаться на обледневшую платформу. Обламывая ногти о лёд, он несколько раз соскальзывал на железнодорожные пути. Электричке надо для торможения 800 метров. Машиниста ничего не могло сделать, когда многотонная машина неслась к соскальзывающей в последний раз на рельсы ночной фигурке поэта.

Он оставил две посмертные книги, взрослого сына, годовалую дочь от тайной связи и светлую память о себе на этой земле.

Жена Саши — талантливая прозаик Лидия Медведникова, уроженка северной русской глубинки, они налади дружба в Литинституте. Родился сын, которого назвали Митей. Семья жила тесно, только во второй половине семидесятых, когда «классиком» советской литературы начали переселять в новый дом в Безбожном переулке (вы осознать: поселился в Безбожном переулке), они получили квартиру в старом «сталинском» доме на улице Чайковского — как раз напротив американского посольства. Они вселились в квартиру на восьмом этаже, в которой ранее жил Борис Можаев, в 1978 году. Над ними, возможно, работали наши спецслужбы, потому что однажды после пожара в посольстве в январе 1979-го, вызванного, как тогда говорили, лучом лазера, вспыхнул десятый этаж над квартирой Тихомирова, воспламенённый, вероятно, ответным лазерным лучом. Вот такие «звёздные войны», если верить слухам, тайно развёртывались в центре Москвы.

Но вернёмся к Сашини судьбе. А она складывалась трудно. О лёд этой судьбы об обламы-вавшего в течение всего своего творческого и жизненного пути. Мешала интеллигентность. Мешал, как ни странно, свой литературный его поэтический дар.

С боирских времён в России привыкли уважать и замечать не тех, кто умеет писать стихи или делать что-то полезное, а тех, кто способен раздуть щёки, преисполненные сознанием собственной важности. Советские поэты тоже привыкли общаться к сытому чванливому. Конечно, не все... Но что было — то было, и мы не будем приукрашивать своё время, замалчивать румянца и белыми его порочные алчные морщины. Многие трудно шли литературными коридорами. Он написал об этом душераздирающие стихи:

«Мне шло ползательные коврики, / Как в урну делкатные клеви — / Препарице каждого лица, / Мерцают взоры явобитым лаком... / А коридору / Нет и нет конца... / ...В сей мис печальный / Мой бы сын заплакал, / Когда б увидел своего отца.

Божья мой, он, как и все мы, ездил зарабатывать деньги выступлениями от Бюро пропаганды советской литературы, но на Север, а не на Запад, писал какие-то внутренние рецензии. Даже несколько сезонов проработал в похоронной бригаде одного из московских кладбищ, и боюсь, надорвал там свою нежную душу, явно созданную не для того, чтобы рыть могилы в нашей страшной российской глине...»

В начале семидесятых имя Саши Тихомирова попало на страницы «Литературной газеты». Но, увы, имя не поэта, а пострадавшего от милитарского произвола. Началась эта история на моих глазах. Мы тогда собирались в августе 1971 года на день рождения Володи Шленского. Саша ушёл за полночь, понятно, но вполне трагично. Его прихватили менты и, когда в КПЗ Саша заступился за безымянную алкашку, потрёпанную благородством незнакомого человека, пообещала ему свидетелем, если поэт решит добиваться правды. Он добился.

А незадолго до смерти Саши Тихомирова в «Московском литераторе» вышла большая подборка его стихов. Вечером в день выхода газеты он пришёл в редакцию с женой и парой бутылок водки. Это был праздник поэта и нашей маленькой редакции.

В его подборке было стихотворение, которым он очень гордился. Может быть, потому, что смог выразить в нём свою светлую философию: «Дождь осыпал по многу приметам, / Что идём мы на праздник большой — Станем добрым и мыслящим светом, / что у каждого есть душа».

«Его, сбитого электричкой, разорванного на куски, успели привезти в больницу. Умирая, он говорил, что хочет жить. Но это уже получиться не могло. В три часа ночи он умер.

Саша отпевали в переделкинском церкви — по советскому православному обряду. И похоронен он на Переделкинском кладбище — среди великих могил, неподалёку от могилы любимого им Пастернака. Зимой там тоже бывает очень сколко.

Сергей МНАЦКАНЯН

ОЧЕВИДЕЦ

Возвращение Александра Грина

В Феодосии состоялась Гриновские чтения. Съезжались гости, приглашенные и просто любители Грина...

Судьба Грина — это печальная русская история о том, что мы «любим» умеем только мёртвых...

Борьба с этим курами стала одной из самых потрясающих страниц в истории русской советской литературы...

Посмертная судьба Грина — это история о том, как дошли русскую литературу. А если почитать, сколько кафе и ресторанов в Советском Союзе назывались «Алые паруса»...

Сегодня государство Грина не донят, и музей его в Старом Крыму, и музей в Феодосии — для нас за границей. Однако Грин-то писатель русский...

А не только литературная закладывается в том, что и наш президент в молодости «Алые паруса» читал наверняка...

Как писатель Грин намного больше и глубже истории про капитана Грея и Ассоль, но если его знают только по этой книге, пусть Она того заслуживает...

Алексей ВАРЛАМОВ

Он был, как выпад на рапире... Б. Пастернак

Я об истории дурного Быть меня вынужден: зачем Она спешит морочить снова...

Ничуть не ластя ни ей, ни жесту Того, кто речь произносил, С трибуны свешиваясь к съезду...

Я о поэзии дурного Быть меня вынужден: зачем Она единственное слово...

На мощный лоб ложились блики Не ламп, казалось, а планет. Как хорошо, когда великих Людей при вашей жизни нет...

Прекрасная земля, которая милей Мне всех друзей, что знал на белом этом свете.

Я карту начертил и крестиком на ней Пометил те места, где на велосипеде Всею счастливей был, — такая тишина...

И есть я люблю Россию, боже мой, Нельзя и прошептать такое вслух — услышит Ревнивый кто-нибудь — так вот, обязан той Земле я тем, что стих мой движется и дышит.

Тени утра вечерних теней Лепкомысленней и веселей И в дружку направлены сторону, И рассчитан их сонм на детей, А не на стариков, и не поровно.

Тени утра так праздно лежат, Слово счастье земным дорожат, И не нужно им потустороннее, Где мы рай разместили и ад. Бескорыстней они, благосклоннее.

Даже если не сдержат своих Обещаний, таких золотых, Розоватых, как эти соцветия... И молчу, и чуть советую их, И так редко вставал на рассвете я

По смерти слава хороша. Заслуги в гробе согревают. Державин, мощная душа, Его всё реже вспоминают. Он надоед уже чуть-чуть Ещё при Пушкине, — смешишь Построил фразу я, но суть Рискуя шепнуть направо.

Он назидателен, не лез, Но, удивительное дело, К его стиху приколот креп Всегда решительно и смело, И среди бархата знамен, И звёзд, и лент — ни на минуту Не забывал о смерти он. Такую пестовал причуду.

Такую странность — всё равно Что заикаешь у другого Или привычка явить сукно, Или бессмысленное слово Тануть без надобности: э... э... э. И мне, когда его читаю, Становится не по себе: Горю, бледнею, обмираю.

Я бы мог почитать на лаврах, Глянцевитых, которых нет В наших свекрах неблагоприятных, — Только жемчужность, берекет.

Только двухнедельная липа, Полусломанная скамья. Есть скамья — и на том спасибо. Сор смахну и присяду я.

Сколько рек пятнисто-белых, Половина осталась, треть? В том краю, где все рейки целы, Нам ещё надобно сидеть.

И о чём бы земная лира Пела, дру мой, сквозь забытые, Если совершенство мира Было б спрятано от нас?

Александр КУШНЕР Горю, бледнею, обмираю...

На шестом этаже они вровень с душой кипят, а на третьем в их толще безвылазно тонет взгляд.

Покровительствуют мимолётным и легким снам, Их ещё не срубил, но срубят, — сказали нам.

Волной расшита по краю, Листовой вечерней шевеля... Путь водители по раю, И тополя-учителя!

Уходящий из жизни затмение мира склонен Препрекать. Апокалипсис — вот что ему по нраву. Раньше он так не думал, пока ещё не был болен И преследовал цель, то есть женщину или славу.

А теперь ему знаки упадка, черты уцербра, Рокковые приметы крушения интересны. Если скажем, филолог он, то Потемкин и Шерба

Раньше были милы ему, нынче скучны и пресны. Скажем, пихта у Гейне — немецкое Fichtenbaum — Стала кедром, сосной в переводах и даже дубом.

Что теперь безразлично ему — опустил шлагбаум И не словом, а деревом пасмурным, влажногубым Грезит: вот и леса вырубают, и Бог свидетель, Потиают моря, упрощается речь и реки

Скажем, пихта у Гейне — немецкое Fichtenbaum — Стала кедром, сосной в переводах и даже дубом.

Что теперь безразлично ему — опустил шлагбаум И не словом, а деревом пасмурным, влажногубым Грезит: вот и леса вырубают, и Бог свидетель, Потиают моря, упрощается речь и реки

Скажем, пихта у Гейне — немецкое Fichtenbaum — Стала кедром, сосной в переводах и даже дубом.

Что теперь безразлично ему — опустил шлагбаум И не словом, а деревом пасмурным, влажногубым Грезит: вот и леса вырубают, и Бог свидетель, Потиают моря, упрощается речь и реки

Скажем, пихта у Гейне — немецкое Fichtenbaum — Стала кедром, сосной в переводах и даже дубом.

Что теперь безразлично ему — опустил шлагбаум И не словом, а деревом пасмурным, влажногубым Грезит: вот и леса вырубают, и Бог свидетель, Потиают моря, упрощается речь и реки

Скажем, пихта у Гейне — немецкое Fichtenbaum — Стала кедром, сосной в переводах и даже дубом.

Что теперь безразлично ему — опустил шлагбаум И не словом, а деревом пасмурным, влажногубым Грезит: вот и леса вырубают, и Бог свидетель, Потиают моря, упрощается речь и реки

Скажем, пихта у Гейне — немецкое Fichtenbaum — Стала кедром, сосной в переводах и даже дубом.

Что теперь безразлично ему — опустил шлагбаум И не словом, а деревом пасмурным, влажногубым Грезит: вот и леса вырубают, и Бог свидетель, Потиают моря, упрощается речь и реки

Скажем, пихта у Гейне — немецкое Fichtenbaum — Стала кедром, сосной в переводах и даже дубом.

Что теперь безразлично ему — опустил шлагбаум И не словом, а деревом пасмурным, влажногубым Грезит: вот и леса вырубают, и Бог свидетель, Потиают моря, упрощается речь и реки

Шутя подбросить им готов Хоть Аргентину, хоть экватор.

Ты кто? — Я слово из восьми Буков, не умеющее сбываться, Но выданное меж людьми За строгий факт. Ты небылца?

Сидят, кивают головой, Слова расписаны по клеткам Вне имитации живой, Внимая к чашкам и салфеткам.

И я подумал, что на них Похоже усидчивый филолог, Когда рассматривает стих Как сумму тайн и недомолвок.

Где в массе лишней шелухи Найти орешек надо твёрдый... Я не хотел бы, чтоб стихи Разадывались, как кроссоорды.

Неурядицы Опять развестись и ещё раз жениться... Но как развестись? За письмо он садится И пишет жене приблизительно так: «Я знаю, Валерия, что ты за птица!» Ни больше ни меньше. Ну что за дурак?

И эта нелепая фраза, к восторгу Другой и знакомых, войдёт в разговорку, И дети подхватят в знакомых домах Её, друг у друга линейку, отвертку Из рук вырываю, сжимая в руках.

И кто-нибудь, чтобы к жене подступиться, Когда она сердится или помнится Ей что-нибудь, с каменным скажет лицом: «Я знаю, Валерия, что ты за птица!» Она улыбнётся — и дело с концом.

«Стали жить поживать да добра наживать» Интересно, какого добра? Неужели диван? Неужели кровать? Неужели подушек гора?

А с другой стороны, почему бы и нет? Или хочешь, чтоб это добро Так же иносказательно было, как свет, И белело, как птичье перо?

Но земная любовь наяву — не во сне — Многогранна во все времена, И волшебна народная сказка вполне И, как видишь, практична она.

Здесь почему-то летает одна Чёрная бабочка с белым узором, И никакая душа не нужна Близкая ей, да ещё с разговором.

То приседая, то мерно кружа Над шестистемьем, цветеньем, пыльюем, И никакая родная душа Ей не нужна, да ещё с пониманьем.

Сверкает море — взгляд не отвести. Стеной зубчатой встают кипарисы. Гора лежит медведем на пути, Блестит её скалистые карнизы, А шерсть на ней сваялась от жары, Круты её тропинки, притохлявы. Какие открываются миры С ней, другие скалы и заливы! Она уже зарылась в полумглу Вечернюю, бока её остыли. И, прохода, завоюешь тому, Кто на её краю лежит в мошле.

Представляешь, каким бы поэтом — Достоевский мог быть? Повесть Нам — и думать боюсь я об этом, Как во все бы пределы мело!

Как цыганка б его целовала Иа, целая в костяный висок, Революром ему урожала. Эпигоном бы выладел Блок!

Вот уж точно измышленный город В зыбкой дымке растаял сплошной Или молнией был бы расколот Так, чтоб рана прошла по Сенной.

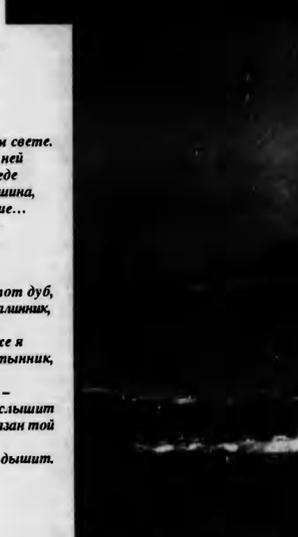
Как кленовый валится б, разлапист, Лист, анушая проложему страх. Представляешь трехстопный анапест В его сцепленьях жестких руках!

Как еврей, поляки и немцы Были б в угол метлой сметены, Православные леги б младенцы, Навевая нездешние сны.

И в какую бы схватку ввязалась Советь — с будничной жизнью людей. Революция б нам показала Ерундой по сравнению с ней.

До свидания, книжная поля, Ни лесов, ни полей, ни лугов, От России осталась бы только Эта страшная книга стихов!

Они соскучились без слов. И анонимный комбинатор

Санкт-Петербург, 9 января 2005 года.

Кое-что я, конечно, сделал За свой век, разместившись в двух Сразу: чей-то подпаторель В рифмах мне благодаря слух.

В том числе и за то, пожалуй, В этом мире обид и бед, Что писал я не князь жалоб, А превратностей и примет.

Что до пышного лавра, вкупе С мртвом, скользкий лаверовый лист Попалась мне только в суну. Шутка так себе. Лист душист.

Мимо сквера с его наружной Стороны шестистемь тала, Презирать её нам не нужно. Ни умна она, ни глупа.

Простодушна, жестокосердна, Обаяя притом теней, Тем и славится, что бессмертна. Поднимусь и растуа в ней.

Сосед Вот он умер, совсем наш с третьего этажа. Слава богу, он умер, жизнью не дорожа.

С той поры, как жена умерла, стал спаваться он так, как будто за него, ушелый, спешил водгон.

И собачка спешила на лапах кривых за ним, не успела, отстала, прибилась теперь к чужим.

В лифте как-то его мы спросили, как он живёт. Шмыгнул носом, заплакал, смутился, сказал: Ну вот...

Помтал головой. Настоящее горе слов не имеет. Недаром так стыдно своих стихов.

И прозвание поэта всегда было дико мне. И писал всего лучше я о тополях в окне.

Эту жизнь я смахнул бы, клянусь, со стола — рукой вместе с бронзовым Вахлом в енотке, — да нет другой!

Учинил бы скандал тем решительней, что не ждун от меня безответственных выходов и причуд.

Уж захлещ — и вдрву закипают опять в окне. Или он, запыхавшись, подходит сейчас к жене?

Ты мне ёлочку пышную хвалишь Мимодоход, почти как детей. Никогда на троне не оставишь Без внимания их тёмных затей: На ветру они машут ветвями И, зелёные, в платях до янт Выступают глумком перед нами, Как инфантилы Веласкеса — в ряд.

Полупрозрачность, полупрозрачность, Полудушность и взглядов косых Исполодья врождённая мрачность, Затаянные колкости их. Вот приглядит им брови и чёлки, Поведут безупречных на бал. Как тебе мои чинные ёлки? Хорошо я о них рассказзал?

Играли в карты на балконе За крутым столиком атрём. Как бы спасались от погоны: Сыграем кон — другой начём. Вишу морские мячальс кони, Пылая пеной и огнём.

Как всё себя вает бубновыи, Как из колоды он исчез И как потом в колоде новой В двух экземплярах он воскрес Краснокофтаный, златобровый, Как я страшусь таких чудес!

Как ничего не поймаю, Как упоительна змея,

Обмелели... Космический холод... А как же дети? А нежившие как? Он не знает, смыкает веки.

Я надеюсь, что это ошибка, самовнушение вековые корни. И когда я начну проповедовать разрушение, Катастрофу предсказывать мира, меня одёрни!

Я книгу отложил: конец её печалей, А я теперь люблю счастливые концы. Пусть выживет герой, умрёт товарищ Сталин, Пусть не переплывёт китайский вояжд — Янцзы.

Когда-то у меня на горе были силы, На смерть, что со страниц смотрела на меня: Базаровы — отец и мать — их у мошлы Топтаные... что жизнь? а жаль того воя!

Теперь моей душой другое движет чувство И, от входных дверей зажав ключи в горсти, Я, слабый человек, готов предать искусство, При всей любви к нему, чтоб только жизнь спасти.

Пусть гляцевый журнал — прости им этот глянец, Пусть жалкое кино, где тешатся и лгут... Понятен средний мне теперь американаец И почему цадиат беднягу Голливуд.

Кроссворд Кроссворд, как будто в нём паук Сидит, раскинул паутину. Я не запачкаю в нём рук, Я с ним газету отодвину.

Пушкой на отдыхе банкир, Пусть секретарша на работе Так обретают Божий мир В его славеюм развороте.

Они соскучились без слов. И анонимный комбинатор

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ ЯНВАРЯ

2 января — 85 лет со дня рождения Аизака Азимова (1920–1992). Родившийся в Белоруссии, в трёхлетнем возрасте ставший американцем, всему миру известен прежде всего как учёный и фантаст. Азимов создал такое количество книг, что издавали шутки: их выпуск катастроф привели к экологической катастрофе, потому что придётся вырубить тысячи гектаров леса. Романы о роботах и робототехнике, об освоении других планет, о том, к чему может привести фетишизация научных достижений («Сами боги»), и т.д., они теперь всемирно известны, удостоены престижных премий. Но есть ещё и «Краткая история биологии», и популяризаторские труды о химии, истории, зоологии и математике.

4 января — 220-летие со дня рождения Якова Гримма (1785–1867). О том, что братья Гриммы известны сказками, знает каждый: с детства по-

многие истории о короле Дроздобороде и о Бременских музыкантах. Но братья — прежде всего учёные, всемирно известные фольклористы, профессор Берлинского университета, основатели германистики, авторы «История немецкого языка», Якоб — и «Немецкой мифологии», других фундаментальных трудов. Но сказки... Что за чудо — эти сказки!

В этот же день 90 лет назад родился Вадим Сергеевич Шернер (1915–2002), известный прежде всего как поэт («Знаки Земли», «Своды», «Запас высоты»), но помнящийся и его прозаические книги — и «Сестра печали», и фантастика, и ироничные произведения.

29 января — 145 лет со дня рождения Антона Павловича Чехова (1860–1904). Руче приятно и привычно писать эту фамилию, неразрывно связанную с идущими на мировых сценах «Чайкой», «Вишневый садом», «Дядей Ваней», «Тремя сестрами»; с подлинночехским «Островом Сахалином»; с фельетонами, юморесками и рассказами, известными со школьной скамьи. И как забыть «Дуэль» и «Скучную историю», «Ионыча» и «Дом с мезонином»? И Чёрного монаха, и Даму с собачкой, и Ваньку Жукова, и Анну на шее? И — «Скверно вы живёте, господа!». Но читавше Чехова, заходяще в музей и скверности меньше становится. И вспоминается о том, что в человеке всё должно быть прекрасно.

Иван ПАНКЕЕВ

История учит тому, что она ничему не учит. Является ли это утверждение аксиомой?

Интересно, что на индивидуальном уровне люди всегда боятся потерять память. Пьют гомеопатическую «меморию», едят грецкие орехи, разучивают наизусть стихи. Потеря памяти — это потеря себя. Потеря памяти — это потеря себя. Потеря памяти — это потеря себя.

Россия дала миру много славных имен. Но есть люди, не так широко известные обществу, но составляющие несомненную славу и гордость нашей страны: Вяземские и Шаламовы, Суворины и Ровинские, Унгерны и Тютчевы и многие-многие другие.

УДАЧА

Не скрою, я садилась перед телевизором, чтобы посмотреть передачу «Суворины» из цикла, с опасением, что будет много пафоса и скуки. Потому что, когда мне начинают говорить о «пресмысленности поколений» и о «памяти с большой буквы», я вежливо начинаю зевать с закрытым ртом.

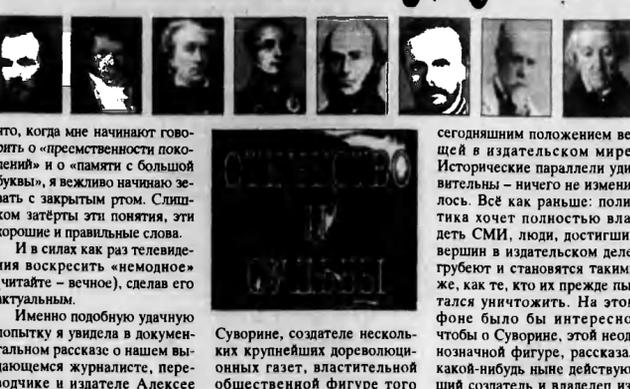
УДАЧА

Сегодняшним положением вещей в издательском мире. Исторические параллели удивительно — ничего не изменилось. Всё как раньше: политика хочет полностью владеть СМИ, люди, достигшие вершин в издательском деле, грубеют и становятся такими же, как те, кто их прежде пытался уничтожить.

УДАЧА

Думаю, пойдут творцы «Отечества и судьбы» на это, передача только бы выиграла. Продюсер студии ООО «Актуальный проект» Илья РАТУССКИЙ говорит: «Одна из цементующих идей программы — «Отечество и судьбы» заключалась в том, что мы пытались не выезжать за пределы Санкт-Петербурга.

Вспомнить будущее

Суворин, создатель нескольких крупнейших дореволюционных газет, властительной общественной фигуре того времени, основателе династии, которую раскидали события 1917 года.

УДАЧА

Думаю, пойдут творцы «Отечества и судьбы» на это, передача только бы выиграла. Продюсер студии ООО «Актуальный проект» Илья РАТУССКИЙ говорит: «Одна из цементующих идей программы — «Отечество и судьбы» заключалась в том, что мы пытались не выезжать за пределы Санкт-Петербурга.

УДАЧА

Думаю, пойдут творцы «Отечества и судьбы» на это, передача только бы выиграла. Продюсер студии ООО «Актуальный проект» Илья РАТУССКИЙ говорит: «Одна из цементующих идей программы — «Отечество и судьбы» заключалась в том, что мы пытались не выезжать за пределы Санкт-Петербурга.

А ВЫ СМОТРЕЛИ?

Содержание новой рубрики — впечатления телезрителя. Ими делится литгазетовцы и читатели. Всех желающих присоединить свой голос просим писать (объем до 0,5 страницы) на адрес «ТелевЕдение»: tv@lgz.ru

Исповедь генерала Рохлина

«А что воевали российские солдаты в Чечне?» — За интерес мафии, — ответил генерал Рохлин. Страшные откровения прозвучали из его уст: «Предательство армии было со всех сторон... Войну нельзя было начинать, но, начав, надо было действовать иначе».

Владимир ПОЛЯКОВ

Другая жизнь

В прошлой неделе на улице было непривычно тепло. На телеэкране же царил традиционный «духота». Замечательно, что можно было широко открыть «форточку» — такой для многих и очереда раз стал передачи канала «Культура», где, на мой взгляд, выделялась суббота музыкальная программа.

Валерий ВУРТ

Основатели «ЛГ» на «Культуре»

Давно мечтал посмотреть фильм «Линка», снятый в 47-м году Лео Арнштамом. И вот, наконец, канал «Культура» предоставил такую возможность (15 января, 10.40), приурочив показ к 100-летию со дня рождения режиссера.

Александр А. ВИСЛОВ

Сопреализм по-американски

История чернокожего парня, пробившегося через расовую неприязнь и прочие трудности к почетному положению лучшего военного вождюлаза Америки, показал вечером 16 января Первый канал.

Анна ЯКОВЛЕВА

БРИЗГА

Пошлость нон-стоп

В нынешнюю новогоднюю ночь и последующие за ней праздничные дни барометр скуки, непрофессиональности и неспристойности на всех, без исключения, телеканалах зашкалил на катастрофической отметке.

Савва ЯМЩИКОВ

Новогодняя тусовка

Неделью находился в шоке от новогодней передачи с участием ведущего Максима Галкина и Аллы Пугачевой. Это было поистине потрясающее зрелище, растраченное на целых три часа с гаком.

Иван МАШИН, г. Сочи

КРИТИКА

Кто тебе ближний?

Меры нет. Особенно если говорить о бесконечном «Кривом зеркале» и прочем юморе ниже пояса, постоянных неспристойности и просто нарушениях общественных приличий, продолжающихся публичных играх «Филиппа Великого» с образом «розовой кофточки» под аккомпанемент хамской песни «Я суперлулс.

Анна ЯКОВЛЕВА

Кто тебе ближний?

«Здесь чужих нет, здесь только свои!» Миллионы людей сегодня не слышат этого, потому что они, как писал мигрополит Антоний Сурожский, «в глазах, в сердцах других — чужие». Никто не хочет сказать: «Здесь чужих нет, здесь только свои!»

Анна ЯКОВЛЕВА

КРИТИКА

Кто тебе ближний?

Меры нет. Особенно если говорить о бесконечном «Кривом зеркале» и прочем юморе ниже пояса, постоянных неспристойности и просто нарушениях общественных приличий, продолжающихся публичных играх «Филиппа Великого» с образом «розовой кофточки» под аккомпанемент хамской песни «Я суперлулс.

Анна ЯКОВЛЕВА

Кто тебе ближний?

«Здесь чужих нет, здесь только свои!» Миллионы людей сегодня не слышат этого, потому что они, как писал мигрополит Антоний Сурожский, «в глазах, в сердцах других — чужие». Никто не хочет сказать: «Здесь чужих нет, здесь только свои!»

Анна ЯКОВЛЕВА

КРИТИКА

Кто тебе ближний?

Меры нет. Особенно если говорить о бесконечном «Кривом зеркале» и прочем юморе ниже пояса, постоянных неспристойности и просто нарушениях общественных приличий, продолжающихся публичных играх «Филиппа Великого» с образом «розовой кофточки» под аккомпанемент хамской песни «Я суперлулс.

Анна ЯКОВЛЕВА

Кто тебе ближний?

«Здесь чужих нет, здесь только свои!» Миллионы людей сегодня не слышат этого, потому что они, как писал мигрополит Антоний Сурожский, «в глазах, в сердцах других — чужие». Никто не хочет сказать: «Здесь чужих нет, здесь только свои!»

Анна ЯКОВЛЕВА

КРИТИКА

Кто тебе ближний?

Меры нет. Особенно если говорить о бесконечном «Кривом зеркале» и прочем юморе ниже пояса, постоянных неспристойности и просто нарушениях общественных приличий, продолжающихся публичных играх «Филиппа Великого» с образом «розовой кофточки» под аккомпанемент хамской песни «Я суперлулс.

Анна ЯКОВЛЕВА

Кто тебе ближний?

«Здесь чужих нет, здесь только свои!» Миллионы людей сегодня не слышат этого, потому что они, как писал мигрополит Антоний Сурожский, «в глазах, в сердцах других — чужие». Никто не хочет сказать: «Здесь чужих нет, здесь только свои!»

Анна ЯКОВЛЕВА

КРИТИКА

Кто тебе ближний?

Меры нет. Особенно если говорить о бесконечном «Кривом зеркале» и прочем юморе ниже пояса, постоянных неспристойности и просто нарушениях общественных приличий, продолжающихся публичных играх «Филиппа Великого» с образом «розовой кофточки» под аккомпанемент хамской песни «Я суперлулс.

Анна ЯКОВЛЕВА

Кто тебе ближний?

«Здесь чужих нет, здесь только свои!» Миллионы людей сегодня не слышат этого, потому что они, как писал мигрополит Антоний Сурожский, «в глазах, в сердцах других — чужие». Никто не хочет сказать: «Здесь чужих нет, здесь только свои!»

Анна ЯКОВЛЕВА

КРИТИКА

Кто тебе ближний?

Меры нет. Особенно если говорить о бесконечном «Кривом зеркале» и прочем юморе ниже пояса, постоянных неспристойности и просто нарушениях общественных приличий, продолжающихся публичных играх «Филиппа Великого» с образом «розовой кофточки» под аккомпанемент хамской песни «Я суперлулс.

Анна ЯКОВЛЕВА

Кто тебе ближний?

«Здесь чужих нет, здесь только свои!» Миллионы людей сегодня не слышат этого, потому что они, как писал мигрополит Антоний Сурожский, «в глазах, в сердцах других — чужие». Никто не хочет сказать: «Здесь чужих нет, здесь только свои!»

Анна ЯКОВЛЕВА

ФОРУМ

В дальних краях

Австралийская вещательная корпорация — Эй-би-си, влиятельная общественная радиотелевизионная организация континента. Изначально сеть существовала и развивалась за счет двух источников: коммерческих станций и населения.

Об опыте общественного телевидения в Австралии и Канаде

В Канаде есть и самостоятельные коммерческие станции, но у них нет привилегий, которые имеют станции, входящие в Си-би-си.

Об опыте общественного телевидения в Австралии и Канаде

В Канаде есть и самостоятельные коммерческие станции, но у них нет привилегий, которые имеют станции, входящие в Си-би-си.

Об опыте общественного телевидения в Австралии и Канаде

В Канаде есть и самостоятельные коммерческие станции, но у них нет привилегий, которые имеют станции, входящие в Си-би-си.

Об опыте общественного телевидения в Австралии и Канаде

В Канаде есть и самостоятельные коммерческие станции, но у них нет привилегий, которые имеют станции, входящие в Си-би-си.

Об опыте общественного телевидения в Австралии и Канаде

В Канаде есть и самостоятельные коммерческие станции, но у них нет привилегий, которые имеют станции, входящие в Си-би-си.

Об опыте общественного телевидения в Австралии и Канаде

В Канаде есть и самостоятельные коммерческие станции, но у них нет привилегий, которые имеют станции, входящие в Си-би-си.

Об опыте общественного телевидения в Австралии и Канаде

Канада, как и Австралия, прошла похожий путь развития общественного телевидения. Ей тоже надо было создавать собственную крепкую киноиндустрию, чтобы устоять и не потерять себя перед напором могучего южного соседа.

Об опыте общественного телевидения в Австралии и Канаде

Канада, как и Австралия, прошла похожий путь развития общественного телевидения. Ей тоже надо было создавать собственную крепкую киноиндустрию, чтобы устоять и не потерять себя перед напором могучего южного соседа.

Об опыте общественного телевидения в Австралии и Канаде

Канада, как и Австралия, прошла похожий путь развития общественного телевидения. Ей тоже надо было создавать собственную крепкую киноиндустрию, чтобы устоять и не потерять себя перед напором могучего южного соседа.

Об опыте общественного телевидения в Австралии и Канаде

Канада, как и Австралия, прошла похожий путь развития общественного телевидения. Ей тоже надо было создавать собственную крепкую киноиндустрию, чтобы устоять и не потерять себя перед напором могучего южного соседа.

Об опыте общественного телевидения в Австралии и Канаде

Канада, как и Австралия, прошла похожий путь развития общественного телевидения. Ей тоже надо было создавать собственную крепкую киноиндустрию, чтобы устоять и не потерять себя перед напором могучего южного соседа.

Об опыте общественного телевидения в Австралии и Канаде

Канада, как и Австралия, прошла похожий путь развития общественного телевидения. Ей тоже надо было создавать собственную крепкую киноиндустрию, чтобы устоять и не потерять себя перед напором могучего южного соседа.

Об опыте общественного телевидения в Австралии и Канаде

Канада, как и Австралия, прошла похожий путь развития общественного телевидения. Ей тоже надо было создавать собственную крепкую киноиндустрию, чтобы устоять и не потерять себя перед напором могучего южного соседа.

Поддерживая штаны

Поддерживая штаны, выбегает из дома к уборной старшина. Курсанты около туалета выгнувшись в поклобообразной стойке «мирно». Старшина, одной рукой поддерживая штаны, другой отплевывает их.

Злословия, право, не грешно...

Злословия — это очень большие «слухи». На одной из последних передач ведущие превозносили, кажется, самих себя. От перекартанных, почти судейских, зачастую провокационных вопросов, выбивающих собеседника из равновесия, в данном случае молодую женщину, пережившую уже достаточно по воле судьбы, — перекартанных и стойкий полемист.

Злословия, право, не грешно...

Злословия — это очень большие «слухи». На одной из последних передач ведущие превозносили, кажется, самих себя. От перекартанных, почти судейских, зачастую провокационных вопросов, выбивающих собеседника из равновесия, в данном случае молодую женщину, пережившую уже достаточно по воле судьбы, — перекартанных и стойкий полемист.

Записки А. ВАСИЛЬЕВ

ПРЕМЬЕРА

Стыдно ли желать успеха?
«Любовь глазами сыщика» Питера Шеффера
в Театре имени Вл. Маяковского

Вопрос этот отнюдь не праздный. Сергей Арцибашев относится к нему достаточно серьезно. И чтобы иметь возможность играть классику, то и дело обращается к так называемым массовым спектаклям. Беды в этом никакой нет, если в любом случае театру не изменяют вкус и чувство меры, ставят ли он «Братьев Карамазовых», «Женитьбу» или «Любовь глазами сыщика» — всё равно!

П. Шеффер и Л. Сиваковский в сцене из спектакля

Пьеса Питера Шеффера (перевод Ланы Форд) лишь на первый взгляд выглядит забавным пучком. Но если хорошенько вдуматься, то выяснится, что проблемы, которыми обеспокоены её герои, на самом деле достаточно серьезны. Претензии супругам безудержно имеют под собою определённую почву, которую они же сами и создают, и удобряют, не замечая, как постепенно, но верно отдаляются друг от друга. Да, они безусловно любят друг друга, но этого оказывается вовсе недостаточно для полного счастья, для подлинной гармонии. (Нет, не случайно режиссёр С. Арцибашев ввёл профессиональную балетную пару — солистов Большого театра Анну Антоничеву и Дмитрия Белоголовца, которые в самые патетические моменты исполняют знаменитые па-де-де из балетов Сергея Прокофьева, Адама Чайковского, полные любви и нежности.)

Сюжет комедии непредсказуем, и в этом одно из её достоинств. Впрочем, это можно сказать о любой другой пьесе Питера Шеффера. Актеры так и играют, будто им тоже неизвестно, чем кончится вся эта запутанная история. Виктор Запорожский, на мой взгляд, даже чуть-чуть утяжеляет ситуацию, забывая о том, что всё-таки играет комедия. Дарья Повереннова пока не почувствовала, чем первая половина её роли отличается от второй. Зато Даниил Сливяковский — он и играет Сыщика — иногда злоупотребляет любовью зрителей, которые встречают его появление и продолжают почти каждый уход совсем как в опере. Актер он, безусловно, талантливый и обязательный, но, как бы это сказать поточнее, безразмерный, т.е. его надо всё время складывать или делить — это уж как найдёт нужным режиссёр!

Правда, Серафима Гарманова Бирман говорила, что она предпочитает «перелетать» «недолетам», а мне так кажется, что лучше всего всё-таки определённая умеренность.

Говорю об этом потому что откровенно-придирчив, что спектакль мне понравился, но только начинаю свою жизнь, и может быть, мои соображения кому-нибудь из его участников пригодятся в будущем. Во всяком случае, я на это надеюсь!

Борис ПОЮРОВСКИЙ

ПИСЬМА ИЗ РУССКОГО МУЗЕЯ

Новые маршруты «Бурлаков»

Известна нелюбовь директора Государственного Русского музея Владимира Гусева к галлесткам. Но для традиционной встречи с журналистами на рубеже очередного музейного года он делает исключение: надевает широкий, с приколотыми записками галстук и на самые каверзные вопросы отвечает подробно и честно. Так было и на проводях 2004-го.

Год, по словам Гусева, получился не какой-то особый, судябонный, а будничной, рабочей. 58 только организационных музеев выставок (ещё в 35 он принимал участие), 28 новых изданий — альбомов, каталогов, монографий, стэнды ГРМ на международных ярмарках... Десять открыток по стране в рамках федеральной программы «Россия» виртуальных фильмов, каждый из которых — образовательный центр для региона. В минувшем году возможности этой культурной сети расширились благодаря Интернет-местам с музеем, позволяющим «ходить» в его залы во время открытия выставок. Саратов, Самара, Мурманск, Петрозаводск, Калининград принимали шедевры из собрания Русского музея.

Эффект приобщения россиян к лучшим образцам национального искусства, помощи провинциальным музеям трудно переоценить, а подчас и предсказать. Так, благодаря сборам от выставки в Самаре местному музею удалось выкупить дом, в котором Репин создавал знаменитых «Бурлаков на Волге». Предстоящей весной ГРМ символично возвращается в Пермь, куда музей был эвакуирован в начале Великой Отечественной, его виртуальный дублёр появится в Екатеринбурге...

Год запомнится первой в России выставкой легендарного испанца Хуана Миро («ЛГ» рассказывала о ней), выставками художников «Бубонного вала», Симону, Загребова, Мавриной. Умение Гусева и его коллег придумывать темы и сюжеты выставок заслуживает отдельного разговора. Творческая изобретательность позволяет им показывать зрителю интереснейшие полотна, которым (с учётом богатства музейного собрания), казалось, суждено было оставаться в фондах. Это и «Большая картина», и «Дорога». В нынешнем году зритель будет продолжен выставками «Коллаж в России», «Картина и мода», совместной с Третьяковкой экспозицией «Шага»...

Все уже привыкли к тому, что при директоре Гусеве ГРМ привлекали и строит. Не успев музей «прирости» уникальным памятником ландшафтного зодчества — Летним садом, как уже подготовлен проект комплексной его реставрации. Даже сознавая её необходимость, специалисты не решились подступиться к ней на протяжении всего XX века. Начиная и прекращая внутренние дворы Михайловского дворца — это позволит увеличить выставочные площади. Состоится презентация фонда открытого хранения скульптур...

Разумеется, на все эти проекты нужны деньги, которых у государства для музея нет. В связи с чем директор отметил возросшую роль потенциального совета, возглавляемого председателем совета директоров АФК «Система» Владимиром Евтушенковым. Ему удалось привлечь к поддержке музея не только входящие в корпорацию компании (скажем, МТС — генеральный спонсор создания виртуальных филиалов, а ОАО «Система Масс-Медиа» займётся оснащением кордагартов), но и другие крупные бизнес-структуры — Вншторгбанк, Сбербанк России... На встрече в директорском кабинете был представлен новый спонсор — группа компаний «Детский мир», основным акционером которой также является АФК «Система». Уже сегодня спонсорская поддержка начинает приближаться к обозначенной советом планке — 1 млн. долларов в год.

Аркадий СОСНОВ

IN EXTENSIO

В период, предшествовавший и последовавший за изрядно затянувшимися зимними праздниками, наше театральное сообщество смотрит в будущее с надеждой, причём надеждой не чуждой, и с не меньшей пессимистичной тревогой. Ноябрь и декабрь уходящего года прошли под знаком слабости, но консолидации сил. Вспокоились поздно, но, как говорится, лучше поздно, чем никогда.

Зима тревоги
Реформа приостановлена, но не отменена

Только после этого можно браться за социальную сферу и наводить порядок. Здесь можно было бы добавить мысль о необходимости правовой защиты рабочих людей. Во всём мире эту силу называют профсоюзом, которые у нас тишайшая в дни, когда рушится система народного образования, здравоохранения, падают институты культуры.

Первыми, кто сдал профессиональные интересы, стали чиновники, сами министерства — образования, культуры, здравоохранения. Вот бы профсоюзам-то и потребовалось ответить от тех, кто безответственно — кто ради карьеры, то из желания угодить — предал свои отрасли. Этих чиновников общество должно знать поимённо. И за день в день предавать их имена позору, чтобы неповадно было. Объявить бы акцию неповиновения и заставить уйти в отставку некомпетентных господ Грефа и Куркина.

Мэр искренне признался, что за защитит — то нас он готов, однако г-н Греф уже не раз грозил г-ну Лужкову

На встрече в СГД социолог и экономист Елена Левшина подробно растолковывала со-

Повседневная жизнь искусства состоит из громадного множества явлений и событий, обаяние, которые, конечно же, хочется в максимум возможном объёме (что в рамках еженедельного издания сделать практически нереально). Но порой даже в ущерб информативности нужно — и важно — слегка отстраниваться от

Современное положение дел в российском искусстве и шире — общая культурная ситуация — воистину загадочны, трудноуловимы и ещё с большим трудом укладываются в какие бы то ни было прокрустовы теоретические рамки. Как охарактеризовать то, что творится сегодня на нашем культурном фронте и при этом не выглядеть ни примитивно смешным, ни пугающе заумным, не впасть ни в грех ретроградства, ни в грех юношеского максимализма?

Вот в прежние века всё было куда как проще (по крайней мере, как оно нам сегодня видится из нашего посткоммунистического далёка). Одна корневая эстетическая система с неизменной регулярностью сменяла другую, следом за классицизмом шёл романтизм, а там и рождающийся реализм маячил где-то на горизонте. Новаторы — хоть и не сразу и не без известного труда одерживали-таки верх над архаистами, прогрессивные тенденции в сфере изящного ширялись и крепились, утверждались, наконец, главствовали, чтобы затем, несколько со временем одряхлев, уступить место всяким ещё более прогрессивным.

Так, уже на нашей памяти было совершенно торжественное и радостное аутодафе изжившего себя социалистического реализма, следом за которым воцарилась гомоклассицизм, но недолговечная эпоха постмодернизма (она у нас всё-таки была, кто бы сомневался, и мы её, похоже, пережили). А что теперь? Если без гнева и пристрастия, без ругани, которая повсеместно так и просится на язык, но и без ритуальных заклинаний о том, что все жанры хороши, кроме скучного. Если пойти к делу, вооружившись сурбо искусствоведческим аппаратом. Как следует именовать нынешнее культурное состояние? Кто у нас сегодня архаисты? И кто новаторы (уж по крайней мере, на вершине, не те, кто с завидным упорством продолжают свои детские игры по эпатированию буржуа, коих давно уже в принципе невозможно ничем запугивать)? Вопросы не из простых. Что называется, надо долго думать.

Помощь, как это часто бывало, пришла из-за океана. Этаким теоретическим лэнд-ли, подопёкшим аккурат к Новому году. На состоявшейся в минувшем декабре 6-й ярмарке интеллектуальной литературы Non/Fiction продвинутое издательство «Ад Маргинем» презентовало в числе всего прочего переведённую на русский язык американского журналиста Джона Сибрука под названием «Nobrow» и с подзаголовком «Культура маркетинга. Маркетинг культуры». Книжка, наверное, всё же не из тех, что способны перевернуть мир, но в любом случае очень нужная и своевременная. Притом что автор её, как следует из помещённой на четвёртой странице обложки издательской аннотации, «колуменит журнала New Yorker, постоянный автор Harper's Bazaar, GQ, Vanity Fair, Vogue, Village Voice», кажется, особо не напрягаясь, с комфортом следует в рус-

любли, в том числе и театральной сферы. Удалось приостановить проект закона. Однако почему-то не покидает пессимистичная тревога. Отменены денежные компенсации для ветеранов труда и труженников тыла.

Она четверть часть льгот осталась от прежних для ветеранов войны и инвалидов.

Сняты обязательства правительства по детским пособиям. Из нового закона об образовании исключена статья, регламентирующая обучение больных детей на дому.

Нетрудно заметить, что правительство сбрасывает с себя заботу об образовании, здравоохранении и культуре. Есть последовательность действий, говорящая о том, что хоть Греф и успокоил наших лидеров на обеде, но экономить будут не на обедах, а на учителях, врачах и артистах.

Один хорошо известный директор театра в России, который провёл не один фестиваль, в дружеской беседе на мой вопрос, выиграл ли СГД битву, сказал: «Читайте документы Грефа. Я их изучил. Государство сбрасывает с себя заботу о нас. Это — вектор политики. Сначала нас вынуждают уйти из под опеки государства. Сейчас я прихожу к мэру от имени областного театра. А потом, как только перестану быть государственным, меня в любой момент могут бросить на произвол судьбы, и я уверен: бросят. Сегодня нет человека в стране, который бы споконья относился к итогам приватизации. Однако Чубайс сделал своё дело. Это уже не повернуть. Уверен, Греф сделает своё».

Другой известный худрук московского театра оценивает ситуацию с реформой в социальной сфере значительно иначе: «Понадобились знания. Надо доводить».

Кстати, нет единства и в рядах театральных деятелей, среди которых есть и те, кто хотел бы приватизировать театры, или возлагаемые. Как только это произойдёт, будет создан прецедент, и в большинстве случаев театры отойдут казино, игорным домам, ресторанам и саунам.

Будут прощасовать, а только разворачивать.

Ольга ГАЛАХОВА

шили начать разговор сразу по двум актуальнейшим направлениям — наделавшем столько шума на исходе года предыдущего проекте театральной реформы и в современном отечественном культурном ландшафте в целом. Надеемся, что к обсуждению этому присоединятся как специалисты, так и наши читатели

В Соединённых Штатах издавна существовали чётко разграничивающие культуру в целом и любой частности понятия *highbrow* и *lowbrow*, то есть дословно «высокобровый» и «низкобровый» — незыблемые, казались бы, межвековые столбы, жирный пунктир, наравленный «на чисто американскую класску»: трансформировать культуру в цель», как поясняет Дж. Сибрук.

В нашем прежнем бесклассовом обществе подобные линии также были весьма заметны. Возьмём, к примеру,

стено пришло рынок (данная субстанция слишком велика и многообразна и позволяет всякому приспособиться, найти себе отдельную деликату), а в том, что современные российские художники, ослеплённые софитами «моды», некоторым образом потеряли ориентацию в пространстве и беспорядочной толпой двинулись на чужие — прежде запретные — земли. Производители массовой культуры решили, что они всё же таки некоторым образом элитарны, а бывшие «высокобровые» чем хуже? Они тоже хотят быть поняты и признаны своей страной, а не только лишь узкой прослойкой граждан, они так же могут бороться за рейтинг.

Быстро и натиск, пилар и шум (такое последнее — также одно из основных положений труда Сибрука). Художник должен быть не просто сытым, но богатым, хорошо одетым, модно пахнущим, а лицо его должно не сходить со страниц телевизора и экранов телеэкранов.

И что такое в наши дни изрядно поднадоевшее за новогодние праздники левое лингвиста-пародиста-шоумена-вадушного, или МХТ Олега Табакова, тяжело нагруженного шоумена чашку, кажется, всеми возможными явлениями мировой драматургии и всеми мало-мальски узнаваемыми лицами, или страшнейшая сказка о московских вурдалаках, опередившая — ура! ура! ура! — в нашем прокате и третьем «Властелина колец» — что это всё, как не самое натуральное «безбровье».

(Мы сейчас не сравниваем и не говорим об уровне художественности того или иного предмета, тот же Художественный театр им. Чехова — явление, безусловно, прелюбопытное, нуждающееся в серьёзном разговоре и осмыслении, но общая тенденция, заключающаяся в том, что главной задачей искусства стало на современном этапе настойчивое стремление «найти своё место в Шуме», кажется, налицо.)

И всё так искрит и пенится, всё так увлекательно и занимательно! Ноубрау — и нету его конца, ноубрау без берегов!

Но порой всё же посещает предательская мысль: а существует ли в принципе некий духовный Real Trap Hair, где могла бы быстро и безболезненно совершить пересадку волосного покрова на надбровные дуги?

Александр А. ВИСЛОВ

Не в бровь...
Взгляд на отечественную культуру
сквозь американскую оптику

де так называемой «импрессионистской», то есть особо не в чём глобально не объясняющей, журналистики и её отца-основателя, широко известного в узких кругах Хантера С. Томпсона. Как бы резвее и играя, колумнист создаёт трёхсторонний полумоуар, полусесс, либо перескакивающий с темы на тему, от одной реальной истории (встречи, беседы, репортажского задания, либо даже простой зарисовки в традициях отечественной «натуральной школы») к другой. Повестует ли он о своих переменах в вагонах нью-йоркской подземки — «в дороге чёрных научных CD-плеера» — поверяет нелюбимой кепки тюремного стиля — или дошито описывает громадный шкаф с «огромной коллекцией костюмов» в отделе домашнего, вспоминает ли о своей встрече с таинственным Джорджем Лужасом, либо о перипетиях небольшого «скандала в благородном семействе», что случился на дискуссии на тему «Книгоиздание: смерть или жизнь?», — читать обо всём этом на первый взгляд сколь занимательно, столь же и неубавительно. Но только на первый. Дело в том, что Джона Сибрука — о чём не знаю в результате чего, автор — своих экспериментов с подозрением от опытных — вослед Томпсону говорит довольно откровенно, — порой снисходливо удивительные открытия, кои он также не замедлил перенести на бумагу. И самое главное из них, собственно, и породило загадочный термин, давший название всей книге.

Персона

Николай Лутанский:
«Прибыль
в вопросах музыки —
дело десятое»

Одним из наиболее интригующих концертов завершившегося в Москве и, как обычно, впечатляющего грандиозностью имён и названий классического марафона «Декабрьские вечера» стало совместное выступление «Солистов Москвы», певцов «Глинок-Оперы» и замечательного, всемирно известного, несмотря на его относительную молодость, пианиста Николая Лутанского.

Вечер был посвящён образу Аполлона в музыке, и прозвучали Моцарта, Бриттена и Стравинского, прозвучавшие под сводами Музея имени Пушкина, обрели в руках талантливого интерпретатора максимально возможное приближение к главной теме нынешнего фестиваля — «Отражения и метаморфозы».

«Чья оценка вашего выступления для вас важнее — педагогов, коллег или близких?»

«Все мнения важны, но своя оценка важнее всего, и это довольно большой вопрос. Внутри меня звучит музыка, которую я играю. Но полностью воплотить её на сцене нельзя: та музыка, которую носил в себе, кажется гораздо более прекрасной по сравнению с тем, что получилось. И мои концерты в Москве обычно наиболее далеки от моего представления о музыке, которую я играю, по сравнению с выступлениями где бы то ни было ещё».

«Большой зал консерватории — самая тяжёлая сцена. Я играю по 80-90 концертов в год, порой 6-7 концертов в неделю, но Большой зал не сравнить ни с чем. Давид Ойстрах говорил, что те, кто слышал его выступления в консерватории, не имеют представления о том, как он играет на скрипке».

«Я регулярно играю во всех странах, известных своими традициями восприятия классической музыки, — в венском Музикферайн, Концертгебау в Амстердаме, лондонском Фестиваль-холле, в Париже, Нью-Йорке и Токио — и заметил, что русская публика — самая интровертная. В южных странах любая эмоциональная реакция находит немедленный выход, а публика средне-европейская, северная или японская отличается невероятным уважением к артисту, труд которого не сравним с профессией клерка или бухгалтера. Этот гостеприимство, конечно, зачастую отсутствует в России».

«Вы тоже любите Бразилию, как и весь класс великого учителя Сергея Доренского, которого так признали чуть ли не национальным достоянием?»

«Потрясающая страна. Не устаю изумляться, когда политологи и экономисты пророчат России будущие опасности, в том случае если она, дескать, станет похожа не на цивилизованное государство, а на страны третьего мира типа Бразилии. Вот было бы здорово, если бы наша страна была больше похожа на Бразилию, чем на США. Но это абсолютно невозможно: я убеждён, что климат определяет национальный менталитет, а большую противоположность, нежели климат России и Бразилии, представить трудно. Такого физического чувства жизни, её аромата, умения наслаждаться каждым её моментом нет больше нигде».

«Так вы, возможно, и босанову исполняете?»

«Слушается. Обожаю её слушать, но исполнять на концертах не буду — для этого надо обладать иным психологическим складом. Священник не может возмозить себя богом, пианист не может посчитать себя конгенитальным Моцартом или Шопеном. А музыкант, играющий босанову и импровизирующий, и есть тот самый творец-исполнитель. Даже его движения за роялем имеют гораздо больше значения, чем движения классического пианиста, играющего Моцарта. Это живая музыка. Накануне празднования 70-летия Доренского в Рио-де-Жанейро я прилетел в Сан-Паулу и вечером еле-еле нашёл клуб, в котором звучал не рэп или хард-рок, а босанова».

«Значит, вы ещё успеете ходить куда-то при вашем напряжённом графике гастролей?»

«Хотелось бы сказать, что ничего больше не успеваю, но всё же скажу правду. Периоды жизни складываются по-разному. В ситуации особенно напряжённых турне трудно успеть ещё куда-то, кроме собственных выступлений, а жаль. Мы ведь часто воспринимаем мир через экран телевизора или сквозь призму какой-то одной культуры. Наши взгляды, в сущности, схематичны и поверхностны. А ведь

в мире столько всего разного и несвернутого. На фестивалах мне удаётся увидеть больше. Например, на фестивале в Рок-д'Антероне, организованном Рене Мартемом, инициатором многих событий культурной жизни Франции, я слышал и Раду Лупу, и Марту Аргерих с Нельсоном Фрейри. Меня потрясает музыкальная жизнь во Франции. Мартен устраивает в Нанте фестиваль, где в одном здании за три дня проходит 250 концертов и посещаемость близка к 100%. Это возможно благодаря экономической стабильности, многолетнему воспитанию публики, а также личности организаторов, которые меньше всего заботятся о прибыльности концертов. Ничего близкого устроить в Москве невозможно — здесь один из самых глубоких противоречий между прибылью и воспитанием слушателя приобрело угрожающие масштабы. Никто не работает о будущих поколениях, зато притуд в консерваторию через десятилетия. Если увеличат цены на концерт четверть, придёт влос меньше зрителей, а прибыль всё равно увеличится».

«Но ведь принято считать, что известный музыкант и деньги — две вещи неразделимые?»

«Для меня прибыль в вопросах музыки — дело десятое. Мне кажется, желание обогатиться ложной ценой — болезнь, от которой надо лечиться терапевтически или хирургически. То, что это означает такое место в жизни и мыслях наших соотечественников, — подростковая болезнь, длящаяся уже двадцать лет. В Европе не говорят и не думают о деньгах так напряжённо».

«Вы можете отказаться играть музыку, вам не близко, и пожертвовать престижной сценой и хорошим гонораром?»

«Сольный вечер неизбежно выстраивается в некую законченную программу, в выборе которой пианист свободен. Мне просто: в сольных концертах я играю только то, что очень люблю. А такой музыки безумно много. В концертах с оркестром бывает чуть больше свободы. Пару раз я отказывался играть с хорошими оркестрами музыку, которую не очень люблю. Но если Лондонский оркестр или симфонический оркестр Берлина предложат сыграть Брамса, Шопена или Рахманинова, не вижу повода отказываться. Начинаю подумывать, что играть 15-16 разных концертов с оркестром в сезон, как это происходит у меня сейчас, многовато. Многие суперзвёзды готовят одну сольную программу в год и два концерта с оркестром. Но так тоже не интересно».

«Чем для вас отличаются великие музыканты от мастеров?»

«Нет такой линейки, по которой это можно было бы измерить. Слыша игру великого артиста, я забываю обо всём и ищу только в этом, создаваемом им мире. Они творят ту реальность, которая в этот момент становится неизмеримо важнее и выше той реальной жизни, в которой мы живём. Таким был Рахманинов-пианист».

«Когда мы оцениваем мастера артиста, мы не задумываемся, что слушатели классического концерта порой играют невероятную роль. На рок-концерте не важен уровень интеллекта или настроения публики, — она будет восторгаться тем, как задунами организаторы. С классической музыкой иначе: в зале на полторы тысячи человек одновременно происходит полторы тысячи концертов. И, слушая запись великих музыкантов, я чувствую себя сотворцом».

Беседа вел
Наталья КОЛЕСОВА

Николай Лутанский

Объём и политическая нагрузка работы, выполняемой партийными фондами ФРГ внутри страны и за рубежом, несоизмеримы с деятельностью иных неправительственных организаций (НПО) политической направленности. Похожее строение есть и в других странах, но ни по масштабам деятельности, ни по гибкости правового статуса, ни по эффективности политической работы они с партийными фондами ФРГ сравниться не могут.

мокротенным — и подавался работать в нинформу или уезжал обратно. Времени крайностей и непримиримости уходит. Ему на смену идёт политический прагматизм, неотъемлемое условие реалистической внешней и внутренней политики. Ведущие российские политики всё больше интересуются опытом работы «тихих институтов». Отнюдь не потому, что, согласно действующим в ФРГ правилам, фонды не имеют права оказывать прямую поддержку политическим партиям за рубежом, а могут сотрудничать лишь с общественно-политическими организациями (так что партиями, жаждущими поддержки немцами единомышленников, прихот-

Своеобразие правового статуса открывает фондам возможности, недоступные как для обычных НПО, так и для государственных структур. С одной стороны, за бывшими партийными институтами решением Конституционного суда в 1986 году закреплён статус НПО. Превратившись из партийных в «близкостоящие» партиями неправительственные организации, фонды легализовали возможность финансирования работы из федеральной казны независимо от «своих» партий.

С другой стороны, термин «близкостоящие» не мешает фондам обес печивать «свои» партии научной информацией, публиковать исследования, в которых те или иные проблемы системы ФРГ, начиная с базиса и кончая политической верхушкой.

Потому как инструментом фонды не только дополняют внешнюю политику ФРГ, но иной раз и «делают» её там, где государственная дипломатия не имеет ни малейших шансов, или, если речь идёт о западных странах, где существует необходимость «разгрузить» государственную внешнюю политику, облегчить неформальное сотрудничество политических элит. Однако свояерасие фондов проявляется и здесь. Они — не просто инструменты внешней политики, они — одновременно и её субъекты. Зарубежная деятельность фондов может иметь определя-

вмешательство, если оно кажется ему необходимым. «Мы и в будущем будем неудобны, мы будем вмешиваться везде, где этого требуют права человека», — заявил как-то сотрудник фонда Наумана. «Вмешательство» — единственная возможность остаться реальным, — цитирует Генриха Белля руководитель представительства одноимённого фонда в Москве.

Существует ряд негласных правил, которых должны придерживаться фонды за рубежом. Им не следует конкурировать друг с другом, от них ожидается сотрудничество с посольством и взаимная добровольная координация своей работы.

его соответственно, скорее, внешнеполитические, нежели развлекательно-демократизирующие. В конце 90-х для работы в России созрел «нетрадиционный» политический фонд Генриха Белля — фонд некогда скандально «антипартийной», а ныне правящей партии Союза 90/Зелёных. И, наконец, в 2003 г. произошло «воссоединение Германии» — в Москву пришёл получивший наконец-то признание (и деньги) фонд Розы Люксембург. Так восторжествовал политический плюрализм. Фонды смогли охватить весь политический спектр России, за исключением маловлиятельных правых и леворадикальных сил.

МИР И МЫ Ахилл и Одиссей

В Западной Европе всегда считали, что Американская империя заместит империю Британскую довольно грубо — очевидно грубым образом Вашингтон сокрушил испанское влияние в Латинской Америке. Исторически Соединённые Штаты западно-европейскими странами.

И подвём Америки произошёл во многом потому, что Атлантический океан оберегал молодую американскую республику от ссорящихся между собой европейских держав. А затем США непосредственно напали на двух мировых воймах в Европе. Поэтому ухудшение отношений не является неким «отходом от столбовой дороги». Как только СССР перестал быть общим противником, противоречия обнажились, отношения стали «нормально» взаимно подозрительными. Эти противоречия были выражены в линии, характерной для американско-западно-европейских отношений со времён достижения североамериканцами независимости, со времён Версальского мира 1783 года.

Новый элемент в геостратегическом уравнении XXI века — Западная Европа объединилась. Средней величины страны, объединившись, всё больше видятся протосупердержавой. Стоит только напомнить о диалоге ЕС—Латинская Америка, ЕС—Азия. Достаточно у США сил, чтобы доминировать на пространстве Европейского союза? Большой вопрос. Чтобы решить его, Вашингтон в открытую стремится разбить союз 25 стран.

Суть проблемы лучше всего выразил, пожалуй, американский аналитик неконсервативного направления, столь влиятельного при президенте Дж. Буше-мл., — Роберт Каплан. Америка — это бог войны Марс, она всегда выбирает действие, она воинственна, она отказывается идти на компромиссы с противником; мужество — её главное достоинство. Выявить противника и нанести удар — вот девиз американского Марса. Европа же — это ищущая компромисса и примирения Венера, убежденная в том, что гармония достижима, а против миром лодку. Умиротворить потенциального противника, протянуть ему оливковую ветвь — вот главный порыв европейской Венеры.

Европейцам откровенно не нравится эта аллегория. Некоторые из них, обращаясь к Гомеру, предпочитают видеть в Америке героев «Илиады» и «Одиссеи». Гнев, насилие, предпочтение военного решения вопроса разве не делают Соединённые Штаты неукротимым Ахиллом, в то время как сдержанность, тонкость в суждениях делает Европу похожей на хитрого Одиссея?

Материальные обстоятельства, возможности США огромны, военная мощь очевидна, технология безудержно развивается — этот гигант может действовать самостоятельно, повораиваясь спиной к международным обязательствам и организациям, выдвигая свои интересы как превосходящие по значимости все прочие, презирая юридические сдерживающие механизмы. Зарез безусловное национальное единство, политическое «единоначалие», эйфория патриотизма, которые порождают волю к доминированию.

А Европа обращена к практике многосторонности, делает акцент на международных организациях, пытается «понять» других, выше всего ставит уважение к юридическим нормам. Прошедшая сквозь войны Европа невольно культивирует расслабленность, лгуемость, опору на национальную идентичность, предотвращающие космополитическое всевластие.

Ещё одна популярная аллегория — Рим и Афины. Не являясь ничьим данником, Рим всевластен в своей универсальной империи на протяжении ряда веков. И Вашингтон, кажется, перенимает этот факел. Рождающая раздвоенная Греция так и не смогла преодолеть внутренней разобщённости, выражающейся в бесконечных войнах за континентальное преобладание. Так и в Европе, имеет место гордыня за интеллектуальные достижения; её наука и культура получили мировое признание, но внутренний раскол подорвал внутреннюю силу и стремление к доминированию, доводя до состояния американского протектората.

Но всё это *литература*. В реальности, триумфально осваивая технологию, Соединённые Штаты прилипло к риску политическим образом в регресс. Хороша демократическая система, которая делит население на две почти равные части, не умея избрать общепопулярного президента, где информация контролируется несколькими корпорациями, непопулярные «неоконсерваторы» приобрели несоизмеримое влияние, а даже элементарные юридические принципы подвергаются сомнению! Гнев Ахилла, а не разум сената правит всемогущей страной. Это ни говори, а Америка Буша повторяет ошибки Европы периода между Наполеоном и Вильгельмом Вторым.

Европа отстаёт технологически, но она сделала вывод из своих политических несчасть, обрела уроки истории. Политически зрелым видится объединение региона, итог долгой и планомерной работы. Возникает колоссальная агломерация. Пока успешно идёт преодоление противоречий национального и интернационального. Пройдя долгий путь, Одиссей строит медленно, но верно. Да, пока мощь Европы может показаться *неудивимой*, во у неё уже нет комплекса неполноценности в отношении США.

Ахилл и Одиссей пока не противники. Более того, они в *одном лагере*. Их стратегия часто направлены на общие цели — но это в том случае, если она *захотит* действовать совместно. Но пока США, действуя односторонне, навязывает в мире «американскую правду», а Одиссей пытается предотвратить ненужные конфликты, призывая к многосторонности. Невозможно то, что Америка увидит пределы своего «всеобщества» — мир велик и склонен отвергать указ извне. Европе предстоит поверить в свои силы. Нужно ли напоминать, что Ахилл погуб в бою, а Одиссей, пройдя сквозь всё, возвратился в свою тавану?

Марк АЛМОНД
(«The Guardian»,
Великобритания)

Анатолий УТКИН

Тихие институты

Эти фонды с правовой и политической точки зрения уникальны. Но слава «тихих институтов» (как их называли в годы противостояния Восток — Запад) вовсе не такая громкая, как следовало бы ожидать по их делам. И если на родине фонды, пережив в начале 80-х годов пару журналистских остракизов, несколько юридических нападков и незаслуженных политических обид, давно уже «сокровища, которыми все мы можем гордиться», (сказал Гельмут Коль, будучи федеральным канцлером), то за рубежом они по-прежнему «тихие институты».

Не потому, что что-то о себе умышленно скрывают. Просто скромные, предпочитают не разговоры, а дела. Если их спросят, они, конечно, и себя похвалят. Однако спрашивали их как-то не очень, больше интересовались деньгами. Случаю название — «фонды». Значит, должны быть деньги. То, что «фонды» эти — вовсе не фонды, а зарегистрированные объединения, и деньги для зарубежной работы получают от германского правительства, мало кого интересовало — по крайней мере в начале 90-х годов, когда фонды развернули в России первые «демократизаторские» проекты. Амплитуда мнений о присутствии фондов в России была широка.

«Слава богу, что у нас в стране действуют немецкие политические фонды, — демонстративно восклицал, заламывая руки, демократический политолог середины 90-х годов на одной из научных конференций, посвящённых российско-германским отношениям. — Ведь мы ни-че-го не знаем ни о демократии, ни о федерализме, ни о правовом государстве! Но — слава богу! — у нас есть немецкие политические фонды, которые могут нас все-му э-то-му на-учить!» Восторг учёного был понятен — в тяжкие для российской науки времена становления дикого капитализма его институт начал плодотворное сотрудничество с одним из фондов. Стремление российских демо-неофитов доказать благостную бескорыщность западных деньгодателей граничило с абсурдом.

Первая в России научная публикация о фондах вместо названия «Зарубежная деятельность германских политических фондов» приобрела по выходе в свет неожиданный заголовок «Деятельность немецких благотворительных фондов», что вызвало шок у автора, ибо непосредственно в первом абзаце статьи стояло: «Политические фонды не занимаются благотворительностью: они хотят изменить структуры».

«Политические» редакция заменила на «благотворительные» в добрых целях: журнал сотрудничал с одним из фондов и хотел подчеркнуть его безбидный характер, ибо страдал от нападков и упреков со стороны оппонентов.

А оппоненты эти были точно так же непримиримы, как и ненавидимые ими «демократы»-идеалисты. На противоположном конце политического спектра в те годы лихорадочно искали «агентов влияния».

Главные взоры обращались, разумеется, в первую очередь на бесцеремонную в пропаганде своих ценностей Америку; ставилось, впрочем, и остальным. Российский студент-гуманитарий, получивший для учёбы в ФРГ стипендию политического фонда, возвращаясь в родину науку, нередко подвергался остракизму политически «неподкупных» старших коллег, считался омененным, оде-

дится создавать «при себе» небольшие институты или фонды, на которые и изливаются германская идеальная и материальная благодать.

Просто по мере консолидации прочных политических структур в России возникает, по-видимому, реалистический, но обусловленный политическим эгоизмом и идеологическими крайностями интерес к этим уникальным институтам, заслуженно считающимся в ФРГ не просто «сокровищами», но и «действительными, провереннейшими инструментами» германской внешней политики да к тому же ещё и её «системами раннего оповещения».

Деятельность политических фондов, созданных в странах — лидерах мировой политики и работающих по всей планете, до сих пор для очень многих остаётся загадкой. Между тем влияние фондов на внутриполитическую жизнь большинства государств и на взаимоотношения между странами весьма серьезно.

Опыт фондов заслуживает практического изучения. Политический реалист может многому у них научиться — не столько тому, чему они учат (образовательные-демократические проекты постепенно уходят в прошлое), а скорее, тому, как одаренно они это делают.

Прежде всего, Россия вовсе не единственное поле их деятельности — немецкие политические фонды работают глобально, приоритеты зарубежной деятельности определяются меняющимися интересами германской внешней политики и — иной раз — особыми «партийными» интересами фондов. Суммы, предоставляемые фондам для внутриполитической работы («глобальные субсидии»), превышают средства, выделяемые под их зарубежные проекты.

Ибо на плечах фондов лежит «политико-образовательная» работа с населением ФРГ. Федеральным центром по политическому образованию, подчинённым МВД, не в состоянии ответить за всё. Значительная часть работ взяли на себя фонды. Семинары, коллоквиумы, симпозиумы ведутся в духе «близких» фондам партий — будь то тематика, взгляд на проблему или просто подбор докладчиков.

Случается, хоть и нечасто, что фонды реализуют за рубежом проекты, по их мнению, полезные, а с дипломатической точки зрения — вредные. В лучшем случае в ходе работы над такими проектами возникают разногласия с собственным государством, которое официально может повлиять на фонды лишь одним способом — не дать им денег. Фонд может продолжить проект на свой страх и риск из собственных небольших средств; тогда возможен худший случай — разногласия с

идеями немцев освещаются в идеальном духе «близкостоящей» партии, занимаясь историей «своей» партии, весте партийные архивы.

Кроме того, в каждом фонде есть отдел международной работы, стипендиальный отдел для студентов и молодых учёных и библиотеки. Партийные функционеры активно участвуют в работе соответствующих фондов, а после ухода из большой политики нередко получают в них руководящие посты.

Для «своей» партии фонд — источник сокровищ, которое, впрочем, может быть весьма своеобразным. Фонд служит интересам партии, но

иногда значимым в процессе принятия внешнеполитических решений государственных структурами.

Случается, хоть и нечасто, что фонды реализуют за рубежом проекты, по их мнению, полезные, а с дипломатической точки зрения — вредные. В лучшем случае в ходе работы над такими проектами возникают разногласия с собственным государством, которое официально может повлиять на фонды лишь одним способом — не дать им денег. Фонд может продолжить проект на свой страх и риск из собственных небольших средств; тогда возможен худший случай — разногласия с

тем государством, где проект проводится. С последними приходится сталкиваться работникам фондов на местах и их партнёрам. Бывает, однако, что спорные проекты во внешнеполитическом перспективе оправдывают себя. Тогда фонды торжествуют, указывая на своё внешнеполитическое чутьё.

Руководитель зарубежного представительства фонда — как правило, опытный работник, нередко с трудной судьбой: многие трудятся на временных рабочих договорах, а другие всю жизнь кочуют из развивающихся в трансформирующиеся страны, а возвращаясь домой, в Германию, не могут вписаться в «пейзаж».

В рабочем жаргоне фондов есть понятие «синдром зарубежного работника»; под ним понимается процесс осознания своей ординарности по возвращении на родину из стран, где западные деньгодатели окружены вниманием корыстных политиков и лезть бедных интеллектуалов.

МИД предостерегает фонды от вмешательства в политическую борьбу тех стран, где они осуществляют проекты. Однако фонд — на основании неправительственного статуса — может настаивать на подобном

на страницах немецких газет фонды попадают иной раз в связи с расследованиями источников финансирования партий. Случается, что в ходе политических скандалов их упрекают в «отмывании партийных денег». Однако их положение в политической и общественной жизни ФРГ настолько прочно, а заслуги настолько неоспоримы, что подобные упреки не оказывают существенного влияния на их репутацию.

Государство любит свои фонды, заступаясь за них, в том числе и на международной арене: когда, например, в Турции в 2002 году фондом Наумана и Аденауэра были предъявлены обвинения в шпионаже, ФРГ официально потребовала от турецкого правительства осудить действия собственной юстиции.

В Россию первым ещё в советские времена, пришёл фонд Эберта: в рамках взятго Горбачёвым курса на «социал-демократизацию» КПСС предполагалось как межпартийное сотрудничество вплоть до ответного открытия бюро Института марксизма-ленинизма в Бонне, так и сотрудничество на более высоком уровне, поскольку социал-демократы были уверены в своём скором приходе к власти в ФРГ.

Надежды эти лопнули, однако бюро фонда Эберта осталось, сменив после распада СССР клиентуру, окрепло и расширилось и успешно работает до сих пор. В начале 90-х в России открылись представительства остальных «западногерманских» фондов. Единственный «восточногерманский» фонд — Розы Люксембург — в те годы боролся за политическое признание (то есть за деньги из бюджета) и зарубежных проектов позволять себе ещё не мог.

Повседневная работа «традиционных» политических фондов — Эберта, Аденауэра и Наумана в России определялась тогда обширными проектами, объединёнными названием «Поддержка демократии». Проекты эти на первый взгляд щедро финансировались из государственной казны ФРГ. Однако уже на второй взгляд было ясно: дело не в щедрости, а в приоритетах.

Провил золотой дождь на восточно-европейское направление работы фондов, государственные деньгодатели тут же прикрутили им кран для работы в ряде регионов, утративших актуальность для германской внешней политики. С грустью покидали фонды обжитые места в приятных странах.

Маленький, но «зарубежно» очень трудоспособный фонд Зайделя основан (то есть оплачивается Федеральным министерством экономического сотрудничества) усилиями бросил на Украину, а в Москве открыл лишь небольшое координационное бюро. Он — единственный из политических фондов, работающий в РФ исключительно с деньгами германского МИДа, и проекты

второе важное направление работы фондов в РФ — поддержка внутринационального политического диалога. Организационная конференция, семинары, диспуты, фонды дают возможность представителям разных политических сил сойтись на «нейтральной территории» для обмена мнениями. Фонды не ограничиваются столицей — ведётся сотрудничество с региональными администрациями, а фонд Наумана располагает, кроме Московского, ещё одним бюро — в Екатеринбург.

В общих для всех темах — внешней политике и политике безопасности или процессы политической и экономической трансформации — фонды нередко сотрудничают с одними и теми же организациями. Однако пересечений, по словам руководителя бюро фонда Эберта М. Бубе, нет: «Россия велика, и работы так много, что места хватает для всех, в том числе и при решении одних и тех же задач».

Каждый фонд нашёл и «свою» особую нишу. Все они сотрудничают с российскими НПО, но для фондов, близких ХДС/ХСС (Аденауэра и Зайделя), это сотрудничество носит, скорее, вторичный характер, а к важнейшим партнёрам принадлежит, например, Союз российских промышленников или Торговая палата.

«Российские патристические силы тоже вполне могут быть нашими партнёрами», — считает руководитель бюро фонда Зайделя, подчёркивая, впрочем, что и от таких сил ожидается верность демократическим идеалам. Фонд Аденауэра сотрудничает со структурами Русской православной церкви. Зато для фонда Белля работа с демократическими НПО, занимающимися правами человека, экологией, равноправием женщин — безусловный приоритет. «Мы поддерживаем их», — говорит руководитель бюро фонда Белля И. Зигерт. — «Мы сотрудничаем с ними, и мы мотивируем их сотрудничать друг с другом». Важнейший партнёр этого фонда — «Мемориал». «Наши партнёры — такие НПО, которые, будучи конструктивно-критичными, не отказываются сотрудничать и с административными структурами», — сказал руководитель бюро фонда Розы Люксембург В. Гравовски.

Сотрудничество с партиями в России проблематично. Руководитель бюро фонда Наумана Ф. Бомсдорф, рассуждая о судьбах либерализма в России, опирается на тезис Грамши о сочетании «пессимистического анализа с оптимистическим действием».

Сегодня фонды по большей части сотрудничают с отдельными политиками разных партий.

Германские партийные фонды удачно вписались в российский общественно-политический ландшафт — не в последнюю очередь потому, что представляют практически всю политическую палитру ФРГ, — и отношение к ним в России постепенно нормализуется. Восхваления «бескорыстных» западных благотворителей — точно такое же свидетельство «третьей империи» менталитета и политической слабости, как и стениания о превращении России в «объект воздействия» зловещих сил. Германские политические фонды работают во всём мире, в том числе и в западных державах. Признанием политического здравомыслия — сотрудничество с ними «на равных» внутри страны, параллельно развиваясь алевские российские структуры, сплотившись — на основании общественно-политического паритета — с соответствующей деятельностью в Германии.

Светлана ПОГОРЕЛЬСКАЯ,
доктор философии Боннского университета

СВИДЕТЕЛЬСТВА

Во Владимирской области общественно-политическая жизнь, в начале 90-х была скучна почти по застывшему. Как сказал про неё один бывший демократ, провинция в полном смысле, даже антисемитизма нет. И вдруг, как в сказке, откуда ни возьмись объявился «Суздальский клуб»...

Фонд как катализатор

Для местных политиков и журналистов суздальские встречи — праздник. Участие в интереснейших дискуссиях, знакомство со знаменитыми и общение с ними накоротке, в прогулках по милому древнему городу становилось долгожданной событием в череде серых будней на фоне скучной, почти аполитичной, провинциальной жизни.

Путь к рычагам власти

Это правда, что не каждый пенс, который попадает к диссидентам, был взят из государственной казны. Д. Сорос организовал фонд «Открытое общество». Сколько денег выделил этот фонд, сказать трудно, поскольку у Д. Сороса проповедует открытость для других, но не для самого себя.

Волнения на Украине выдают...

Волнения на Украине выдают между народом и сильными структурами советской эпохи. На упоминание о роли западных денег в приёме «холодной войны» наложено табу. Стоит вам суинуть нос в финансирование шиканного карнавала в Киеве, и с невидимыми выкриками показывают, что вы конулись, бласной точки Нового Мирного Порядка

Будучи старым курьером...

Будучи старым курьером «холодной войны», который перевёз десятки тысяч долларов диссидентам советской эпохи, а также и куда более уважаемым учёным, я, пожалуй, смогу пролить свет на то, что один мой румынский приятель называл «нашим тайным периодом». Можно найти в Интернете американский «Национальный фонд за демократию» (НФД) и ещё множество суррогатов, которые фи-

Владимир УСТИНОВ

Слово и мир

С 14 по 19 декабря в просторных залах гостиницы «Космос» прошёл Международный конгресс «Русская словесность в мировом культурном контексте»...

Пока есть труд учителей

Одним из значительных событий конгресса стал круглый стол «Современные вызовы и постсоветская словесность»...

Участники круглого стола поспорили о терминах — как правильно называть постсоветскую культуру? И пришли к выводу, что культура, в которой мы сейчас живём, по сути остаётся безмянливой...

Путь выходы предложил В. Тимофеев, учёный и преподаватель средней школы из Воронежа. Она отметила, что культура востребована и пропагандируется прежде всего нашим образованием...

С жаром поддержал президент Фонда Достоевского И. Волгин (Москва): «Культуру нужно называть как есть — культурой»...

Так участники круглого стола пришли к мысли, что судьба безмянливой «постсоветской словесности» в руках средней школы...

Надежда ГОРЛОВА

Между хаосом и космосом

Того масштабного конгресса в России не было очень давно. Широко заявленной темой определяла круг вопросов и дискуссий...

Вот только, как заметил на итоговом круглом столе Игорь Волгин: «Конгресс проходит в отсутствие общественного интереса к русской литературе»...

Одним из главных на итоговом круглом столе оказался вопрос о русской национальной идее. «Может быть, русская литература и есть русская национальная идея?»...

Илья Леваш, культуролог из Минска, определил национальную идею как истину между хаосом и космосом. А затем подметил удивительную метаморфозу: засилье цивилизации приводит, наоборот, к варваризации человека и человечества...

Литературовед Анастасия Гачева напомнила, что на протяжении веков русская литература была литературой любви, делания и служения...

Видимо, действительно есть какая-то связь между национальной идеей и русской литературой при всём многообразии последней...

Участник конгресса Сергей ГЛЮБЮК

1. Чацкий и остальные

Пушкин предсказал, что половина стихов из «Горя от ума» войдут в пословицы. Так и случилось. Не менее полсотни «острот» или «сатирических замечаний»...

Нет смысла цитировать комедию: они известны всем. И хотя Грибоедов считал, что в пьесе «25 глупцов на одного здравомыслящего человека»...

Грибоедов писал: «Первое начертание этой сценической поэмы, как оно родилось во мне, было гораздо великодушнее и высшего значения, чем теперь в суетном наряде»...

Постараемся угадать, какой это намёк. Начнём с того, что комедия сначала называлась не «Горе от ума», а «Горе Уму». Существует автограф первой её страницы...

Прости, Отечество!

Можно поспорить, какое из них точнее определяет замысел автора. Первое ставит вопрос об Уме (притом с большой буквы), о природе Ума и его горе...

Принимая объяснение традиционное, мы спрашиваем себя: не слишком ли оно просто для «сценической поэмы» и тем более её «высшего значения»?

Принято считать за аксиому то, что в «терзаниях» Чацкого (в его горе) виноват «свет». «Свет» объявил его сумасшедшим, «свет» и изгнал из Москвы.

Но пристальное чтение комедии убеждает, что вину по крайней мере надо поделить поровну. А то и львиную её долю отдать Чацкому.

Во-первых, он горд тем, что выше всех достоинств в человеке. «Что я Молчалина глупее?» — спрашивает Чацкий...

Да и остальные герои комедии, по его мнению, толпа «несладких умников», «глупых простаков». В отъездах Чацкого о гостях и обитателях дома Фамусова слышится превосходство...

Впрочем, Московское дело не ограничивается. Жалю его критики достают и Россию: «И вот та родина... Нет, в нынешний присяд я вижу, что она мне скоро надостыт».

Приворот произнесён, и, наконец, можно удаляться. То, что Чацкий не остаётся в Москве, свидетельствует, что характеристика отягощена он раздаёт всем...

София, которую Грибоедов всё время называет Софией (что значит «мудрость»), даёт умнейший совет: «А над собой гроза куда не бесполозна».

Находясь в Москве «проездом, случаем», прибыв в чужую издалека, он, едва переступив порог родной двери, обрушивает громы и на его обитателей и гостей.

Чацкий в «Горе от ума» — «приезжий», чужой. Он чужой для Москвы, и Москва для него чужая. Ибо «свое» падает за «свое» болен, «свое» не изничтожает.

Чацкий болен только за себя. Оттого он и жалуется: жалуется Софье: «Я сорок пять часов, глаз мигот не прищурил, / Верст больше сколько пронёсся, ветер, буря; / И растерялся весь, и падал сколько раз».

«Люди с душой» — это, конечно, о себе. Виноваты в его беде все, даже судьба. Но в таком случае он рождает не на людей, а на Бога.

Есть ум ума, говорил Толстой, и есть ум сердца. В том, у кого ум ума, нет жалости к ближнему. Этот Ум холоден и горд. Ум сердца мягче, участливее и в конечном счёте нужнее жизни.

София, которая сочувствует Чацкому, точно определяет ущербность его ума: «Вот о себе задулом он высоко. Охота странствовать нашла на него. Если любит кто кого, зачем ума искать и ездить так далеко?».

Для Софии ум без любви — не ум. Он разрушитель (ибо жалит, казнит, насмехается) и бесплоден. Сравнявая Чацкого с Молчалиным, она говорит: «Конечно, нет в нём этого ума, что гений для одних, а для других чума».

И, наконец, этот ум слеп. Он видит лишь то, что желает видеть. Чацкому недосуг задуматься, что Скалозуб встал с Наполеоном (причём в пехоте), имеет боевой орден, что Молчалин из бедной семьи, из Твери, откуда его выгнали Фамусов и вышлал за усердие в службе.

Христианское чувство выше гордости, выше обиды, выше «сатир». И именно оно завершается «Горе от ума». Это победа сердца над умом.

Таков итог диспута об Уме. Таково последнее слово Грибоедова. Когда он закончил комедию, ему было 29 лет. Он уже отступил молодость, побыв в гусарах, стрелял на дуэли.

Известны его гусарские проделки: появление на балу верхом на лошади, исполнение «Камерной» на органе в Брест-Литовске. Он — герой-любитель, поклонник молодых актрис, соперник генерал-губернатора Петербурга Милорадовича...

Для таких, как Молчалин, «умеренность и аккуратность» — способ спасения, но не расчётливая подлость, а «не смей своё суждение иметь» — защита от сильных, наказ судьбы.

Входя в глубину текста, мы начинаем понимать, что Молчалин и Скалозуб — не мальчики для битья, / а оппозиция уму Чацкого. У него ум праздности, ум эгоизма, у них — ум выживания. Этот ум — удел не отдельных «гениев», а ум большинства.

Скалозуб, в отличие от Чацкого, может признать правоту своего антипода. «Мне нравится при этой смете, — признаётся он Чацкому, — Искусно как коснулись вы / Предубеждения Москвы / К любителям гвардии, к гвардейским, к гвардионцам; / Их золоту, шитью льнятся будто солдатам! / Человек, в окопах выслушавший свой чин, он не поклонник тех, кто блещет своими мундирами при дворе».

Что же касается его реплики, навсегда заклеймившей Скалозуба как аполога муншры: «Я князь — Григорий и вам Фельдфебеля в Волтеры дам», то стоит вспомнить, кому он это говорит. Он говорит это Репетилову и арестует свой афоризм его друзьям — крепостникам и крикунам.

Чайковский резонёр, Грибоедов — государственный человек. Чацкому, который «служил бы рад, прислушиваясь тошно» (имел с министрами связь, потом — разрыв), нет дела до блага Отечества, для Грибоедова «прислужиться» России честь и долг. Чацкий не знает, что такое долг. Грибоедов знает, что такое долг и жертва.

Признаваясь другу, что дипломатия — не его поприще, что «любовь и поприще» его — «поэзия», он тем не менее остаётся там, куда поставила его царская воля.

Герцен писал, что «Чацкий шёл прямой дорогой на каторжную работу». Но декабристы не покинули своей Родины. Правда, именными своими они тоже не собирались управлять. Молва приписывает Грибоедову слова о заговоре 14 декабря.

Для него фельдфебель надёжнее Вольгера, поскольку Вольгер рашатывает, а фельдфебель берёт.

Ум Чацкого не для счастья, поскольку «в том и счастье, — и тут я шитую Грибоедова, — что сердце не оставалось пусто». Только раз Чацкий признаётся — и то под давлением Софии — что у него «ум в сердце не в ладу».

Как классический «вольтерьянец», он недоволен всеми и вся, но весьма доволен собой.

В гневе на то, что судьба свела его с посредственностями, Чацкий требует «образов». «А судьи кто?» — вопрошает он — За древностью лет / К свободной жизни их вражда непримирима. / Судженья черпают из забвения газет / Врёмь Очаковских и покоренья Крыма.

И вновь слово «ум» полемически воскресает в грибоедовской пьесе. Отвечая на агрессивные искания ума разрушительного, он даёт высказаться Фамусову. А тот, рассуждая о критике правительства и возможных потрясениях, призванных обновить Россию, говорит: «Знать время не приспело».

В том, что это отечество, нет сомнения. Он почти буквально воспроизведён в бумагах следственного комитета, допрашивавшего автора «Горя от ума», когда тот, после ареста в крепости Грозной, в феврале 1826 года был доставлен в Петербург.

Ещё не померк отблеск Александрова царствования, ещё здравствовали солдаты и полководцы, победившие Наполеона. Ещё были живы Николай Ржевский, Алексей Ермолов (служба под его началом, Грибоедов и писал свою комедию) Александр Остерман-Толстой, Михаил Милорадович (которого убьют на Сенатской площади 14 декабря 1825 года), Павел Чичагов, Денис Давыдов, Пётр Витгенштейн.

Так, значит, было кому поклониться, кому «принять за образцы»? Чацкий видит вокруг одних «стариков, дряхлеющих над выдумкою, вздором». Протогонист свободы, он свободен и от благодарной памяти. Да Россия, как он считает, «под личиною усердия царю» «брала лбом» — «стучала» им «об пол, не жалея».

«Вот то-то, все вы гордецы!» — возражает Чацкому Фамусов. И попадает в точку. «Гордость ума» — вот «болезнь» Чацкого. И — болезнь века, «болезнь», как сказал в своём отзыве о комедии Грибоедова Гоголь, «от дурно понятого просвещения».

К чему звал молодые умы Вольтер? К осмеянию того, что освещало традиции. К нападкам на Бога, на историю, на «предрассудки», без уважения к которым невозможны никакие преобразования. Ум вольтерьянца не в силах, — прав был Гоголь, — «идти в себе образцу».

Разбирая комедию А. Шаховского «Шестьдесят лет антракта», где изображён Вольтер, Грибоедов так отозвался о герое пьесы: «Три поколения смеялись перед глазами знаменитого человека; в виду их всю жизнь провёл в борьбе с суеверием, богословским, политическим, школьным и светским, наконец, ратовал с обманом в разных его видах. И не обманывал ли самая та цель, для которой подвизался? Какое благо? — колебание умов ни в чём не твердых?» (письмо к С. Бегичеву, июль 1824 г.)

Так думал автор «Горя от ума» накануне 14 декабря 1825 года. Уже тогда он выбрал службу Отечеству, которую презрел Чацкий.

Старуха Хлестова, осмеянная Чацким, попрекая его — «над старостью смеяться грех» — почти тут же попрекает и себя: «А Чацкого мне жалко. По-христиански так, он жалости достоин».

Христианское чувство выше гордости, выше обиды, выше «сатир». И именно оно завершается «Горе от ума». Это победа сердца над умом.

Таков итог диспута об Уме. Таково последнее слово Грибоедова. Когда он закончил комедию, ему было 29 лет. Он уже отступил молодость, побыв в гусарах, стрелял на дуэли.

Известны его гусарские проделки: появление на балу верхом на лошади, исполнение «Камерной» на органе в Брест-Литовске. Он — герой-любитель, поклонник молодых актрис, соперник генерал-губернатора Петербурга Милорадовича, как и он, волеющего за знаменитой Телешевой.

Грибоедов знал уже не одну любовь, побывал под пулями на Кавказе.

На вопрос Чацкого «пусть я посватуюсь, вы что бы мне сказали?», Фамусов отвечает: «Сказал бы я во-первых: не блажи, / Именем, брат, не управил оплошно, / А гласное, поди-тка послужи».

По Далю, «не блажи», с одной стороны «не дурачься», с другой — «не сходи с ума». «Не сходи с ума» — то есть примись за труд, сделай что-то доброе. Такое толкование слов Фамусова объясняет грядущее «сумасшествие» Чацкого. Это не помешательство, а болезненный разрыв между словом и делом.

Многие ставили на одну доску Чацкого и автора «Горя от ума». Н. Надеждин называл «органом его собственного образа мыслей» Грибоедова, К. Полевой писал, что «поэт невольно, не думая, изобразил в нём самого себя». Чацкий не идеал, — продолжал он, — а человек, каким, может быть, чувствовал себя Грибоедов». Почти то же говорил и Белинский: Чацкий — «выражение мыслей и чувств самого автора».

Но где же сходство? В то время, когда Чацкий устроил «гонимые на Москву», Грибоедов, получив должность секретаря русской миссии в Персии, отправился к месту службы. На его плечи легло спасение русских пленников, которых он должен был вывезти из Тавриза.

Чацкий резонёр, Грибоедов — государственный человек. Чацкому, который «служил бы рад, прислушиваясь тошно» (имел с министрами связь, потом — разрыв), нет дела до блага Отечества, для Грибоедова «прислужиться» России честь и долг. Чацкий не знает, что такое долг. Грибоедов знает, что такое долг и жертва.

Признаваясь другу, что дипломатия — не его поприще, что «любовь и поприще» его — «поэзия», он тем не менее остаётся там, куда поставила его царская воля.

Герцен писал, что «Чацкий шёл прямой дорогой на каторжную работу». Но декабристы не покинули своей Родины. Правда, именными своими они тоже не собирались управлять. Молва приписывает Грибоедову слова о заговоре 14 декабря.

«Сто прапорщиков хотят изменить весь государственный быт России». Грибоедов не говорит «изменить строй» или «режим». Он говорит о «государственном быте», что гораздо долговечнее «строя» или «режима».

«Весь быт» — это то, что складывалось веками, выстроено историей. И что уходит в глубину традиции. Наконец, быть — это то, что должно быть, а не подвергаться разрушению.

Елки намёки на несостоятельность этой идеи являются, когда на сцене возникает Репетилов. Что означает эта фамилия? Репетилов — ретепция перворота, о котором грезят на «тайных собраниях» члены «секретнейшего союза». Или, как называет их Репетилов, «Сок умной молодёжи».

И вновь слово «ум» полемически воскресает в грибоедовской пьесе. Отвечая на агрессивные искания ума разрушительного, он даёт высказаться Фамусову. А тот, рассуждая о критике правительства и возможных потрясениях, призванных обновить Россию, говорит: «Знать время не приспело».

В том, что это отечество, нет сомнения. Он почти буквально воспроизведён в бумагах следственного комитета, допрашивавшего автора «Горя от ума», когда тот, после ареста в крепости Грозной, в феврале 1826 года был доставлен в Петербург.

Ещё не померк отблеск Александрова царствования, ещё здравствовали солдаты и полководцы, победившие Наполеона. Ещё были живы Николай Ржевский, Алексей Ермолов (служба под его началом, Грибоедов и писал свою комедию) Александр Остерман-Толстой, Михаил Милорадович (которого убьют на Сенатской площади 14 декабря 1825 года), Павел Чичагов, Денис Давыдов, Пётр Витгенштейн.

Так, значит, было кому поклониться, кому «принять за образцы»? Чацкий видит вокруг одних «стариков, дряхлеющих над выдумкою, вздором». Протогонист свободы, он свободен и от благодарной памяти. Да Россия, как он считает, «под личиною усердия царю» «брала лбом» — «стучала» им «об пол, не жалея».

«Вот то-то, все вы гордецы!» — возражает Чацкому Фамусов. И попадает в точку. «Гордость ума» — вот «болезнь» Чацкого. И — болезнь века, «болезнь», как сказал в своём отзыве о комедии Грибоедова Гоголь, «от дурно понятого просвещения».

К чему звал молодые умы Вольтер? К осмеянию того, что освещало традиции. К нападкам на Бога, на историю, на «предрассудки», без уважения к которым невозможны никакие преобразования. Ум вольтерьянца не в силах, — прав был Гоголь, — «идти в себе образцу».

Разбирая комедию А. Шаховского «Шестьдесят лет антракта», где изображён Вольтер, Грибоедов так отозвался о герое пьесы: «Три поколения смеялись перед глазами знаменитого человека; в виду их всю жизнь провёл в борьбе с суеверием, богословским, политическим, школьным и светским, наконец, ратовал с обманом в разных его видах. И не обманывал ли самая та цель, для которой подвизался? Какое благо? — колебание умов ни в чём не твердых?» (письмо к С. Бегичеву, июль 1824 г.)

Так думал автор «Горя от ума» накануне 14 декабря 1825 года. Уже тогда он выбрал службу Отечеству, которую презрел Чацкий.

Старуха Хлестова, осмеянная Чацким, попрекая его — «над старостью смеяться грех» — почти тут же попрекает и себя: «А Чацкого мне жалко. По-христиански так, он жалости достоин».

Христианское чувство выше гордости, выше обиды, выше «сатир». И именно оно завершается «Горе от ума». Это победа сердца над умом.

Таков итог диспута об Уме. Таково последнее слово Грибоедова. Когда он закончил комедию, ему было 29 лет. Он уже отступил молодость, побыв в гусарах, стрелял на дуэли.

Известны его гусарские проделки: появление на балу верхом на лошади, исполнение «Камерной» на органе в Брест-Литовске. Он — герой-любитель, поклонник молодых актрис, соперник генерал-губернатора Петербурга Милорадовича, как и он, волеющего за знаменитой Телешевой.

Грибоедов знал уже не одну любовь, побывал под пулями на Кавказе.

«Сто прапорщиков хотят изменить весь государственный быт России». Грибоедов не говорит «изменить строй» или «режим». Он говорит о «государственном быте», что гораздо долговечнее «строя» или «режима».

«Весь быт» — это то, что складывалось веками, выстроено историей. И что уходит в глубину традиции. Наконец, быть — это то, что должно быть, а не подвергаться разрушению.

Елки намёки на несостоятельность этой идеи являются, когда на сцене возникает Репетилов. Что означает эта фамилия? Репетилов — ретепция перворота, о котором грезят на «тайных собраниях» члены «секретнейшего союза». Или, как называет их Репетилов, «Сок умной молодёжи».

И вновь слово «ум» полемически воскресает в грибоедовской пьесе. Отвечая на агрессивные искания ума разрушительного, он даёт высказаться Фамусову. А тот, рассуждая о критике правительства и возможных потрясениях, призванных обновить Россию, говорит: «Знать время не приспело».

В том, что это отечество, нет сомнения. Он почти буквально воспроизведён в бумагах следственного комитета, допрашивавшего автора «Горя от ума», когда тот, после ареста в крепости Грозной, в феврале 1826 года был доставлен в Петербург.

Ещё не померк отблеск Александрова царствования, ещё здравствовали солдаты и полководцы, победившие Наполеона. Ещё были живы Николай Ржевский, Алексей Ермолов (служба под его началом, Грибоедов и писал свою комедию) Александр Остерман-Толстой, Михаил Милорадович (которого убьют на Сенатской площади 14 декабря 1825 года), Павел Чичагов, Денис Давыдов, Пётр Витгенштейн.

«Выступит с очистительным аттестатом». Рукою начальника Главного штаба барона Дибича добавлено: «Высочайше повелено произвестись в следующий чин и выдать не в зачёт годовое жалование».

Письмо царю было написано 15 февраля 1826 года, ответ — «очистительный аттестат» — пришёл через три с половиной месяца.

Что определило решение царя? Ведь «продскабристская» пьеса Грибоедова гуляла в списках по всей России. Не ошибёмся, сказав, что с нею был знаком и двор. А раз так, то двор (и, считай, царь) не могли не прочесть в ней диалог Чацкого с Репетиловым. В ответ на приглашение Репетилова сходить с ним на «тайное собрание» Чацкий зло отбывает его: «Вот меры чрезвычайны, чтоб взашен прогнать и вас, и ваши тайны».

«Ваши прогнать и вас, и ваши тайны», — рискуя предположить, что эта фраза, как и то, что в качестве члена «секретнейшего союза» выведен Репетилов, и выдали Грибоедову «очистительный аттестат».

Грибоедов вновь на Востоке, где идёт война с Персией. Эта война, продолжавшаяся с 1826 по 1828 год, заканчивается — при его непосредственном участии — в пользу России. Грибоедов становится Полномочным министром России в Тегеране.

А ведь в 1825 году в письме к другу он писал: «Ещё игра судьбы нестерпима: весь аск желаю где-нибудь найти уголок для уединения, и нет его для меня нигде».

Сразу вспоминаются последние слова Чацкого: «Бегу, не оглянуясь, пойду искать по свету, / Где оскорбленному / Есть чувству уголок».

Мечта об уголке! Кажется, она вновь сблизжает автора и героя. Но мечта — рознь. Чацкий бежит, Грибоедов остаётся. Первый скачет в Баден-Баден или Карлсбад, Грибоедов — к театру восточных дел.

Достоевский писал о Чацком: «Пойду искать по свету... Вель у него толк и свету, что в окошке у московского хорошего крута, не к народу же он пойдёт. А так как московские его отвергли, то, значит, «свет» означает здесь Европу. За границу хочет бежать».

Не пройдёт и двух лет с того дня, когда оправданный Грибоедов покинул Петербург, как он вновь в столице. В его портфеле — добытый и его трудами Туркманчайский мирный договор. По этому договору к России отходят Эриванское и Нахичеванское ханства, она получает огромную денежную контрибуцию, право держать на Каспийском море военный флот, а в её пределы должны возвратиться десятки тысяч её подданных, пленённых Персией.

В честь Грибоедова гремят пушки. Император принимает его в Тронном зале Зимнего дворца. Его награждают орденом Святой Анны, он получает 4 тысячи червонцев, чин статского советника и просит царя о смягчении участи декабристов.

Помимо дипломатических побед он успевает основать газету «Тифлисская ведомость», публичную библиотеку в Тифлисе, составить «Записку об учреждении Российской Закавказской компании», отправить письмо И.Ф. Паскевичу с просьбой о декабристе Александре Овоевском.

Вот отрывок из этого письма: «Помогите, выручите несчастного Александра Овоевского. Вспомните, на какую высокую степень поставил вас Господь Бог... Тот самый, для которого избавление одного несчастного от гнели гораздо важнее грома побед, штурмов и всей нашей человеческой тревоги... Сделайте это добро истинное, и оно вам зачтётся у Бога неизгладимыми чертами небесной Его милости и покровы».

Проект Грибоедова об учреждении Российской Закавказской компании, который, кстати, ущемлял интересы Англии и принадлежавшей ей Ост-Индской компании, будет частично осуществлён: учреждена «Торговая компания» — «Закавказское торговое дело», «Общество поощрения сельской и мануфактурной промышленности и торговли».

По возвращении в Персию Грибоедов первым делом принимает за переселение в Россию 400 человек, полавших в плен к персам. «Пленные», — пишет он, — меня здесь с ума свели. Одних не выдают, другие сами не хотят возвращаться».

Вопрос о пленных, о выплате контрибуции, в решении которых русский посол был строг, стали причиной роста недовольства как при шахском дворе, так и среди народа.

Грибоедов укрывает в здании русской миссии казначея шаха и главного свхуа гарема Мирзу-Якубу Маркардана. Даёт приют двум женщинам-христианкам, бежавшим из плена.

Шах-бита разоблачения его интимной жизни, более чем кому-либо известной Мирзе-Якубу, Мушудет (глава местного духовенства) Мирза-Месих благословляет толпу на «джиджид» против русского посла.

Грибоедов отступает посланцам шаха: если Мирза-Якуб сам захочет покинуть посольство, он отпустит его. Если нет, то он останется под покровительством русского императора.

Мирза-Якуб остаётся. Женщины Грибоедов отпускает. Но толпу уже не остановить.

Незадолго до этого Грибоедов писал: «Гора умереть! Не знаю, отчего это так долго тянется».

Разъярённые люди врываются в посольство. Грибоедов встречает их в парадном мундире посла со всеми знаками отличия и наградами и с саблей в руках. В это время камень, брошенный в отверстие разобранной крышки, поражает русского посла. Он падает. И здесь совершается расправа.

Тело Грибоедова ташат по улицам Тегерана, крича, чтоб толпа, кланяясь, по-европейски отдавала ему почести. В конце концов изуверный труп зарывают в землю. Позже его опознают только по мизинцу, простреленному на дуэли.

Всё это случится в январе 1829 года. И лишь летом того же года произойдёт встреча Пушкина, направляющегося в Арзрум, и мертвого Грибоедова.

Вот и финал. Вот и разветвление дорог — дороги автора и его героя. Чацкий в карете бежит из России. Грибоедов в крестьянской арбе, между мешков с соломой, в пошатнутом грубу возвращается из-за границы домой.

На могиле Грибоедова на горе Мтацминда в Тбилиси стоит надгробный камень. На нём слова: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской».

«Дела» — вот пердмет меркнет словесный бунт Чацкого. В стихотворении «Прости, Отечество!» Грибоедов писал:

Не насладенье жизни цель, / Не утешенье наша жизнь, / Не обманывайся, сердце, / О, призраки, не увлекайте! / Сердце не обмануло, призраки не увлекли.

Игорь ЗОЛОТУССКИЙ

Признаться, не без некоторого усилия принялся я за книгу диакона Андрея Кураева «Мастер и Маргарита»: за Христа или против? Ибо мне всегда представлялись чрезмерно натянутыми и даже бессмысленными попытки анализировать великий роман Михаила Булгакова сугубо с религиозной, а тем более с ортодоксально религиозной точки зрения. Обычно они заканчиваются обвинениями художественного творчества Булгакова в кощунстве, в том, что перед нами «Евангелие от Сатаны», что роман написан «с волацоровских позиций». И тому подобное. Не вызвали особого интереса и исследования, смысл которых сводился к тому, что писатель «вывел образ Христа, более отвечающий современным христианским идеалам, чем канонический».

Вот книга диакона Кураева. И первые же слова: «Скажу сразу: так называемые «пилотажные главы» «Мастера и Маргариты» кощунственны...»
Но и тут же признание: «Я полюбил эту книгу, когда она ещё не входила в школьную программу. И мог страницами цитировать её по памяти. Даже спустя пятнадцать лет после прочтения, впервые оказавшись в Иерусалиме, я смотрел на город через булгаковские стихи (язык не поворачивается назвать прозой его описанием грозы над Ерусалимом)».

Вопросы, согласитесь, такие, что невольно вздохнешь: ох, и достается сейчас несчастному художнику, который и без того настрадался при жизни со своим бессмертным творением! Как легко тут ортодоксальному христианину впасть в тон и стилистику приговора, проклятия, отлучения. И какая радость, что ничего такого в книге Кураева нет. А есть удивительно спокойное, доброжелательное, аргументированное и глубокое исследование жизни и творчества большого художника, его прозрений, страданий, заблуждений, надежд. Кураев пишет простым и ясным языком, но его сопоставления черновых и окончательных вариантов романа, рассказы о прототипах главных героев, психологические портреты персонажей, анализ их по-

нищательны, но и весьма неожиданны ещё и потому, что за ними громадные глубины многовекового христианского миропонимания, которые нам, большинству современных граждан, и не снились. «Утром в Страстную пятницу апостолы стояли за линией оцепления, с ких пятiletних планов наступало весеннее полнолуние. И была среда. И был четверг. И была пятница... И пришло Воскресенье».

Что же до ответов на вопросы, приведённые выше, то они в книге есть, но я не стану их приводить. Потому что эти ответы не из серии издательского и тупоумного «да, нет, да». Для того чтобы понять их, нужно выныкнуть в книгу, и тогда ответы придут сами, правда, вполне возможно, что они и не сойдутся с аргументами автора.

Не собираюсь утверждать, что в книге Кураева не с чем спорить. Человеку несведущему и любопытному вполне есть с чем. В какие-то моменты богослов, миссионер, диакон заметно берёт в книгу верх. И тогда появляются утверждения, отягощающие монастырской суровостью и монашеской нетерпимостью. Взять то же утверждение, «что в романе просто нет положительных персонажей». Бог мой, да как же нет?! А сам автор, глазами которого мы видим происходящее? Сам Михаил Афанасьевич Булгаков, человек мучительной, но и счастливой судьбы? Он прошёл огонь и кровь революции и Гражданской войны, пережил крушение мира, к которому принадлежал от рождения, он страдал и заблуждался, падал духом и пытался при-

мириться с новой властью, которая, словно навалившись на грудь кавалария, просто не давала ему дышать. Он страшно и безнадежно болел. Но всё это время он оставался художником и писал свой великий роман, хотя и понимал, что нет никаких надежд на его опубликование. И умирая в страданиях и уже теряя сознание, он целовал женщину, которую любил, и просил сбегать роман. «Пусть знают!» — говорил он.
«Плохо кончается роман. Беспросветно». Так пишет Кураев. Но шепчет в предсмертном бреду Булгаков: «Чтобы знали... чтобы знали...» А для чего знать? Неужели лишь для того, чтобы убедиться в беспросветности и бессмысленности жизни?

Нет, Булгаков знал про свой роман и нечто иное. И это иное — то светлое, освобождающее и весёлое чувство, которое испытало множество людей, когда к ним пришла эта книга. А это ещё раз доказывает, что только художник, его интуиция и гений, истинные владения создаваемого им мира. И ни в чьей больше воле изменить его законы и суть.

Диакон Андрей Кураев написал глубокую и серьёзную книгу. И нужную. Для того, чтобы лучше понять роман Михаила Булгакова.
Игорь СЕРКОВ

«Пусть знают!»

Андрей Кураев.
«Мастер и Маргарита»: за Христа или против?
— М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2004. — 160 с.

ужасом наблюдая за голгофской казнью. Утро же этой Страстной пятницы (описанной в романе. — И.С.) москвичи проводят тоже в окружении милиции. Но это оцепление отражает очередь «халаящико», врывающихся за билетами в варьете».

Но, удивительное дело, глубокие и сложные размышления у Кураева ничуть не подавляют, не выглядят чрезмерными и самодовольными. Потому что они — разнятся романом, как бы его больше раздражают его безграничные во времени и пространстве рамки. «Белая, православная Русь оказалась на положении безземельного странника в Советском Союзе. Её земные храмы взрывались и закрывались. Но независимо от решений правящей атеистической партии каждый год приходила весна. И вне вся-

кого наблюдения за голгофской казнью. Утро же этой Страстной пятницы (описанной в романе. — И.С.) москвичи проводят тоже в окружении милиции. Но это оцепление отражает очередь «халаящико», врывающихся за билетами в варьете».

кого наблюдения за голгофской казнью. Утро же этой Страстной пятницы (описанной в романе. — И.С.) москвичи проводят тоже в окружении милиции. Но это оцепление отражает очередь «халаящико», врывающихся за билетами в варьете».

кого наблюдения за голгофской казнью. Утро же этой Страстной пятницы (описанной в романе. — И.С.) москвичи проводят тоже в окружении милиции. Но это оцепление отражает очередь «халаящико», врывающихся за билетами в варьете».

кого наблюдения за голгофской казнью. Утро же этой Страстной пятницы (описанной в романе. — И.С.) москвичи проводят тоже в окружении милиции. Но это оцепление отражает очередь «халаящико», врывающихся за билетами в варьете».

кого наблюдения за голгофской казнью. Утро же этой Страстной пятницы (описанной в романе. — И.С.) москвичи проводят тоже в окружении милиции. Но это оцепление отражает очередь «халаящико», врывающихся за билетами в варьете».

Недорисованный портрет

Евгений Данилов.
Тайна российского сфинкса.
Документальный роман-расследование. — М.: Кнорус, 2004. — 623 с.

Восемьдесят лет назад забытый ныне поэт Николай Полтавас написал «Портретов Ленина не видно, Покожих не было и нет, Века уж дорисует, видно, Недорисованный портрет».

Ничего подобного не произошло. Появились лишь многочисленные штрихи к портрету. И лишь же по-прежнему хитро щурится сквозь толщу лет, словно издеваясь над глотающими пыль архивистами и биографами: «Всё равно из вашей затеи ничего не выйдет...»

Попытки понять и оценить личность, переворачивая мир, тем не менее продолжают. Несть числа — разной степени достоверности и качества — историческим хроникам, фильмам, книгам о большевистском вожде. В минувшем году в обильно текучую биографическую реку влился ещё один ручеек — документальный роман-исследование Евгения Данилова.

Небольшая ремарка. Автор — известный адвокат и стало быть, человек, привыкший беречь отношения к фактам и требовательно — к их источникам. Таких, к слову, у него набралось несметное количество: архивные находки, газетные публикации, воспоминания очевидцев и собственно ленинские труды. По сути, книга — некое судебное дело, но гражданское оно или уголовное, судить читателю. Им и выносить вердикт, который, впрочем, у кого-то будет разным, у иных — обвинительным...

Однако полюбленные материалы, тон повествования, да и задача автора дают множество оснований для карательного приговора. Таково, впрочем, всякое время — обличать и прицеливать прошлое. Причём в который уже раз, да так являя, что, оборачиваясь назад, с ужасом наблюдаешь длинную череду поруганных памятников и разорванных портретов, густо перепачканных кровью. Во всяком случае, такая картина характерна для описания вундерштерна хука российской истории, начатой событиями октября 1917-го...

Всё это, повторяется, но — с точностью до наоборот. В прежние — ещё совсем недавние — советские времена поро ленинских, едва наткнувшись на сомнительный с точки зрения идеологии факт, тут же замирало в ожидании цензурного окрика. Впрочем, авторы часто того и не дожидались, а просто обходили «нежелательные» подробности: употребляли «нужные» свидетельства и «подходящие» факты. В итоге исторические хроники — начиная с того же октября 1917-го — получались бесконечным этюдом в благостных тонах. Образ же Ленина был, как известно, и вовсе священным...

Так кем же он был на самом деле? Вопрос этот по-прежнему можно задавать бесконечно. И повторить после знакомства с «Тайной российского сфинкса».

Да, книга Данилова — кстати, весьма объёмная — читается легко, и интерес читателя к персоне Ленина буквально пылает до самого конца повествования. Но версия всё равно остаётся версией, а аргументы — безусловно, серьёзные — могут быть заменены другими, не менее внушительными. Ибо история — никак не геометрия с чёткой и стройной системой доказательств. Её основа — факты и, оперируя ими, можно переходить — нет, не к доказательствам, — а лишь к дискуссиям. К тому же как ни потроши огромный портфель исторических документов, всё равно что-нибудь останется на дне или за его подкладкой.

Естественная для автора любовь к объекту, омарывательной женщине и актрисе, чем-то схожей с Миллией Корьевой и особенно ярко проявившейся в ролях «венских женщин», — не одна только поклонническая страсть. Внимание к судьбе художника равнозначно в книге при-

Телевидение для интеллигенции

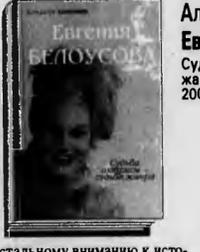
Это издание — попытка вместить в себя 40-летнюю историю одной из самых известных в стране радиостанций — «Маяк». Конечно, в рамках одной книги нельзя объять необъятное, поэтому в неё вошли самые интересные моменты начиная с создания радиостанции. Например, знаменитые «Подмосковные вечера», ставшие позывными «Маяка» и прозвучавшие за 40 лет почти миллион раз, композитор Василий Соловьев-Седой считал творческой неудачей, и судьба песни висела на волоске... «Хроники первых минут», «День за два», «Цена профессии», «Микрофон включён» — в этих и других главах радиожурналисты раскрывают читателю «тайны эфира», показывают «то самое течение исторического времени, в котором существовала и изменялась радиостанция «Маяк...» Это история страны, отражённая в информационных заметках, репортажах, интервью, живых

голосах её персонажей. Да и по самой радиостанции, её коллективу не раз и не два прокатились колёсами новейшей истории государства». Тем не менее «Маяк» сохра-

Оперетта строгого режима

Александр Колесников.
Евгения Белоусова:
Судьба актрисы — судьба жанра. — М.: «Театральный», 2004. — 272 с., ил.

стиально вниманию к историческим обстоятельствам и специфике существования оперетты в контексте художественной жизни страны. В авторском утверждении, что «оперетта даёт почувствовать реальные зарплатные», нет преисполнения, а есть чёткое отражение нарасно забытой реальности. Вместо фарсовых монологов в зашты жанра дан подробный и вдумчивый, свободный и увлекательный анализ оперетты как способа творческого освоения жизни.

По ряду обстоятельств творческая жизнь самой Евгении Белоусовой началась на подмостках... музыкально-драматического театра Боркунтала. «Оперетта строгого режима» длилась с конца 40-х до начала 50-х. Краснодар, поначалу 1999 года) жизнь в искусстве артистки Белоусовой развивалась по естественным законам жанра, полувоскресное служение которому вносило в спектакль центральные черты и характер. «Белоусовой достаточно было просто выйти на сцену, чтобы спектакль свивнулся с места. Она была прямым воплощением женщины-сопрано».

В книге есть блестящие реконструкции спектаклей, дана панорама авторских стилей и проблем жанра, его тем и мотивов, есть картина системного кризиса, приведшего к застенчивым «ретроспекциям» и безынициативности существования как театра, так и жанра, теряющего связь с действительностью. Есть легенды и новеллы из жизни актрисы, вовсе неожиданные (отныне все узнают, что портрет престелной женщины на этикетке вина «Ульябка» не что иное, как стилизованное изображение Евгении Михайловны).

«Выживаете радостно!», — истинный девиз жанра, сверкающего оптимизмом. Сегодня подобное «опереточное» мировоззрение, увье, утверждается с трудом. Поэтому книга А. Колесникова получилась во многом драматичной, проблемной и смелой. А судьба замечательной актрисы Евгении Михайловны Белоусовой предстала прекрасным примером мужества и жизнелюбия.
Александр ИНИХИН

В поисках утраченного

Сергей Кара-Мурза.
Потерянный разум.
— М.: Алгоритм, 2005. — 704 с.

Вопрос о лучшем событии 2004 года ответил, что это было подписание протокола с ЕС о вступлении в ВТО, ставшее итогом «очень длительной и напряжённой работы, принципиально изменившей для России экономическую ситуацию в мире». Этой теме Кара-Мурза уделил особую главу. Противники вступления в ВТО предсказывают катастрофические последствия, такие тяжкие, что в пору власть обвинять в государственной измене. Какие доводы могут привести сторонники ВТО? Туманные (вроде «интеграция в мировую экономику»). Строгие понятия подменяются метафорами. Количе-

ственная мера практически отсутствует. Главное — никто не называет критерий, по коим можно будет судить, насколько правильным было решение о вступлении.

Но так же непонятно и отсутствие здоровой реакции на реформы со стороны населения и оппозиции. Зачем было оппозиции поддерживать ежегодное принятие бюджета, который потом так же завидным постоянством крыли позором? Зачем было утверждать председателю правительства и одновременно называть его оккупационным. Какая-то шизофрения. Диагноз читателю книги может сделать однозначный: российское общество тяжело больно.

Но врачи всегда изучают «историю болезни» и обязательно историю жизни больного, то есть причины заболевания. И здесь надо обязательно посмотреть, как советские люди пришли к такому состоянию — обратиться к истории страны. И тогда возникнет желание с С. Кара-Мурзой поспорить. В «Советской цивилизации» он писал: «Когда мы почти ос-

вободились от официальной идеологии, можно уже серьёзно подойти к истории, не трясая слов на предположение сказок об Октябрьской революции и триумфе марксизма. Восстановление реальной истории — это герменевтика... Нужна почти археология — раскопка смыслов».

Золотые слова! Но уже через абзац автор выдыхает сомнительный тезис: «Февральская революция 1917 г. завершила долгий процесс разрушения легитимности империи Российской империи». Это уже не герменевтика, а всё та же «мифология истмата». Почему-то «разрушение легитимности» берётся как аксиома. Но это скорее теорема, требующая доказательства. Вель точно так же беспартийно можно утверждать, что события 1991 года завершили долгий процесс разрушения легитимности СССР.

Разум начали терять в нашей стране давно. В советское время марasmus было едва ли не больше, чем сегодня. Пора начать поиски новой рациональности.
Владимир ПОЛЯКОВ

ГУБЕРИНСКИЕ СТРАНИЦЫ

«Сибирские огни», литературно-художественный и общественно-политический ежемесячный журнал, № 10. — Новосибирск, 2004.

Повесть О. Солдатова «Ансамбль» — о самодельном московском театрике. События второй половины романа Б. Климычева «Процель» разворачиваются во времена Гражданской войны. Отдел поэзии открывает поэма В. Берязова «Белый старец» о святителе Николае. Стихи Л. Григорьевой разными траекториями строк, размеров, чувств стремятся вывет. Грезит небом и В. Семенич, написавший и о желании «проснуться бы заново — где-то в ином измерении». В. Светлослов публикует свои переводы «английской поэзии» «От Донна до Одена». В отделе «Очерк и публицистика» Б. Ротенфельд увозит нас в очерке «Алвет восток, или Между двумя рассветами» на БАМ. В отделе «Критика. Литературоведение. Библиография» публикуется материал А. Астраханцева «О В.П. Астафьева, человека и писателя». В Янцеве в статье «На почве равенства и любви» пишет о современном литературоведении. Зссв В. Сердюченко «Власть и художник» можно подытожить выводом: «Кончается цензура и власть — кончается литература».

Владимир Семенич. Город на колёсах: Рассказы. — Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное издательство, 2004.

Присланная в редакцию книга свидетельствует, что В. Семенич не только небом грезит (см. выше). Книга его рассказов, хоть и дефицитная для известного на Дальнем Востоке поэта, но вполне реальная. Как реальная и «сахалинская школа» прозы, в чём убедился и автор предисловия к книге, известный столичный критик Павел Басинский: «Именно рассказы Владимира Семенича, сахалинского писателя и журналиста, окончательно убедил меня в том, что «сахалинская школа» в прозе действительно существует. До этого, читая раннего Анатолия Кима, выросшего на Сахалине, Анатолия Тоболька, там долго прожившего, москвича Александра Яковлева, проработавшего на острове три года после Литературного института, я о чём-то догадывался, но всё-таки сомневался». А пока в столице сомневался, Владимир Семенич стал со своими рассказами лауреатом премии журнала «Дальний Восток» за прошлый год. «Колёса» его прозы крутятся исправно.

«Дальний Восток», российский литературный журнал, № 6. — Хабаровск, 2004.
Номер гостеприимен. Открывается рассказами москвичка Олега Блоцкого. Тема — афганская. В рубрику «У нас в гостях» приглашены литераторы Германии, составившие «Намечую тетрадь». Из Белгорода шлёт свои стихи Виктор Черкезов. Проза неясной судьбы Георгия Нахажинского вспоминает Юрий Кабанков. Рядом со стихотворной подборкой «Улыбки макушки» горю одного из старейших литераторов Дальнего Востока Евгения Лобкова стихи дебютанта Петра Пермякова. Валентина Борисова в материале «На пороге тысячелетия» представляет обзор сахалинской исторической литературы начала XXI века. О судьбе и творчестве Ивана Шабанова (1900—1937), руководителя дальневосточной делегации на I съезде Союза советских писателей, рассказывает Наталья Пономарчук в публикации «Хорошо бы родиться снова». Творчество нынешнего руководителя Камчатской писательской организации Евгения Гропянова исследует Вячеслав Васильев. Из «Литературной хроники» можно узнать, что во Владивостоке выпущена книга «Человек, писатель, земляк» о самобытном русском приморском писателе Иване Басаргине.

«Прикосновение», литературно-художественный журнал, № 6. — Тула: Гриф и К°, 2004.

Ещё один дебютант нашей рубрики, хотя и основан Олегом Пономарёвым в 1998 году. Журнал своеобразен. Так, у него есть свой девиз: «Всему своё время!» А фотография каждого автора номера даётся на всю полосу. И первым таким автором нынешнего номера стал Сергей Михалков в рубрике «Портрет поэта». Среди авторов журнала — поэты Олег Шестинский и Владимир Шемшученко, прозаики Юрий Бондарев, Олег Хафизов и Марина Парасюкова, гости из Болгарии поэты Станка Пенчева и Георгий Константинов. Вызывает симпатию то уважение, с которым издатель относится к собратям-литераторам. И вот что по этому поводу думает сам Олег Пономарёв: «Сколько красивых и умных лиц в журнале! Порадуется за этих людей, за их творчество. Не завидит. Зависть — пустое чувство. А работать за других нужно стремиться, ибо все мы временные прохожие на нашей планете». Журнал мудр и элегантен. То есть обладает чертами, многим изданиям, увье, пока недоступным.

Вероника Назарова. Наедине с ветрами: Стихотворения. — Тверь: ТУПТО «Тверское областное книжно-журнальное издательство», 2004.

Вторая книга молодого автора, кстати, недавно дебютировавшего на страницах «ЛЛ» с подборкой, названной символически «Так начинается влёт». Судя по стихам, Вероника много путешествовала, часто бывая за границей. Но, кажется, милее всего ей Тверская земля, а именно — город Торжок. Творчество и родная земля — тема знакового стихотворения, посвящённого поэту Михаилу Сорокину. «Поэта в Торжке хоронили...»

Один. На пустом столе. Впрочем, печальная картина в возможной перспективе юную поэтессу не смущает. Она продолжает отважно творить. Пусть и наедине с ветрами.

«Дон», российский литературно-художественный ежемесячный журнал, № 9. — Ростов-на-Дону, 2004.

Основу номера — рубрика «Жизнеописание». В ней публикуется исследование Александра Смирнова «Атаман-печаль», определённый им жанром как «трагедия генерала Каледина». Кстати, как указывает автор, правильно произносить фамилию генерала следует с ударением на последний слог. Казачья тема, естественно, присутствует и во всех других публикациях выпуска. Начиная с первой публикации номера, стихотворения Ивана Титова «Исталия годы и лица...» и заканчивая сообщением Константина Хохульникова «Неизвестный нам большой художник» в рубрике «Родом с Дона» о даровитом живописце Константе Васильеве Попове, похороненном в Аргентине. О поэзии другого эмигранта, Николая Туровцова, рассказывает Людмила Малюкова в публикации «Но навски с тобой не прощайся» в рубрике «Русский слог». Много других материалов об известных или забытых земляках-казаках. Недостаток журнала, на мой взгляд, отсутствие каких-либо сведений об авторах.

«Русское эхо», литературно-художественный журнал, № 5. — Самара, 2004.

В дни празднования своего 70-летия Самарская областная писательская организация призвала под знамёна номера весь свой литературный цвет. В прозе ветеран Иван Никольшин публикует «Красный цветок» передаёт эстафету более молодым — Валерию Воронцову, отказавшемуся на время от фантастики и юмора и публикующему «серьёзную» повесть «Дешан», и Анатолию Улунову с рассказом «Дядя Грива». Очень сильна самарская поэзия, где блещет такие имена, как Борис Сиротин, Дивана Кви, Евгений Чапуркин, Евгений Семичев, Владимир Осипов и Олег Портигин. К истории литературной Самары обращается Лариса Савельева в материале «У истоков Самарской писательской организации». Вадим Баранов продолжает публиковать биографические хроники в фотографиях, воспоминаниях и письмах «Сергей Евсеев. Волнуясь сердцем и стихом».

Контактные телефоны для заинтересованных лиц — представители книгоиздательства и книжной торговли: 208-95-24, 208-91-62.

— Сергей Михайлович, судя по вашему послужному списку, вы человек чиновный. И вдруг — оркестр, да ещё какой! Тут нужна очень сильная тага к музыке либо особый психологический настрой...

— К чиновному сословию я себя никак не отношу. Моя работа атташе по культуре в российском посольстве в Мексике — это другая специфика. Конечно, интерес к музыке у меня был всегда. В 93-м году я впервые услышал музыкальный коллектив под управлением Михаила Плетнёва, явно не похожий по звучанию на другие оркестры, которые приезжали в Мексику. Это был новый голос. Я даже помню — исполнялась 6-я симфония Чайковского. Эта интерпретация отличалась от привычной тёплой и нежной невинной эмоциональности, которая традиционно ассоциировалась у меня с русской музыкой. Её отличали холодноватая интеллектуальная ясность, трагическое одиночество человека, осознавшего обречённость иллюзий. После того как в 91-м году Советского Союза не стало, я пытался не только умом, но и сердцем понять, что происходит в России в духовном смысле. И вот музыка, культура — самая лучшая подсказка. Всё это заинтересовало меня. А ещё больше заинтересовало, что оркестр был необычным образом организован. Оказывается, он не был государственным.

— Были попытки организовать нечто подобное до революции?

— В начале века образовался частный оркестр Сергея Кусевникова. Проплыл на пароходе по Волге, вплоть до Астрахани. Но вот началась Первая мировая война, потом 1917 год — какой уж там оркестр! Это был единственный, увы, короткий, эксперимент в нашей стране. Так вот, занимаясь культурными вопросами в Мексике, имея возможность сравнивать с другими оркестрами, по причине географической близости, чаще всего американскими, я интересовался, как они организованы. По сути, это центры общественной жизни в своих городах. Их опекают авторитетные люди, считают своим долгом поддерживать, входят в состав попечительского совета. Но больше всего меня интересовало общественное содержание музыкального коллектива как альтернативный способ формирования новых отношений, которых не хватает между людьми. Мне уже тогда было ясно, и особенно теперь, что любое общество может хорошо развиваться, если властная вертикаль, сильная государственность, с одной стороны, и сильное гражданское общество с другой находятся в гармонии. Нет этого — страна испытывает дискомфорт. И вот в этой нашей слишком вертикальной, явно дискомфортной среде вдруг появилась некоммерческая организация, которая свободно парит в культурном пространстве страны — ярко, звучно, свежо.

— Но, как бы ни относиться к идеологической начинке Госконцерта, бытовавшей в советское время, музыкальный коллектив находился под этой государственной организацией как у Христа за пазухой.

— Сомнительный аргумент. Артисты эту систему не любили за то, что она выбирала их, как на базаре, — хороших и дешёвых, неудачных ей оркестрантов и солистов прокатывала за рубеж вывозила по своему усмотрению. Валютная выручка за гастроли шла государству. Артисту оставалось с гулькин нос. Естественно, Госконцерт, продолжая работать по-старому, в отсутствие рычагов управления, в новых экономических условиях обречён был распасться. Я прикидывал, каким образом можно воссоздать систему управления оркестровыми коллективами, причём на принципиально новых условиях? Одно было ясно: независимый оркестр Плетнёва нуждался в помощи, следовательно, он мог бы стать хорошим плацдармом для реализации новых идей. Но главная дилемма — влияние музыки на общественные связи, разорванные в культурном пространстве России в

Стрелка
С.М. Марков родился в Мичиге в 1961 году. В 1983 году окончил Мичиганский институт международных отношений. Выбрана за кандидат на дипломатическую службу. По приглашению на родину в 1995 году вместе с Михаилом Плетнёвым и несколькими музыкантами учредил Фест РНО.

ЗВАННЫЙ ГОСТЬ

Неподалёку от станции метро «Новые Черёмушки», на улице Гарибальди, 19, расположено типовое здание, построенное когда-то как кинотеатр. А теперь в нём готовят свои программы музыканты и квартирует офис Российского национального оркестра — РНО. Казалось бы, режут ухо слова «нимидж», «промоушен», когда мы говорим об искусстве, эстетике, однако о деятельности РНО они вполне применимы. Ведь он современный и необычный оркестр. В чём? Попробуем выяснить это в беседе с одним из его учредителей — Сергеем МАРКОВЫМ.

По течению и — против

90-е годы. И третье: в оркестре я зрямо видел экономические возможности.

— И всё-таки, идея создания независимого оркестра не просто с веба свалилась, видимо, на что-то вы опирались, учитывая хороший и плохой опыт прошлого?

— Хороший — в поддержке отечественной традиции. Ведь в ней выросли все наши музыканты. Другое дело, что в советской системе главный дирижёр — это был руководитель, царь и бог, а директор оркестра был, по существу, только администратором и занимался обслуживанием принимаемых главным дирижёром решений. Когда дело доходит до ответственности, то... Ну как можно спрашивать с творческого человека за финансовое и юридическое здоровье организации! Наша модель — прямо противоположная, а главного дирижёра в ней вообще нет. Я не указываю нашим мастерам, как дирижировать, а они не вмешиваются в управление организацией.

— Вы помните первую с Плетнёвым деловую встречу?

— Конечно, помню. Я поинтересовался, как бы он хотел видеть оркестр через 5-10 лет? И он сказал: «Я хотел, чтобы оркестр был способен на выдающиеся творческие достижения и без меня, а я бы мог реализовать с ним мои идеи и проекты, но не по какому-то жёсткому графику, а по мере того, как они у меня созревают». Я ответил: «Хорошо». Это нас подтолкнуло на простые и очевидные решения. Одно из них — надо развивать самостоятель-

ный бренд оркестра. Имя Плетнёва — само по себе бренд, если употребить пиаровский сленг. Человек он известный, и оркестр также известный. А вместе с Михаилом Васильевичем — это двойное замечательно. Надо сказать, бренд РНО развит удалось. Его в последнее время всё чаще пытаются украсть, отнять — значит, хороший бренд. Второе. Мы живём в эпоху глобализации. Многие дирижёры хотят работать не только на одном месте, но и в разных городах, с разными оркестрами. Это понятно: ими движет желание делиться своим искусством и получать творческую отдачу. Светланов был выдающимся дирижёром, но не хотел к своему оркестру подпускать других крупных дирижёров. Вот со смертью Светланова и умер его оркестр. Сейчас пытаются его как-то оживить, но уже будет новый коллектив. Желание ему успеха. И тем не менее для оркестра любого уровня это драма. Свобода дирижера не должна оборачиваться несоборной коллективом.

— Знакомые мотивы XX века: «авторитарность», «роль личности в истории», правители-титаны мирового масштаба...

— Общество середины прошлого века привыкло поклоняться какому-то миру. Все так было поспитаны, и это было нормально. Общая воля, общая цель. И неудивительно, что таких же титанов мы видели тогда и в культуре, в музыке: Мравинский, Караян, Стоковский. Музыканты объективно жили, а они играли как боги и вели себя как боги. Сейчас мир совершенно изменился, и производственный процесс изменил-

ся, стал более индивидуалистическим. Такие термины, как «индустриальная революция», «научно-технологическая революция», забыты.

— На смену НТР пришла информационная революция.

— Но какой информации отдавать предпочтение? Глаза разбегаются. На телевидении сплошное мелькание: 15 секунд смотрим одно, 15 секунд — другое, планы нарезаны короткими долями. И нам необходимо было предложить альтернативу, соответствующую духу времени. Вот мы и придумали дирижёрскую коллегию вместо главного дирижёра. Наша художественная стратегия — это сплав их идей. Это совершенно другой способ управления творческим процессом — более демократичный, более современный. Мы были первопроходцами не только для России, но и

для всего мира. Два крупных оркестра в мире уже пошли вслед за нами, в том числе знаменитый оркестр Питтсбургский после завершения контракта Янсона.

— Вы думаете, что ваша модель универсальна?

— Не всем она по силам, но действовать и распространяться в мире будет.

— Мне кажется, что принцип отбора дирижёрской коллегии элитный.

— Уровень, статус, известность — это важно, но ещё важнее, чтобы дирижёр было доступно состояние «божественного творчества». Это условие необходимо, но не достаточное. Второе, насколько готовы эти дирижеры вкладывать в оркестр свой талант и интеллектуальный запас. Если цель — дать хороший концерт, запиши хорошие диски и уехать, то этого мало. Членом нашей коллегии не безразлично творческая судьба оркестра в целом, и к тому же их идеи взаимно дополняемы и совместимы.

— Российский национальный оркестр — название явно не протоканонное. Оно несёт в себе новые национальные качества, свою философию...

— Этот мотив меня и поманил в РНО. Мы считаем себя игроками мирового поля, остаемся россиянами, российским, самобытным оркестром. Наверное, в этом проявляется философия, которую полностью разделяю: Россия должна быть вкюпе с мировой цивилизацией, не ограничиваясь темой «мы сами с усами, никого сюда не пустим». Я категорически про-

тивник этого. Национальная самобытность должна свободно развиваться, вбирать в себя и обогащать другие культуры. У нас в России очень концентрированная культура, и, если мы себя закурим, такой будет вкус, что мало не покажется. В наших проектах слышны разные влияния. Есть у нас дирижёр Владимир Юровский. Родился и вырос в России, в 19 лет уехал за рубеж. Там его практика, его опыт востребованы в Англии, Германии, во Франции. Он вобрал стили, современный дух мировой культуры. И вот теперь, когда Юровский возвращается на родину, мы слышим иное слово. Для нас это интересно, ибо тоже наше, национальное, но уже переварившееся, впитавшее в себя разные влияния. Плетнёв родился и вырос в Архангельске. Жил в общежитии в Казани, без квартиры, родители его преподавали в

людьми. Оркестр, как магнит, притягивает тех, кому это интересно. На теплоходе создаётся тёплый круг единомышленников.

— А это не междусобойчик?

— Да что вы! Мы даём концерты в волжских городах. Скажем, такой город, как Казань, — совсем не то, что Самара, а Волгоград — не то, что Нижний Новгород. Между ними не столько уж много горизонтальных связей. И вот мы со всеми за короткое время можем пообщаться, а они от нас что-то новое могут почерпнуть. Такое вот кровообращение культуры. Думаю, на теплоходе нет междусобойчика в его тусовочном облике. Если бы мы отторгивались, может быть, так бы и произошло, но к нам на теплоход любой может купить билет.

— Однако, Сергей Михайлович, на подобные проекты нужны деньги, и немалые. Вы же, как я понимаю, субсидий от государства не получаете.

— На отдельные проекты бывают субсидии, но в основном мы должны зарабатывать сами. РНО не может позволить себе роскошь расслабляться. В другом коллективе вынужденной простой мало кого волнует: зарплата идёт, репетиционные помещения оплачены, инструменты есть, хочешь — играй, хочешь — нет. Если мы на неделю остановимся, то на следующий месяц недополучаем четверть в семейном бюджете. Конечно, содержание оркестра, реализация проектов дешевле стоят. Для этого мы должны собрать деньги. Отсюда и открытость: кто хочет поддержать — приходите. Понимаем, что не каждому состоятельному человеку это интересно. Но есть такие (их много), которые предпочитают потратить деньги на поездку по Волге с РНО, чем отправиться на Кипр и валяться на пляже.

— Как вам удаётся вычислить спонсоров?

— На Западе любят классическую музыку, и вместе с тем она важна как компонент светской жизни. Там что-то ещё можно вычислить, привлечь человека к нашему кругу, потому что престижно. Но в России такой специальной установки нет, и критерии престижа другие. У нас в этом плане меньше притворяющихся. Да, музыка глубоко проникает в сердце, и есть популярные музыканты, которые ловко научились этим пользоваться, извлекать политические дивиденды. Но это сродни свистотазу, потому что музыка — тайна. Чем ты больше прикасаешься с ней, тем больше понимаешь, насколько высока эта тайна. Это интрига звуков, к которой всегда мне хотелось приблизиться. На самом деле те, кто реагирует на музыку, составляют примерно одинаковый процент в любом социальном слое. Это о чём говорит? О том, что музыка, как роса Божья: если брызнула на вас, то не важно, кто вы — богатый или бедный, хороший или плохой, шатен или блондин, — не вычислится.

— Ваши проекты — это риск. Но и одновременно — увлечённость. Многие из них могут быть, простите, бредовыми.

— Вся наша жизнь состоит из бредовых проектов. Я больше всего люблю самые бредовые, они ещё впереди...

— Ну например...

— Не скажу. (Смеется.) А волжский — очень люблю. Он мне так дорог...

— Прежде чем покинуть этот дом, названный Марковым «очаг», мы прошли в зрительный зал. Полукругу мягких кресел, уют и широта сцены, на которой отдыхают инструменты. Справа и слева — лестницы в подпол, откуда будут подниматься на сцену музыканты. Удивительно: нет ощущения, что ты находишься в кинотеатре.

Марков рассказывает о мытарствах оркестра в годы, когда не было своего зала, когда в арендованном общежитии репетиция шла за стеной под аккомпанемент дискотеки. В любой момент их могли выгнать. И появившийся пять лет назад этот кинотеатр — полуразваленное, облепленное полубандитскими структурами здание — не мог считаться своим домом. Потрудившись, вложили большие деньги, работали днём и ночью и, наконец, создали «Наш дом!» — с нескрываемой гордостью говорит Марков.

Конечно, ситуация, мягко говоря, забавная: многие РНО считают ведущим в России. И вот — не облакан. Везде он был как бы не ко двору. Оркестру горько: «Вы сами выбрали себе независимость и платите за это». А разве отказываются? Нет. А всё равно было очень обидно. Кому то сваливаются с неба прекрасные условия, целые состояния. РНО приходится испытывать немало лишений. Парадоксально: может быть, потому в интонации этого энергичного, с лёгкой улыбкой человека я слышу столько... бодрости, как мажорные аккорды. Слышите?

— Приходите к нам. Скоро мы начнём концерты. Может быть, не увидите великолесья лестниц, больших хрустальных люстр, но вы почувствуете тепло. Мы хотели бы, чтобы этот дом был не только для оркестра, но и для людей, в среде которых нам хорошо и вольготно дышится.

Среда ЛУКОНИН

Переломные эпохи истории

Это издание представляет собой собрание рисунков русского художника Павла Бунина, посвящённых сюжетам мировой и отечественной истории.

Бунин — художник-историк, чья творческая лаборатория собирает в себя историю Античности, Средневековья и Нового времени, охватывая страны Запада и Востока. Однако тематика истории Российской, истории отечественной культуры принадлежит в его творчестве особое место. Прежде всего это тема пушкинская. Пушкинский духовный космос — от Библии до многообразных проявлений европейской и российской жизни первой половины XIX столетия, круг друзей и недругов поэта, образы его поэзии — всё это отразилось в графических листах Павла Бунина.

Произведённая Петром I революция разделила Россию на две части: по одну сторону остались крестьяне свободных и господских общин, посадские крестьяне и мещане; то была старая Россия — консервативная, общинная, традиционная Россия, строго православная или же раскольничья, неизменно религиозная, носившая национальную одежду и ничего не воспринявшая от европейской цивилизации. На эту часть наши правительство... смотрело как на собрание недовольных, почти как на бунтовщиков. Находясь в немилости, в неопределённом положении, вне закона, она была отдала на волю другой части нации. Новую Россию составляло создание Петром I дворянство, все потомки бояр, все гражданские чиновники и, наконец, армия.

А.И. Герцен

угачёвское восстание было первым грандиозным знаменем этих противоречий. То обстоятельство, что Емельян Пугачёв был пленён Александром Суворовым, также символично...

«Ничтожных причин не бывает», — говорил Наполеон. И действительно, для того чтобы всколыхнуть сотни тысяч людей разных народов и вер и собрать их под знамёно ещё вчера никому не известного казака, потребовались наверняка серьёзные причины. «Золотой век» дворянства имел и свою обратную сторону. Эта сторона — крепостнический строй, по сути дела, равносильный рабству. «Понимаем ли мы всё ужасное значение слова раб?» — напишет несколько позже Чаадаев. Но большинство дворян могло, но не желало этого понять. Пушкин обронил однажды горькую фразу: «У нас в России правительство по-прежнему единственный европеец».

Проза 12 годов знаменала собой один из переломных моментов в истории самосознания России и её дворянской интеллигенции. Молодая интеллектуальная элита русского дворянства прошла через испытания народной войны, через успехи европейского похода, видела великодушные русские государственные победы, видела великодушные победы русского государя к побеждённым противнику.

ПОРТФЕЛЬ «ЛГ»

ПОРТФЕЛЬ «ЛГ»

VIP-ПЕРСОНА

Монетизация — оружие бюрократа!

Лично я — за отмену всех льгот и замену их денежными выплатами. Но не всё так просто... И только получив ответы на все вопросы, можно спокойно проводить эту реформу.

Михаил ЗУРАБОВ

Артур КАНГИН

Кузнец Матвей Фролов, бравый парняга, забавник и балагур, обожал знакомиться по Интернету. Удобно: прикрепил свою фотку (в он русский, этякий былинный красавец, косая сажень в плечах), да и жди поклёвки. Ему всего 27, при деньгах, а девкам замуж страсть как охота, вешаются на шею гроздьями.

Однажды списался с 19-летней красоткой, Риной. На карточке она в ажурных трусиках-танго стыдливо прикрывала налитую грудь.

Договорились о встрече.

— Я тебя из кухни сама заберу, — медово проворковала Риночка. От её эротичного голоса парнягу затрясло, появилась щемящая боль в паху.

Приехала на «москвиче», № ХА765А, помахала ему из окна миниаторной ручкой.

Матвей радостно нырнул в салон, а там громоздилась 50-летняя жаба, вся в бриллиантах.

— Повехали? — квакнула с похотливым придыханием.

— Куда? — обречённо спросил Матвей.

— На бал сатаны.

— Да я как-то...

— Эх, милая! А ещё кузнец! «Москвичок» радостно взизгнул колёсами и полетел под горку.

2. На балу сатаны Матвею не понравилось. Народу много, сплошь поганый, воняет, толкается. Да и сакс с жабой, то есть с Риной, был не хай-класса. Домой вернулся усталый и сердитый. Хорошо ещё впереди воскресенье, можно передохнуть.

Интернет какое-то время теперь заказывают чугунные кровати, люстры, унитазы. Но разве в деньгах счастье? Грустно без кровных родственников... В дверь постучали.

ПРОШИРСКАЯ ПРОЗА
Жаба из Интернета

Телефон затрещал к обеду.

— Алло, это Рина! — с эротичным восторгом пропела трубка.

— Ты чего, злодей, не звонишь? Я тебя по балам таскаю, разрешаю как могу.

Матвей шваркнул трубку.

Достала!

Лёг на диван, взял жизнеопиение святых угодников. Вот молодчег! Жили в землянках. Питались низкокалорийными акридами. Обходились без женского пола.

Телефон зашёлся петухом на плетне.

Матвей выдернул провод.

Стал о себе думать. Плохо ему без жены, без детишек.

Задумчивый Матюша, даже не глянув в зрачок, распахнул жилище. На пороге выросла ба-ренесса Жаба, то бишь Рина. Она сходу залепила парню звучную пощёчину.

3. Да кто вы такая? — попятился парень.

— Твоя любовница, оглоед! — Бородавки на лице нахалики стали малиновыми.

— В Интернете вы были красоткой, 19 лет... А тут, тьфу!

— Только это? И всё? — смутился Рина.

Она ударила оземь и обратилась точёной красавицей с выющимися волосами до самой попы. Грудь разрывали бумажную рубашонку.

Матюша протёр глаза. Метаморфоза, блин!

— Тебе нужно только тело? — улыбулась Рина.

— А как же душа?

Рина села на пуфики, закинула ногу на ногу.

Длинные её ножки были в ажурных чёрных чулках.

Молодой кузнец почувствовал дикое возбуждение.

— Может, вицца? Потанцуем? Есть ринлинг...

— Иди ко мне, чадушко горемичное!

— И благоухающее колесо любви с хрустом переваляло через грудь парня, через самое сердце.

4. Так ты ведьма, что ли? — через полчаса после любовной схватки, улетающая личинкой на шкварках, спросил Матюша.

— Ну, — Рина пустила колючко дыма через сочные губы.

— Из сказки.

— Из жизни, сладкий!

— А какая ты настоящая? С бородавками жабы? Или как сейчас — топ-моделька?

— Разная.

— Оставайся красоткой. — Матюша обхватил шкварку.

— От тебя зависиет.

— Что делать-то?

— Люби.

— Делов-то.

Стали жить как муж да жена.

Матвей угорил Рину продать её жуткий «москвич», и подарил ей алый «форд» с люком на крыше — в последние годы Москва баловала жарким летом.

По утрам Матюша уходил в кузницу, а Рина, лугая фисташки, плялилась на женские телесериалы, потом готовила ужин.

Вечером же, отаедав бараньего бокса с оливами, всё это залив клюквенным морсом, Матюша хватал в охапку господу Рину и транспортировал её к пиришественному ложу.

И тут были стоны, крики, шарпанье, прочее и подобное, потом даже и покурче. После же победоносной страсти Матюша молил сексуальную партнёршу:

— Не превращайся в жабу.

— Люби меня, шоколадный!

Рина замигала скользкими, жабьими очами:

— Дай передохнуть. Звонялась в теле крали.

Матвей снял со шкафа, под иконой Николая Чудотворца, лично выкованную подкову. Она, как известно, жутко оберегает от нечистой силы.

Он перевернул жабу подковой.

Рина зло сплюнула.

И парень почувствовал что-то неладное. Халат на нём обвис тряпкой, башка страшно зачесалась.

А когда глянул в зеркало, обалдел. На него тарвилась кривобок, бородавчатый карлик.

Матюша метнулся к жабе, срабастал её за горло:

— Что, гадина, надлевала?

Рина без всякого усилия отбросила его руку:

— Дурячок! Просто теперь ты перестанешь комплексовать. Мы — одинаковые.

5. И что вы думаете? Однажды солнечным утром он обнаружил в своей постели поживую, бородавчатую Рину. Жаба вернулась!

— Ты чего? — толкнул толстуху в бок.

6. Прошло полгода и три дня. Рина опять превратилась в сексапильную красотку с налитыми грудями и аппетитной попой. А кузнец Матюша Фролов вновь быллинный красавец, косая сажень в плечах.

Они зарегистрировались. Рина понесла плод и скоро родит.

Вот такая типовой история. Она наверняка понравится кочегарам и пенсионерам, тинейджерам и альпинистам...

Не понравится она только интернетчикам.

Хотя этим привередливым господам ничем не угодишь.

К слову, компьютер свой Матвей выкинул на свалку. А когда ему случается ненароком проходить по компьютерному рынку, он видит в стеклянных витринах грузную бородавчатую жабу и кривобокую карлика, с лишивши во всю поганую морду.

Так что, пацаны, если будете знакомиться по Интернету, будьте поосторожней. Мало ли какую жабу подцепите на крючок.

Воспоминание о будущем

Если бы я был министром, а ещё лучше генералом, я построил бы всех-всех на огромной площади, сел бы в большой воронёный автомобиль и, подъехав к первой колонне, крикнул:

— Здравствуйте, работники банков, холдингов и других бидлингов!

— Здравия желаем! — ответили бы мне прилично одетые граждане.

— Поздравляю вас с самым лучшим в мире народом! Надуваешь его, надуваешь, а ему хоть бы что!

— Это точно! — донеслось бы в ответ. — Ура!

— Работники нефти, газа, леса, обороны и других ископаемых, — крикнул бы я. — Не жирно будет, а?!

— Нормально! — прокричали бы те. — Ура!

— Творческая интеллигенция, не пора ли пере-

стать холуйствовать, лакействовать и писать гимны?! — Не пора! — неслось бы мне вслед. — Ура! Ура!

И, наконец, я подъехал бы к самой монолитной колонне.

— Работники обкомов! Простите, разных там кабинетов и администраций, сенаторы и губернаторы, депутаты и демократы, а не пойти ли вам всеми... — Ох, что бы я им сказал! Но я не генерал. Я сам стою в одной из колонн, и кто-то другой подкатывает ко мне на воронёном автомобиле и говорит:

— Значит так. Если вы, писаки и снамки, будете и дальше расквашивать нашу общую лодку, я вам!.. И я не молчу, нет! Я делаю глубокий вдох, и из моей груди рвётся мощное «Ура! Ура! Ура-а-а!»

Владимир ГРЕЧАНИНОВ

ДВЕНАДЦАТЬ ОЗАРЁНОК

Минуло то время, когда мы верили, что оно наступило.

И среди непогоды встречаются по-рядочные мерзавцы.

Юрий КОВЯЗИН, КАМЕНСК УРАЛЬСКИЙ

От много ближнего лучше держаться подальше.

Закон нужно соблюдать не Юкосинствено.

Константин КУШНЕР

Как же далека наша действительность от реальности!

Был челом ниже пояса.

Трудно любить ближнего, когда надо.

Человку для счастья надо немножко: в крайнем случае ещё по чуть-чуть...

Только деньги дают уверенность, что счастье не в них.

Борис КРУТНЕР

Скажи мне, кто твой муж, и я скажу тебе, кто он.

Эмилий АРХИТЕКТОР

И осиноый кол делают то любовью.

Геннадий КРЮЧКОВ

Что в старости лучше: когда есть что вспомнить, или когда есть что есть?

Валерий ФИЛЬЧЕНКО, УЛЬЯНОВСК

СОСТОЯЛ ЕВГ. САЗОНОВ
Классик вернулся!

Как объявила в конце ушедшего года восторженная Администрация «Клуба ДС», вернулся в большую литературу из глубокой творческой командировки великий душелюб и автор романа века «Бурный поток» Евг. Сазонов. Правда, сам классик пока остаётся в народе, а его интересы представляет закадычный приятель и почётный правовед Нифонт Янакиевич Кубышкин.

На днях он снова прорвался в редакцию и передал Администрации большой привет и маленькое заветное слово классика.

С незабываемым трепетом наблюдаю я глубинные процессы, происходящие в недрах родной Госдумы. Умиляет, с каким упорством борется подавляющее большинство избранных за народные блага.

Тем большим гневом и сочувствием переполняется сердце, когда я вижу, как, забывая о простых людях, депутаты напрочь забывают о себе.

Что же это происходит?! Народу, значит, заменили льготы, мифические и невидимые из указанных недр, на настоящие, полновесные, конвертируемые рубли, а о своих карманах скромно забыли? Прерывая беспробную творческую командировку, требую исправить эту несправедливость. И за подобную недоработку дать указанным избранныкам по шапке. Да я не только по шапке. А категорически монетизировать все депутатские льготы. Пусть почувствуют

Депутатизация монетизации

Предлагаю перевести из виртуальной безнадичной сферы и незамедлительно обрубить и обдолларить следующие услуги:

— аренда депутатской квартиры — 800 долларов в месяц (если номер в гостинице, то 100 долларов в сутки на всё время полномочий);

ТЕЛЕГРАММА

Титаву «Бурного потока»

Друг Сазонов — ты почти Сазонов, Крушой рыбой весело блещишь, Грозовым потоком новых пластов Ты взрываешь творческую тишь, На просторах рек и океанов Мы, рыбёшки, цвелем твоей пресни: Карлов, Осетров, Малков, Лобанов, Рыбкин, Дед Щукарь, Геннадий Фил...

— бытовое обслуживание — 3000 рублей в месяц;

— лечение — 34 000 рублей за тот же период;

— полёты на отдых в бизнес-классе — 2000 долларов;

— безлимитные разговоры по мобильному телефону и международные — 2000 долларов в месяц.

А также полёты по стране, поездки по столице и за её пределы на автомобиле и прочее, и прочее, и прочее.

Повысить, как предполагается, зарплату депутатов и сенаторов до 90 000 целковых в месяц.

Видеть им эти деньги натурой и пусть впрёд сами расплачиваются за всё из своего кармана! Вот когда они почувствуют себя равными с облагодетельствованным народом. И тогда уж им мало наверняка не покажется.

Или покажется.

Евг. САЗОНОВ, из глубинки

Из анналов

В былые время жили готы, Но отменили готам льготы, Остаётся безо всяких льгот, Ушёл из жизни бедный гот...

СТАНЦИОННЫЙ СМОТРИТЕЛЬ

Оранжевое с голубым

Милые бранятся — только чешутся! — перефразировали старую пословицу в тусовке. Вечно близкая Украина так зачесалась, что стало видно: брань сильная! Чутье уху народной лингвистики отреагировало на шевеление общественной атмосферы. Самые популярные цвета — оранжевый и бело-голубой — разделили общество надвое. В Одессе игнорируют апельсинки и выставляют рядом с ценником табличку: «Наши апельсины — синие!» В Киеве привязывают к хвостам собак оранжевые бантики и боится во время ночных бдений на Майдане поспинеть от холода. Комитет национального спасения Украины переименовали в «Союз рыжых», а Чёрное море предложили переименовать после прихода Ющенко к власти в Оранжевое. В парикмахерских красят бороды в оранжевый цвет — напряжёнка с хной!

На Майдане поставили влку оранжевого цвета. В ресторане появилось блюдо «Сало в апельсинах», а в фольклорной кулнвари — личница «Премьер», суши «Ющенко», самогон «Данилыч»... Где правда — где фольклор, не разобрать: всё обломилось в доме Смешальских! Оппоненты вбросили предложение Путину устроить народное движение оранжевых под девизом «От Майдана — до Магдана!» Ну а ночные бабочки Крашчатка порешили делать 20-процентную

скидку для «оранжевых революционеров». Лишь дворники и железнодорожные рабочие отстояли тужурки оранжевого цвета.

Сами выборы на Украине окрестили «Кароке на Майдане». Разобрали популярные российские шлягеры последних лет. У сторонников Ющенко — знаменитая детская песенка: «Оранжевое лето, оранжевое солнце, оранжевое море...» да популярный шлягер Сюткина «Оранжевый галстук». Владимир Шахрин (группа «Чайф») высказал в адрес Юлии Тимошенко нелицеприятные упрёки после того, как она призвала своих сторонников есть апельсины, носить оранжевое и слушать альбом «Чайфа» — «Оранжевое настроение». Януковичу тоже достались неплохие шлягеры: «А вокруг голубая, голубая тайга...», «Голубой, голубой, не хочу дружить с тобой!» из мультяшки о голубом щенке. Или ещё: «Катится, катится голубой вагон...» Куда катится? Вестимо — последний вагон на Север. Аллюзии, знаете, великая сила!

В центре общественного внимания оказалась «Фурья революции» — Юлия Тимошенко. Фонд её кличек пополняется день ото дня: «Газовая принцесса Юлия», «Единственная мужичка в украинской политике», «Леди Ю», «Железная леди Украины», «Женщина в 11 миллиардов долларов» назвал Ю.Т. Бжезинский, западные СМИ взалёб имену-

ют её «Украинской пассионарией». На родине к ней относятся с меньшим пиететом и трепетом. Слишком конъюнктурный имидж — коса и кожаная куртка. Впрочем, Ю.Т. не скрывает своего диалектического отношения к имиджу. «Если вы хотите видеть косу, — сказала она во время известных событий на Майдане окружающим, — то в следующий раз она будет». И появилась с колбасной косой на голове. Говорят, коса легко отстёгивается. Да ещё родилась кличка — «Дама с халой на голове». Появилась байка: «Из решения суда: «Зачесть Юлии Тимошенко время пребывания на площади Независимости в срок отбытия наказания». Тут же и родился монолог: «Не понимаю, зачем Тимошенко поддерживает Ющенко? Ведь если он станет президентом, а она премьером, отношения Украины с Россией сильно ухудшатся, Россия перестанет поставлять газ — и что тогда Юля будет воровать? Грузинские мандарины?»

Из числа анекдотов, крими заполнены газаты, телефонные линии и Интернет, примечателен такой: «Стоят Ющенко и Тимошенко на Майдане невменяемо. Ющенко чистит апельсин и задумчиво так смотрит на толпу: «Юль, а что потом будем делать со шкурками?» — «Не боись, Витёк, мы ими потом шахты забросаем».

«Президентом ксерокса» называли Виктора Ющенко

после того, как он принёс присягу на какой-то древней и якобы ксерокопированной Библии, и добавили: временное правительство Тимошенко учредило первую правительственную награду — «Орден Железной Маски». Появились неологизмы, работающие в одной смысловой связке: страну ющили и янучили... Впрочем, врачи узкого профиля предупреждают: «От Ющенко до Кащенко — один шаг».

Что до Виктора Януковича, то ему достались пресные анекдоты с яйцами — в память о брошенном каким-то студентом яйце. То агентство ОБС (Одна Бабка Сказала) сообщает, что Янукович выбрался из окна на лоток яиц. То скорректируют Государственный флаг Украины: голубое небо в яйцах. Договорились до того, что если Виталий Кличко — чемпион по версии WBA, то Виктор Янукович — президент по версии ВВП. На забыли и российских демократов. Почему Немцов поехал в Киев? Он решил, что к его жёлтым штанам подойдёт оранжевый шарфик!.. И вообще, остряки заметили, что трудно говорить о дружбе Украины и России, когда на одном гербе посредине волка, а на другом птица.

Александр ШУТЛОВ

Под патронажем Министерства экономического развития и торговли Российской Федерации и Торгово-промышленной палаты России

Национальная премия в области бизнеса

Компания года

ОАО Авиакомпания компания

ТРАНСАВРО

АВИАКОМПАНИЯ

признана лауреатом премии 2004 года

в номинации

транспорт

РосБизнесКонсалтинг